

УОЛТЕР ЛОРД

РЕЗЕРВАТНАЯ
ПОБЕДА

ОТ АВТОРА

По всем обычным нормам, они находились в безнадежном положении. У них не было линейных кораблей — противник имел одиннадцать линкоров. У них было всего три авианосца, из которых один был серьезно поврежден, в то время, как противник имел восемь кораблей этого класса. Их береговая оборона была очень неэффективной, включая орудия — ровесники века.

Они почти не имели боевого опыта. На всех трех авианосцах не было ни одного пилота, который хотя бы раз до этого побывал в бою. Не имели боевого опыта и пилоты армейской авиации, а летчики морской пехоты, только что выпущенные из летных школ, не успели налетать даже четырех часов летного времени. А противник шел на них в ореоле побед, имея опытнейший и не знающий поражений личный состав.

В ожидании боя они устали, смертельно устали. Экипажи летающих лодок, например, совершая разведывательные полеты, находились в воздухе по пятнадцать часов в день, а после посадки помогали готовить свои самолеты к следующему вылету, выкраивая не более трех часов для сна.

К тому же, никуда не годилась и их боевая

техника. Пикирующие бомбардировщики не могли пикировать, поскольку были такими старыми, что обшивка плоскостей не выдерживала нагрузок. Торпеды были тихоходными и ненадежными, а торпедоносцы еще хуже. И на них они должны были идти в бой против лучших в мире самолетов и опытнейших летчиков.

Потери их были ужасны. Полностью погибла 8-я эскадрилья торпедоносцев, одна из истребительных групп потеряла двадцать одну машину из двадцати семи... И таких примеров можно привести еще очень много.

Теоретически они не могли победить. Но они победили и, победив, изменили весь ход войны на Тихом океане. Более того, они добавили еще новое название — Мидуэй — к тому небольшому списку названий, что веками служат вдохновляющими примерами для грядущих поколений.

Подобно битве у Марафона, разгрому Непобедимой Армады, сражению на Марне и некоторым другим, Мидуэй со всей яркостью показал, как в борьбе со значительно превосходящими силами противника в человеческой душе аккумулируется некая волшебная смесь, состоящая из доблести, мастерства и веры в правоту своего дела, которая приводит от, казалось бы, верного поражения к невероятной победе.

ГЛАВА I

РЕШАЮЩИЙ УДАР

Унтер-офицер Хейдзиро Оми не мог найти слов оправдания. Как старший вестовой адмирала Ямамото Оми отвечал за качество пищи, приготовляемой для банкета. А ведь в меню банкета входило знаменитое блюдо тай, которое готовят в исключительных случаях. Для приготовления этого блюда специально отбирают наиболее крупных морских лещей и поджаривают их целиком в соевом остром соусе миссо. И каждый японец, если он знаком с древними обычаями своей родины, знает, что блюдо тай готовят только по случаю военных побед Японии.

Однако, Оми, занятый многочисленными деталями предстоящего банкета, не обратил внимания на то, что приготовление блюда тай было поручено неопытному коку, который не сумел поджарить лещей, как следует. Было от чего прийти в отчаяние — ведь любая, даже самая ничтожная, ошибка унижала унтер-офицера Оми, который был единственным человеком, имеющим право лично обслуживать самого главнокомандующего Объединенным флотом Японии адмирала Исороку Ямамото. Поэтому Оми, не оправдываясь, молча перенес головомойку, которую устроил ему

флаг-офицер командующего капитан 2 ранга Нобору Фукусами. Сам адмирал, присутствуя при этой сцене, наблюдал ее с иронической усмешкой, но не вмешался.

В этот день на борту флагманского корабля Объединенного флота «Ямато», грациозно стоящего на бочке посреди якорной стоянки флота в бухте Хасира, собрались многочисленные гости — более двухсот офицеров всех рангов: хмурый и молчаливый адмирал Нагумо, чье имя прогремело после удара по Перл-Харбору, молодые командиры эсминцев, один из наиболее популярных офицеров флота, командир авианосца «Сорю», капитан 1 ранга Янагимото, блестящие штабные офицеры — питомцы двадцать третьего выпуска Военно-морской академии, которых, казалось, сама судьба готовила для славы и громких дел.

Адмирал Ямамото собрал их в этот весенний вечер 25 мая 1942 года, чтобы отметить великие деяния, которые предстояло совершить Объединенному флоту. По плану адмирала Ямамото армады кораблей Объединенного флота, пройдя через просторы Тихого океана, должны были захватить американскую базу на атолле Мидуэй, увеличив тем самым оборонительный периметр империи и одновременно завершив разгром флота США, начатый в Перл-Харборе.

Когда адмирал Ямамото объявил собравшимся офицерам о своем плане, аплодисменты и «банзай», взорвав тишину вечернего рейда, загремели над линкором «Ямато» и были подхвачены на других кораблях, стоящих на якорной стоянке Хасира.

Начался банкет. Тот, кто когда-либо присутствовал на банкетах, где подается блюдо тай под соусом миссо, надолго запомнит это событие. Тосты за нацию, за флот, за былые триумфы и будущие победы. Теплое саке подогревает воображение, заставляя мечтать о новой славе и, не отрываясь, смотреть на прекрасные цветочные вазы — личный подарок императора адмиралу Ямамото.

Все было наполнено сознанием победы — и не только здесь, на рейде Хасира, но и по всей стране. Вооруженные силы Японской империи шли путем триумфальных побед: Перл-Харбор... «Рипалс» и «Принс оф Уэллс»... Гонконг... Манила... Сингапур... Батаан. В апреле вице-адмирал Тюити Нагумо со своими ударными авианосцами, как смерч, прошел по Индийскому океану, атаковал Коломбо, потопив английский авианосец «Гермес» и два тяжелых крейсера. Затем сражение в Коралловом море и новая слава. Правда, позднее сами японцы признают это сражение стратегическим поражением, сорвавшим планы захвата Австралии. Но кто мог сказать что-либо подобное сегодня, когда напыщенное официальное коммюнике сообщило об этом бое как о новом сокрушительном ударе по американскому флоту, когда газеты и радио наперебой кричали о потопленных авианосцах, линкорах и крейсерах противника, о лежащих в пепле американских городах, о панике среди населения США, о миллионах брошенных ферм, о полной растерянности американского правительства, о безнадежных попытках Кордуэлла Хэлла мобилизовать на борьбу развращенное

демократией общество, о растущем разочаровании в лагере союзников...

И только один японец знал цену всем этим сообщениям. Это был адмирал Ямамото. Ямамото родился в 1884 году — в эпоху великих преобразований, вызванных революцией Мейдзи. Молодым мичманом Ямамото участвовал в Цусимском бою на флагманском броненосце легендарного адмирала Того и был ранен. Адмирал Ямамото считался основателем воздушной мощи флота и олицетворял собой могущество новой Японии, силы которой, тем не менее, он оценивал очень трезво. Адмирал хорошо знал Америку, причем, не по докладам, а по многолетним личным наблюдениям. В свое время, окончив Гарвардский университет, а впоследствии занимая должность японского военно-морского атташе в Вашингтоне, Ямамото имел возможность объехать Соединенные Штаты вдоль и поперек и разобраться в причинах силы и оптимизма Америки. Позднее враги адмирала утверждали, что, начиная войну, он будто бы хвастал, что мир будет заключен только в Белом Доме. В действительности же, Ямамото прекрасно знал, что это невозможно. Адмирал никогда не забывал о потенциальных возможностях американской промышленности, что делало Соединенные Штаты величайшей державой мира, с которой Япония была просто не в состоянии бороться длительное время. Достаточно было сравнить данные по производству автомобилей в обеих странах в 1940 году: 4 500 000 — в США и только 48 000 в Японии. Незадолго до начала войны в доверитель-

ной беседе с премьер-министром Коноэ Ямамото заметил: «Если война все-таки начнется, я могу с уверенностью сказать, что первые полгода, а может быть, и год, мы будем побеждать, но я совершенно не уверен за второй, а тем более, за третий год войны».

И вполне естественно, что адмирал Ямамото принял единственно правильное решение: сделал ставку на быструю, решительную победу над Соединенными Штатами посредством внезапного сокрушительного удара в первые же минуты войны. Казалось, это удалось, когда авианосцы адмирала Нагумо нанесли страшный удар по Перл-Харбору. Теперь же надо было истребить американский флот, захватить контроль над всем Тихим океаном, а затем, не подвергая страну агонии длительной войны, убедить тех, от кого это зависит, заключить с Вашингтоном приемлемый для Японии мир.

Будучи незаурядным человеком, адмирал Ямамото не мог не сознавать риска затеянной авантюры. Но он смело шел на риск, и это неудивительно — адмирал по натуре был игроком. Еще во время пребывания в США любимым занятием Ямамото были игры в бридж и покер. «Играете ли вы в покер?» — спросил Ямамото на одном из приемов в Вашингтоне какого-то молодого дипломата. И когда молодой человек смущенно ответил, что не умеет, Ямамото отрезал: «Люди, не умеющие играть в покер, не стоят того, чтобы с ними разговаривали!»

Казалось, что ныне, в затеянной адмиралом

Ямамото гигантской игре, он распределил все ставки правильно. Однако, командующий Тихоокеанским флотом США адмирал Честер Нимиц не принял игры Ямамото, а напротив, пытался навязать ему собственную игру. Понимая, что его ослабленные первыми поражениями силы еще далеко не в форме, чтобы начать более-менее серьезные операции, американский адмирал, выигрывая время, разработал тактику, которая получила название «кусай и беги» и заключалась в молниеносных рейдах авианосцев для нанесения ударов по внешнему периметру японской обороны с таким же молниеносным отходом. В свою очередь, адмирал Ямамото, прекрасно понимая, что время работает не на него, считал необходимым в самое ближайшее время навязать американскому флоту решительное сражение и довершить его разгром. Атолл Мидуэй, по мнению Ямамото, был именно тем местом, захват которого втянет остатки американского флота в решительное сражение.

Атолл Мидуэй — маленький форпост США в центральной части Тихого океана, в тысяче ста тридцати шести милях к северо-западу от Гавайских островов, занимал очень выгодное стратегическое положение, и захват его открывал большие возможности для планирования и осуществления дальнейших операций японского флота. Идея захвата Мидуэя родилась еще в феврале 1942 года, когда Япония завершила так называемую «первую фазу войны» и флот начали раздирать споры о направлении дальнейшего стратегического наступления. Морской Генеральный штаб возражал про-

тив захвата Мидуэя, предлагая продолжать наступление на запад, захватить Цейлон и, продвигаясь в этом направлении, соединиться с Роммелем где-то на Ближнем Востоке. Другая группа офицеров Морского Генерального штаба выдвинула более грандиозный план, предусматривающий наступление на юг с захватом островов Новая Каледония, Самоа и Фиджи и с оккупацией на заключительном этапе Австралии.

План захвата Мидуэя принадлежал Ямамото и разрабатывался штабом Объединенного флота. Даже если бы этот план не имел недостатков, то, учитывая традиционный антагонизм между Морским Генеральным штабом и штабом Объединенного флота, было вполне естественно, что Морской Генеральный штаб выступил против этого плана в столь резкой форме. Однако, очевидные недостатки плана Ямамото действительно заставляли задуматься над целесообразностью его проведения.

Большая удаленность атолла от Японии, невозможность прикрытия его базовой авиацией, уязвимость со стороны Гавайских островов, сжатые сроки, необходимые для реализации плана, — все это были минусы, с которыми невозможно было не считаться. Но горячим сторонником захвата Мидуэя был сам Ямамото, а популярность этого человека была такова, что мало кто решался открыто ему возражать. В итоге мнение Объединенного флота стало брать верх, и 5 апреля 1942 года Морской Генеральный штаб, который формально считался высшей инстанцией, нехотя утвердил план операции, напомнив Ямамото об уг-

розе его правому флангу со стороны Алеутских островов. Ямамото заверил, что Алеуты будут атакованы одновременно с Мидуэем, и сделал примирительный шаг — после захвата Мидуэя он не будет возражать против наступления на юг по плану Морского Генерального штаба. Однако, заключенное соглашение не могло мгновенно уничтожить вековые раздоры между двумя высшими штабами Императорского флота. Poleмика продолжалась, что вовсе не способствовало скорейшему проведению подготовительных мероприятий.

Все споры закончились 18 апреля 1942 года. В этот весенний день с борта самолета, на котором находился премьер-министр Японии генерал Тодзио, совершавший инспекторскую поездку, на подлете к порту Мито прямо по курсу обнаружили летящий впереди бомбардировщик, закамуфлированный в непривычные для японцев зелено-коричневые тона. Потребовалось несколько мгновений, чтобы все находящиеся в самолете премьер-министра Японии с ужасом убедились, что перед ними неизвестно откуда взявшийся бомбардировщик противника. Это был один из шестнадцати бомбардировщиков В-25, участвовавший в знаменитом рейде на Японию под командованием подполковника Джемса Дулиттла. Рейд потряс всю Японию, население которой впервые за всю войну смогло убедиться в мощи Америки. Конечно, особого материального ущерба доблестные летчики Дулиттла причинить противнику не могли, но морально-психологический эффект был огромным. И никто не был так потрясен этим событием, как

адмирал Ямамото, считавший себя ответственным за безопасность императора. Если учесть почти религиозное преклонение японцев перед микадо, то можно понять, что пережил главнокомандующий Объединенным флотом, запершись в тот день в своей каюте на «Ямато». Старший вестовой адмирала Оми впоследствии рассказывал, что никогда не видел Ямамото столь бледным и подавленным.

Налет бомбардировщиков Дулиттла окончательно положил конец дискуссиям. Идея решительного сражения отступила на второй план перед идеей увеличения оборонительного периметра. Позднее офицеры, служившие с адмиралом Ямамото, уверяли, что желание обезопасить столицу от повторного воздушного нападения стало навязчивой идеей адмирала, которой он подчинял многие свои поступки. Не веря в то, что двухмоторные бомбардировщики базовой авиации могли подняться с палуб замеченных накануне авианосцев противника, Ямамото считал, что единственным местом, откуда они могли вылететь, был атолл Мидуэй, и категорически потребовал захвата этого «разбойничьего гнезда». После всех этих драматических событий Морской Генеральный штаб уже не осмелился возражать.

Начальник оперативного отдела штаба Объединенного флота капитан 1 ранга Камето Куросима смог снова окунуться с головой в свою любимую работу. В его обязанности входила детальная разработка планов операций, и, по общему мнению, он был рожден для этого дела. Весь смысл своей жизни капитан 1 ранга Куросима видел в

этой работе. Занимаясь разработкой операции, он мог по несколько дней не выходить из своей каюты: он то сидел на линолеуме, зарывшись в бумаги, то размышлял в полной темноте, выкуривая при этом одну сигарету за другой и швыряя окурки в большую, наполненную водой вазу, поскольку никакая пепельница не могла вместить такого количества окурков и табачного пепла. Работая, Куросима забывал обо всем. Рассказывали, что он даже спал, не снимая ботинок, за что заслужил не очень лестное прозвище «боке-самбо» (неряха). Адмирал Ямамото смотрел сквозь пальцы на все странности Куросимы, разделяя общее мнение, что этот офицер — «Бог оперативных разработок».

Разработанный капитаном 1 ранга Куросима план захвата Мидуэя был достоин своего создателя, напоминая сложный военно-морской балет. Для дезориентации противника к осуществлению плана привлекались шестнадцать отдельных соединений флота, которым были поставлены, на первый взгляд, совершенно самостоятельные задачи, но чьи действия подчинялись единой цели и координировались из одного центра. Весь план строился вокруг так называемого дня N, назначенного для высадки десанта на Мидуэй. В день N-3 (день N минус три дня) адмирал Хосогая должен был начать представление атакой на Алеутские острова, отвлекая внимание противника от направления главного удара. Затем, в день N-2, адмирал Нагумо со своим сверхмощным ударным соединением из шести авианосцев должен был подойти к Мидуэю с северо-запада и нанести удар по атоллу,

уничтожив опорные пункты и авиацию противника. Наконец, в день N к Мидуэю должны были подойти силы вторжения и, действуя под прикрытием линейных кораблей адмирала Кондо и авиации Нагумо, высадить десант на атолл. А между тем, ядро флота, могучие линейные корабли под командованием самого адмирала Ямамото, должны были находиться в трехстах милях позади сил вторжения с тем, чтобы перехватить американский флот, когда тот поспешит к Мидуэю. Севернее корабли, прикрывающие соединение адмирала Хосогая, должны были находиться в позиции, позволяющей быстро присоединиться к соединению Ямамото в случае появления американского флота. Для полного обеспечения операции план Куросима предусматривал развертывание двух завес подводных лодок между Мидуэем и Гавайскими островами. Подводные лодки должны были вести наблюдение за движением американского флота и, по возможности, атаковать корабли противника.

Вскоре разработанный в унылой, прокуренной каюте капитана 1 ранга Куросима план захвата Мидуэя был отдан на доработку в оперативный отдел штаба, где им занялись флагманские специалисты Объединенного флота. Флагманский связист капитан 2 ранга Есиро Вада думал о лучших способах обеспечения связи на безбрежных просторах океана, капитан 2 ранга Акира Сасаке разрабатывал инструкции для летчиков, капитан 2 ранга Ясуро Ватанабе обдумывал различные тактические варианты. Очень много проблем приходилось обдумывать и решать при обеспечении и

поддержке десантных соединений.

Адмирал Ямамото часто работал вместе со своими офицерами. Для Ямамото штаб не являлся «мозговым центром», чьи советы должны были питать оперативную мысль командующего. Он видел в своем штабе лишь исполнительный орган для воплощения в жизнь принятых им решений.

Иногда адмирал устраивал совещания со своими штабными офицерами. В такие дни столы в оперативной рубке сдвигались вместе, офицеры рассаживались на коричневом диване, который шел вдоль переборок рубки, на стол ставилась коробка с сигарами, вестовые приносили сыр и великий символ победы — бутылки виски «Джонни Уокер», большой запас которых был захвачен в Сингапуре. Адмирал Ямамото не пил и не курил, но никогда не навязывал своего образа поведения другим. Адмирал был прост в обращении, внимателен к своим офицерам, ценил юмор в себе и других. И, хотя вся жизнь адмирала принадлежала службе (никто ни разу не видел Ямамото в штатском костюме), он, военный до мозга костей, имел свои слабости: был равнодушен, как уже говорилось, к азартным играм, считался сладкожкой, любил пофлиртовать с дамами. Все это делало адмирала Ямамото более человеком из плоти и крови, нежели национальным монументом, каким его представляют сейчас.

В конце апреля из южных морей в воды метрополии вернулись соединения адмиралов Нагумо и Кондо, которые еще ничего не знали о планах Ямамото по захвату Мидуэя. Когда Ямамото про-

информировал их о задуманной операции, адмирал Нагумо отнесся к этому с полным безразличием — его авианосцы были способны выполнить любую задачу, где бы она ни была поставлена. Но адмирал Кондо стал возражать, приводя уже знакомые Ямамото доводы, которые в свое время были на вооружении у Морского Генерального штаба. Ямамото быстро осадил своего заместителя: все уже решено, и мнение Кондо его интересует только в плане наилучшего осуществления задуманной операции. Утром 1 мая в оперативной рубке линкора «Ямато» была проведена военно-морская игра. Проигрывался вариант, по которому «красный флот», как условно обозначили флот США, внезапно силами авиации атакует «синий флот» — соединение Нагумо, когда его самолеты бомбят Мидуэй. Посредник бросил кости — выпало девять попаданий, в результате которых авианосцы «Акаги» и «Кага» оказались потопленными. Однако, начальник штаба Объединенного флота контр-адмирал Матоме Угаки неожиданно вмешался в действие посредника, снизив число попаданий до шести. В итоге авианосец «Кага» остался потопленным, но «Акаги» снова принял участие в операции. В проведении игры чувствовалась полная уверенность в успехе и пренебрежение к противнику.

5 мая план адмирала Ямамото начал воплощаться в жизнь. В этот день императорская ставка издала директиву № 18, которая приказывала Объединенному флоту, взаимодействуя с армией, обеспечить захват Мидуэя и западной гряды Алеутских островов. Этой директивой была утвержде-

на и кодировка операции. Вся операция была закодирована как «Операция MJ», Алеутские острова обозначались «АО», а сам Мидуэй — «AF».

Размышляя над итогами военно-морской игры, капитан 1 ранга Куросима пришел к выводу, что не мешало бы знать немного больше о том, чем занимается флот США. Поэтому 8 мая он внес в свой план коррективы, согласно которым, гидросамолеты, дозаправляясь топливом с подводных лодок, должны были за неделю до начала операции провести разведку Перл-Харбора и доложить о месте пребывания флота противника.

Первыми, как обычно, начали действовать подводные лодки. Часть из них, неся на борту сверхмалые подводные лодки, ушла на юг для проведения демонстративных диверсий в огромном районе от Сиднея до Мадагаскара, с тем, чтобы держать противника в напряжении. Другие лодки ушли на восток для обеспечения топливом гидросамолетов, когда последние начнут разведку Перл-Харбора. Затем покинули базы подводные лодки, входящие в завесы для наблюдения за американским флотом, и, наконец, в море вышла подводная лодка «J-168» под командованием опытного командира капитана 3-го ранга Яхаги Танабе.

Лодка взяла курс на Мидуэй, чтобы прямо из логова врага докладывать обстановку. Это было вызвано необходимостью, поскольку, как это ни удивительно, японцы почти ничего не знали об обстановке на Мидуэе. Ответственный за сбор информации об атолле, капитан 2 ранга Ясуми Таяма, был рад самым различным сведениям из любых

источников, но этих сведений, к сожалению, явно не хватало. Как он позднее признался, Мидуэй был для него «темным пятном в океане». Таяма не имел даже приличной фотографии атолла, а карты, которые оказались в его распоряжении, были настолько схематичными и древними, что Таяма, размышляя о лучшем месте для высадки десанта, в конце концов, махнул рукой и порекомендовал высадку на южном побережье атолла, где рифы ближе всего подходят к берегу. При этом, Таяма даже не подозревал о том, что в северных рифах был широкий естественный проем, через который могли пройти десантные суда. И уж, конечно, Таяма мог только гадать, какими силами располагает Мидуэй для обороны против вторжения.

В оценке численности гарнизона атолла данные армии и флота сильно расходились. Флот считал, что Мидуэй обороняют семьсот пятьдесят морских пехотинцев, армия полагала, что их тысяча семьсот. Но в остальном все сходилось на общем мнении, что Мидуэй мог иметь пятьдесят-шестьдесят самолетов, около десяти зенитных орудий, несколько береговых батарей, но ничего больше. Впрочем, это не вызывало особого беспокойства, поскольку даже по самым пессимистичным оценкам американских сил, преимущество японцев было бесспорным. Объединенные десантные силы армии и флота, которым предстояло захватить Мидуэй, насчитывали четыре тысячи шестьсот человек. Армия была представлена отборным двадцать восьмым полком полковника Ичики, вооруженным по последнему слову техники и имевшим великолепные

инженерные и штурмовые средства. Флот выделил для операции 2-е Объединенное подразделение морской пехоты особого назначения. Командовал этим подразделением капитан 1 ранга Ота, известный на флоте тем, что его люди обучены действовать против любого противника в любой обстановке.

Неожиданно возник вопрос о средствах прохода через коралловые рифы. Начальник штаба подразделения морской пехоты капитан 2 ранга Чиро Ионаи ломал голову, где достать специальные плоскодонные десантно-высадочные средства, если их вообще не было в распоряжении флота. Наконец Ионаи выяснил, что необходимые ему десантные катера имеются в Армейском пехотном училище, после чего он, плюнув на самолюбие, выпросил их у армейского командования.

15 мая транспорты в морскими пехотинцами капитана 1 ранга Ота на борту вышли в район сосредоточения сил вторжения у острова Сайпан. 18 мая к Сайпану вышли транспорты с подразделениями 28-го пехотного полка. Перед их отбытием адмирал Ямамото лично проинструктировал полковника Ичики.

В тот же день произошел забавный эпизод, продемонстрировавший высокое боевое мастерство пилотов авианосной авиации, которые, в буквальном смысле слова, рвались в бой. Пилот торпедоносца старшина Такаеси Морианага шутки ради с авианосца «Кага» атаковал соединение собственных крейсеров, идущих во Внутреннем море. Атака была выполнена блестяще и еще раз подтвердила, что слава лучших в мире не зря принад-

лежит летчикам японских авианосцев, которым после Перл-Харбора еще не предоставился случай показать себя в полном блеске.

А между тем, на авианосцах адмирала Нагумо шла лихорадочная подготовка к предстоящей операции. Пополнялись запасы всех видов боевого довольствия, приводилась в порядок материальная часть авиации, обучались вновь прибывшие пилоты. Начальник штаба соединения, маленький и энергичный контр-адмирал Рейносукэ Кусака, получив приказ закончить все подготовительные мероприятия к 24 мая, считал, что времени для отдыха экипажей, вернувшихся из похода, и для подготовки молодых пилотов явно недостаточно. Но подобно каждому, кто советовал помедлить и лучше подготовиться к предстоящей операции, Кусака, получал довольно резкие отказы из штаба Объединенного флота. Впрочем, адмирал Кусака не очень огорчался. Сетуя, что времени на подготовку к операции выделено очень мало, он тратил большую часть этого времени на хлопоты по посмертному производству в следующее звание летчиков, погибших полгода назад при нападении на Перл-Харбор. И хотя он отлично понимал, что тратит драгоценное время на пустяки, тем не менее, как и многие другие, верил в душе, что для разгрома американцев особой подготовки не нужно. «Одного нашего вздоха достаточно, чтобы янки были разбиты», — это мнение в японском флоте превалировало над всеми остальными.

Наконец, час настал. 20 мая адмирал Ямамото утвердил тактический состав своих сил, и цвет

японского флота — семьдесят могучих боевых кораблей — собрался на Хасирском рейде. Все огромные корабли Объединенного флота казались карликами по сравнению в флагманским линкором «Ямато» — чудовищным кораблем водоизмещением в 70 000 тонн, чьи 18-дюймовые орудия могли вести огонь более чем на двадцать пять миль. Однако, сегодня центром всеобщего внимания был не «Ямато», а ударные авианосцы соединения адмирала Нагумо — четыре прославленных корабля.

Мрачно-величественным видом выделялся флагманский авианосец «Акаги» водоизмещением 30 000 тонн. За ним находился «Кага», имевший самую сильную авиагруппу. Далее стояли на якорях авианосцы «Сорю» и «Хирю» — более современные, чем два предыдущих. Согласно Лондонскому морскому договору, эти два авианосца должны были иметь водоизмещение не более 10 000 тонн, но в действительности оно превышало 18 000 тонн. В авианосное соединение адмирала Нагумо входили еще два авианосца новейшей постройки — «Секаку» и «Дзуйкаку», и по плану предполагалось, что они также примут участие в операции против Мидуэя. Но посланные для поддержки японского наступления в районе Новой Гвинеи, эти авианосцы неожиданно попали в жаркую перестрелку, получившую название «сражение в Коралловом море». Когда 17 мая «Секаку» вернулся в Куре, он имел жалкий вид: обгоревшая носовая часть и вдребезги разбитая полетная палуба — результат многочисленных попаданий американских бомб. Через два дня в Куре прибыл и «Дзуйкаку».

Он не был поврежден, но понес большие потери в авиагруппе. На авианосце осталось всего шесть торпедоносцев и девять пикирующих бомбардировщиков. Таким образом, вопрос об участии этих авианосцев в предстоящей операции отпал сам собой — ремонт «Секаку» невозможно было закончить в срок, а на «Дзуйкаку» не было ни летчиков, ни самолетов. Впрочем, это событие никого особенно не огорчило. Считалось, что для захвата Мидуэя четырех авианосцев вполне достаточно. Кроме того, «Секаку» и «Дзуйкаку» вышли из строя совсем не безвозмездно — им удалось нанести американцам тяжелые потери. Один американский авианосец — типа «Саратога» — был точно потоплен и, по-видимому, один — типа «Йорктаун» — тоже. Но, если даже он и уцелел, то это не имело большого значения. Если уж «Секаку» не мог принять участия в предстоящем бою, — как это мог сделать «Йорктаун»?

Была еще одна причина, благодаря которой результаты сражения в Коралловом море воодушевили всех, кто готовился принять участие в ударе по Мидуэю. Дело в том, что 5-я дивизия авианосцев, в которую входили «Секаку» и «Дзуйкаку», считалась самой слабой по уровню боевой подготовки пилотов в составе 1 Воздушного флота, как официально именовалось соединение адмирала Нагумо. Если уж эти летчики смогли на равных провести бой с лучшими силами американцев, то это было бы детской игрой для летчиков 1-й и 2-й дивизий, где собрались сливки японской морской авиации. Типичная японская шутка, родившись в

кают-компания «Акаги», обошла корабли Объединенного флота: «Если сыновья наложниц сумели победить, то сыновья законных жен вообще не должны иметь себе равных в мире».

В победе не сомневался никто. Штаб военно-морской базы Йокосука дал указание своему офицеру связи пересылать необходимую корреспонденцию на Мидуэй, а штаб Объединенного флота даже переименовал Мидуэй, назвав его «Славный месяц Июнь». Перед атакой на Перл-Харбор офицеры с авианосцев снесли на берег все свои личные вещи. Теперь же на корабли снова понесли фотоаппараты, различные безделушки, обрамленные в затейливые рамки семейные портреты, комплекты для игр в го и шогги. Старшина Моринага позднее вспоминал, что перед налетом на Перл-Харбор он всю ночь не мог уснуть, а перед рейдом на Мидуэй спал как убитый, вполне разделяя общее мнение, что захватить Мидуэй так же легко, «как скрутить руки ребенку».

На прощальном банкете 25 мая настроение было приподнятое, звучали тосты за Императора, за флот, за нацию, было шумно и весело. В отличие от дня банкета 26 мая было по-деловому тихим. Как обычно случается, в этот день завершались миллионы дел, оставленных на последний момент. Наконец все было готово. Можно было смело идти в бой, чтобы завоевать новую славу Объединенному флоту.

На юге транспорты с десантом уже заняли исходные позиции у Сайпана, где морские пехотинцы и их армейские коллеги тренировались в

преодолении полосы прибоя. В полдеи 27 мая главную базу флота покинули минные заградители, охотники за подводными лодками и сторожевики, рассчитав свои маршруты так, чтобы иметь возможность заправиться топливом на острове Уэйк. На севере из военно-морской базы Оминото вышли ударные силы, назначенные для атаки Алеутских островов. Построенные вокруг легких авианосцев «Рюдзе» и «Дзунье», они вскоре скрылись из вида на востоке, и только их дым еще некоторое время плыл над морем.

В среду 27 мая на рейде Хасира в 6 часов утра флагманский авианосец «Акаги» поднял сигнал: «Выход согласно ордеру № 5». Заработали шпиглы, и вода побежала по тяжелым звеньям якорных цепей, смывая с них ил и грязь. Ударные силы начали движение. Первым вышел из гавани легкий крейсер «Нагара» — лидер одиннадцати эсминцев охранения, затем тяжелые крейсера «Тонэ» и «Тикума», за ними линейные корабли «Харуна» и «Кирисима» с характерными пагодообразными надстройками и, наконец, в строю двух кильватерных колонн базу покинули авианосцы «Акаги», «Кага», «Сорю» и «Хирю».

Когда соединение Нагумо проходило мимо кораблей, входящих в эскадры адмиралов Ямамото и Кондо, чей выход был назначен через два дня, экипажи этих кораблей, собравшись на палубах и надстройках, кричали приветствия, махали фуражками и руками.

Взошедшее солнце осветило величественную картину появления ударных сил флота. Стояла

прекрасная погода, и это казалось хорошим предзнаменованием, поскольку все предыдущие дни было пасмурно и сыро. Но самым лучшим предзнаменованием был сам этот день — день тридцать седьмой годовщины величайшего триумфа японского флота — победы адмирала Тото в Цусимском проливе, где был полностью уничтожен русский флот. Войдя в пролив Бунго, корабли повысили боевую готовность, опасаясь возможных атак американских подводных лодок, но, миновав опасный район и выйдя на просторы Тихого океана, соединение Нагумо увеличило скорость, прекратило противолодочный маневр и прямым курсом устремилось к Мидуэю, как брошенное копье. Родные берега растаяли в дымке на горизонте, на кораблях жизнь шла по установленному распорядку, и свободные от вахт занялись своими делами. На полетной палубе «Акаги» начали тренировку любители пластической гимнастики.

В этот же вечер адмирал Ямамото в своей каюте на «Ямато» решил написать несколько писем. Адмирал любил писать письма и возвел это занятие в своеобразный ритуал. Он раскладывал на маленьком столике кисточки, чернила и тушь, затем, расстелив на ковре лист бумаги, вставал на колени и начинал писать прекрасным почерком в соответствии с правилами древнего искусства китайской каллиграфии. Его письма, адресованные главным образом сыну и дочери, были самого различного содержания, но наиболее откровенные письма Ямамото писал Чиоко Каваи — гейше, которую адмирал содержал в Токио. В этот вечер

он писал Чиоко, что идет на страшный риск, поставив на карту все ради победы, что его девиз игрока «все или ничего» нашел отражение в планах предстоящего боя. Он писал далее, что ответственность, лежащая на нем, становится невыносимой, что с огромным удовольствием он бросил бы все, почтя за высшее счастье уехать с ней куда-нибудь в горную глушь вдвоем...

28 мая к островам Атту и Кыска из западной гряды Алеутских островов скрытно подошли ударные силы адмирала Хосогая, вышедшие двумя днями раньше из Оминато. Далеко на юге начали движение с острова Сайпан силы вторжения на Мидуэй. В пять часов утра легкий крейсер «Дзинцу» вывел из гавани двенадцать мрачных транспортов с десантом и танкер «Акебоно-Мару». Вскоре к ним присоединились несколько сторожевиков и гидроавиатранспорты «Читозе» и «Камикава-Мару», в задачу которых входила поддержка своими гидросамолетами высадки десанта при базировке на крошечном островке Куре к северо-западу от Мидуэя.

В полдень того же дня с острова Гуам вышла эскадра адмирала Курита в составе тяжелых крейсеров «Кумано», «Судзуя», «Могами» и «Микума». Этим прекрасным кораблям отводилась ведущая роль в непосредственной поддержке десанта.

А главные силы японского флота все еще стояли на рейде Хасира. Как обычно, в 11.50 в кают-компании «Ямато» стали собираться офицеры. В двенадцать часов унтер-офицер Оми постучался в каюту адмирала Ямамото, приглашая его к столу.

Пройдя быстрым шагом по коридору, адмирал вошел в кают-компанию. Офицеры вскочили, склонив головы в приветственном поклоне. Это была обычная дневная церемония, проходившая каждый раз, когда флагман Объединенного флота находился на базе. И, хотя сегодняшний день не был исключением, он мог стать последним на очень долгое время.

29 мая при чудесной погоде главные силы Объединенного флота покинули базу. Первым двигалось внушительное соединение адмирала Кондо, которое должно было встретить в море и прикрыть силы вторжения на Мидуэй. В состав соединения входили два линкора, пять могучих крейсеров, легкий авианосец «Дзуйхо» и отряд эсминцев.

И, наконец, в шесть часов утра, 29 мая, ведомые чудовищным «Ямато», в море вышли тридцать четыре корабля под командованием самого адмирала Ямамото. Это было ядро Объединенного флота, состоящее из семи линейных кораблей, прикрытых крейсерами, эсминцами и самолетами с легкого авианосца «Хосе». Они последними покинули базу, чтобы появиться на сцене в тот момент, когда силы адмиралов Нагумо и Кондо уже ослабят противника, а они окончательно его нокаутуют.

«Мы навсегда сохраним в наших сердцах тот миг, когда старший артиллерист разбудит нас залпами своих орудий», — писал молодой матрос с «Ямато» Такео Икемото.

«Прекрасный день, — записал в дневнике инженер-механик с линкора «Фузо», — такой, каким дол-

жен быть день великого начала. В нас все поет!»

Было бы удивительно, если бы настроение на японских кораблях было иным. В море одновременно находились сто девяносто кораблей, в том числе, одиннадцать линкоров, восемь авианосцев, двадцать три крейсера и шестьдесят пять эскадренных миноносцев. Продвигаясь на восток через Тихий океан, громадный флот растянулся огромной дугой от Курил до Гуама, тратя в сутки топлива больше, чем за год мирного времени. Более семисот самолетов авианосного и берегового базирования прикрывали эту армаду с воздуха. Только на авианосцах Нагумо находился двести шестьдесят один самолет. Около ста тысяч японских моряков вышли в море, ведомые в бой созвездием из двадцати прославленных адмиралов.

А что мог противопоставить им враг? Объединенный флот предположительно оценивал силы американцев следующим образом: два-три ударных авианосца, два-три линкора, одиннадцать-двенадцать крейсеров и около тридцати эсминцев. Но не больше, а по самым последним сообщениям, даже меньше, поскольку 15 мая патрульный самолет обнаружил два американских авианосца южнее Соломоновых островов — следовательно, их не будет в районе Мидуэя. Это значительно упрощало операцию, но вызывало чувство досады, что эти авианосцы не удастся уничтожить.

Все, что оставалось делать американскому флоту, — это действовать по уготованному для него плану. Ему следовало находиться в Перл-Харборе, затем выйти оттуда и попасть в ловушку. Никто не

сомневался, что все произойдет именно так. Это нашло отражение даже в официальных приказах. В директиве № 94 императорской ставки говорилось: «Уничтожить флот противника, который выйдет в море, когда наша операция начнется».

Но что может произойти, если противнику станут известны их планы? Никто об этом даже не задумывался, считая, что подобное совершенно невозможно. Разведка Объединенного флота довольно безапелляционно заявила: «Противник ничего не знает о наших планах». Это положение было взято адмиралом Нагумо за основу, а его ударное соединение уже шло к цели.

В то время, когда авианосцы адмирала Нагумо шли через просторы Тихого океана к Мидуэю, в семи тысячах миль от них, в оперативном отделе Военно-морского министерства в Вашингтоне, небольшая группа офицеров, склонившись над огромной картой Тихого океана, проставляла последние точки на маршрутах движения японских армид.

На столах лежали папки с надписями: «Документы операции «АФ» и «АО», обстановка на 29 мая 1942 года». На карте от порта Оминото на север шла красная линия — маршрут Алеутских сил не вызывал сомнения. Рядом стояла пометка: «Выход разрешен 26 мая в 8.00». От Сайпана вслед за силами вторжения также тянулась красная линия с четкой пометкой: «Выход — 28 мая». Здесь тоже все было ясно. Вызывал беспокойно только путь ударных сил адмирала Нагумо. Дата их выхода, 27 мая, была известна точно, но зеленая линия марш-

рута опускалась на юго-восток, прямо на Гавайские острова, с пометкой: «Курс может быть изменен».

В штабе главнокомандующего Тихоокеанским флотом США в Перл-Харборе другая группа офицеров работала над такой же картой. Специалисты обоих штабов постоянно обменивались информацией, пытаясь прийти к общему выводу относительно различных сомнительных положений. Например, в Перл-Харборе маршрут соединения Нагумо шел дальше на север, затем поворачивал на юго-восток под углом в сто тридцать пять градусов. Было ясно, что 2 июня к шести часам японские авианосцы уже будут в шестистах пятидесяти милях от Мидуэя, но в какой именно точке, сказать трудно. Таких точек могло быть сколько угодно, и даже самая блестящая разведка не смогла бы точно ответить на этот вопрос.

ГЛАВА 2

РАСКОЛОТЫЙ КОД

С посетителями здесь обращались очень строго. Любому, кто бы пожелал попасть в помещение специального подразделения военно-морской разведки в Перл-Харборе, пришлось бы долго стучаться в наглухо закрытую дверь, что находилась в конце нескольких ступенек, идущих в подвал. Наконец появлялся часовой, и после придирчивой проверки документов, пропусков и предписаний посетителя пропускали, но он тут же останавливался перед другой

закрытой дверью, где вся процедура проверки документов повторялась сначала. Когда же открывалась вторая дверь и посетитель входил в помещение специального подразделения военно-морской разведки, то первое, что бросалось в глаза, — это удивительный беспорядок, царящий повсюду.

Примерно две дюжины человек работали в ужасной тесноте, утопая в море бумаг. Груды папок с документами громоздились на столах и стульях, затопляли пол. Руководил всем этим высокий, худощавый, язвительный человек, одетый в красный домашний халат и шлепанцы. Это был командир специального подразделения капитан 2 ранга Джозеф Д. Рочфорт.

Джо Рочфорт имел солидный стаж в деле «раскалывания кодов». Еще в 1920 году он помог талантливому молодому офицеру Лоренсу Сеффорду создать первый дешифровочный центр военно-морских сил. Во время «депрессии» 30-х годов Рочфорт однажды просто так, ради собственного удовольствия, расколол «серый» код государственного департамента (Там чуть с ума не сошли). Хорошо зная японский язык, осенью 1940 года он расколол японский военно-морской код «YN-25».

В мае 1941 года Рочфорт возглавил подразделение радиоразведки ВМС в Перл-Харборе.

Станция, известная под названием «Хупо», вместе со станцией «Кэч» на Филиппинах и континентальной станцией «Негат» в Вашингтоне, следила за всеми передвижениями и радиопереговорами японского флота.

Номинально Вашингтон возглавлял эту работу,

но, в действительно, все три станции объединяла общая работа и постоянный обмен информацией, в ходе которого специалисты делились своими находками, теориями и подозрениями.

Правда, 7 декабря 1941 года предотвратить внезапное нападение на Перл-Харбор им не удалось. В Токио сменили ключ кода «YN-25», и несколько дней разведчики не могли сказать ни слова о том, где находится японский флот. Однако, вскоре, начав все сначала, разведчикам удалось раскрыть новый ключ, и с 10 декабря информация о передвижениях флота противника стала поступать в прежнем объеме. Далеко не каждый может понять, насколько сложная эта работа. Обычно в процессе раскалывания кодов удается полностью прочесть не более 10-15 % перехваченных радиограмм. Остальные тщательно анализируются. Вероятное название корабля сопоставляется обычно с каким-нибудь другим, ранее известным... Известная в прошлом операция может снова помочь, когда неожиданно возникнут какие-нибудь географические названия. Необходимый ключ может дать и работа знакомого радиста. Меняются позывные, но почерк радиста остается неизменным.

Чтобы разобраться в подобных вещах, необходимо сочетать в себе самые разнообразные таланты. Идеальный специалист на подобной работе должен иметь качества как прекрасного моряка, так и превосходного лингвиста в сочетании с дьявольской сообразительностью. Поэтому не удивительно, что группа Рочфорта была известна на флоте как компания ярких индивидуальностей.

Официально подразделение Рочфорта подчинялось командованию 14-го военно-морского района, но фактически, благодаря своей репутации, оно подчинялось само себе.

Однажды в середине апреля Рочфорт неожиданно получил запрос из Вашингтона от главнокомандующего военно-морскими силами США адмирала Эрнеста Кинга. Главком хотел, чтобы Рочфорт, основываясь на имеющейся у него информации, дал собственную оценку долгосрочных планов японского флота. Для адмирала Кинга было необычно искать ответа на интересующие его вопросы так далеко внизу, но в данный момент обстановка была особенно запутанной. Японцы только что совершили рейд на Цейлон. Означало ли это, что главное направление в войне выбрано в сторону Индии, или японцы скоро вернутся на Тихий океан?

Отвечая главкому, Рочфорт сформулировал четыре пункта, отразивших общее мнение специалистов его группы:

1. Японские операции в Индийском океане закончились, и флот возвращается на базы.

2. Японцы не собираются наносить удар по Австралии.

3. Японцы планируют операцию к югу от Рабаула, и силы для нее уже выделены.

4. Есть признаки того, что на Тихом океане что-то затевается, но он не может сказать, когда и где.

К концу апреля белые пятна в общей картине стали постепенно заполняться. Операция к югу от Рабаула была явно нацелена на Порт-Морсби (Новая Гвинея), и американские авианосцы были по-

сланы в этот район, чтобы остановить противника. Новая операция оставалась загадкой, но общий сдвиг зоны военных действий в сторону центральной части Тихого океана представлялся весьма вероятным, и было очень трудно глядеть на карту этого района и не заметить Мидуэя.

В разное время Мидуэй выполнял самые различные функции. Он служил угольной базой, подстанцией транстихоокеанского кабеля, транзитным аэродромом авиакомпании «Пан-Американ», а в настоящее время являлся очень удобной, передовой базой патрульной авиации флота. Атолл состоял из двух крошечных островков, Сэнд-Айленд и Истерн-Айленд, лежащих рядом в красивой голубой лагуне. Мидуэй был совершенно один в этой части Тихого океана. На тысячи миль вокруг не было больше никаких достопримечательностей.

2 мая на Мидуэй с кратким визитом прибыл адмирал Нимиц и провел день с офицерами, ответственными за оборону атолла. Базой ВМС на Мидуэе командовал капитан 2 ранга Кирил Симард, а морскими пехотинцами — подполковник морской пехоты Гарольд Шаннон. Нимиц сказал, что особой угрозы нет, но спросил, в чем они нуждаются для защиты Мидуэя от нападения. Офицеры изложили свои требования.

— Если я достану все, что вы перечислили, — поинтересовался адмирал, — сможете ли вы противостоять высадке крупного десанта?

— Да, сэр! — хором ответили Симард и Шаннон.

Прошла неделя, и картина начала несколько проясняться. Вопрос, как всегда, заключался в

том, чтобы собрать воедино и проанализировать все перехваченные японские радиogramмы со всех трех станций перехвата, находившихся в Перл-Харборе, Вашингтоне и Австралии. Последняя станция была новой и заменила потерянную станцию на Филиппинах. Но с помощью перехвата нельзя было сделать окончательного вывода. Сведений собиралось очень много... но ничего определенного. Например, стало известно, что 3-я дивизия линейных кораблей адмирала Кондо вела обширные радиопереговоры с ударным соединением адмирала Нагумо, что большое количество транспортов получило приказ следовать на Сайпан и 3-я дивизия линкоров разговаривала с ними тоже, что 7-я дивизия крейсеров также шла на Сайпан. Была ли какая-нибудь связь между этими событиями?

Передвижения кораблей сами по себе никогда не давали какого-либо точного ответа. Кроме того, поступающие в один и тот же день сведения нередко опровергали друг друга. К счастью, Джо Рочфорт обладал талантом помнить их все, поэтому он мог представить себе общую картину, соединяя вместе все перехваченные сообщения противника. Все говорило о подготовке японцами какой-то крупной операции с участием большей части Императорского флота.

Но если эта операция готовится, то где?

Японцы никогда не упоминали о каком-то определенном месте, однако, постепенно одно название стало упоминаться все чаще и чаще — то как место назначения, то как место, для которого необходимо получить определенное снаряжение.

Японцы прибегли к своеобразному коду внутри кода, и это место всегда именовалось «АF».

Маленькая группа Рочфорта ломала голову над загадкой этого «АF». Неожиданно кто-то вспомнил, что обозначение «АF» появлялось в донесениях за март 1942 года, когда два японских гидросамолета сделали неудачную попытку атаковать Перл-Харбор. Бумаги полетели во все стороны, когда офицеры бросились искать нужную радиограмму среди гор перехваченного материала. Наконец радиограмму удалось найти. Японцы, действительно, упоминали «АF». Гидросамолеты заправлялись с подводной лодки у рифов Френч-Фригейт — крошечного атолла, лежащего на пути к Мидуэю, и в одной из радиограмм говорилось о прохождении самолетов вблизи «АF».

Для Рочфорта это решало дело. «АF» должен был находиться в районе Мидуэя, а единственным пунктом, который всерьез можно было принимать в расчет в этом районе, был... сам Мидуэй. С этого момента Рочфорт стал исходить в своих оценках из предпосылки, что атолл Мидуэй — наиболее вероятная цель нападения.

Однако, это было ясно далеко не всем, от кого зависело принятие решений. Среди материалов перехвата упоминались также обозначения «AL», «AO», «AOB», явно относившиеся к зоне Алеутских островов, и некоторые высшие офицеры, особенно в Вашингтоне, полагали, что подлинной целью японцев являются Аляска или Западное побережье США. Адмирал Кинг склонялся в этот момент к возможности нападения на Гавайи, а

штаб армейской авиации постоянно тревожила перспектива рейда на Сан-Франциско.

Но Рочфорт имел и союзников, одним из которых был офицер разведки штаба Нимица капитан 3-го ранга Эдвин Лайтон, также хорошо знавший японцев и их язык. Накануне войны Лайтон провел два года при американском посольстве в Токио, а во время нападения на Перл-Харбор возглавлял разведку адмирала Киммеля. Подобно остальным офицерам из штаба Киммеля, Лайтон считал свою карьеру законченной после снятия с должности Киммеля и назначения командующим адмирала Нимица. И подобно всем остальным Лайтон почувствовал страшное волнение, когда Нимиц попросил всех офицеров из штаба Киммеля остаться на своих должностях.

Разведка, сказал адмирал Нимиц Лайтону, была той областью военных занятий, о которой он, Нимиц, не знал ничего. У него есть только одно предложение: он надеется, что Лайтон подойдет к своей работе так, будто он сам является адмиралом Нагано или Ямамото, или кем-нибудь еще, кто создает настроение в Токио. «Такой подход, — указал адмирал, — наряду с анализом имеющейся информации, позволит лучше понять планы и намерения противника».

После подобного напутствия было очень просто попасть под влияние лавочки Рочфорта. Поэтому неудивительно, что Лайтон был совершенно убежден в правоте Рочфорта и считал своим долгом убедить в этом Нимица. Действительно, адмирал был уже наполовину убежден, но не более.

Где-то в начале мая Лайтон решительно посоветовал Нимицу посетить подразделение Рочфорта и просмотреть все имеющиеся там материалы. Лайтон был уверен, что если адмирал поговорит с разведчиками, познакомится с методами их работы, увидит всю тщательно собранную информацию, то он сможет правильно оценить обстановку. Но занятый сражением в Коралловом море Нимиц прийти не смог, а послал к Рочфорту капитана 1 ранга Л. Маккормика, своего офицера, занимающегося оперативными разработками. Маккормик также ссылаясь на сильную занятость, но в конце концов согласился выделить для этого два часа.

Маккормик спустился вниз в подвальное помещение, которое для такого случая офицеры Рочфорта нехотя прибрали. Рочфорт разложил все перехваченные материалы на временном столе из досок и козлов для пилки дров. Он терпеливо разъяснял Маккормику, как обрывки сведений, складываясь подобно мозаике, постепенно формируют ясную картину. Капитан 1 ранга Маккормик был очарован Рочфортом и в итоге провел у него не 2, а 3,5 часа, пытаясь вникнуть во все материалы и нарочно задавая самые каверзные вопросы. Но Джо Рочфорта было совсем не просто заставить врасплох.

— Почему вы думаете, что «Камикава-Мару» не возвращается в свой порт приписки? — спросил Маккормик.

— Возможно, — ответил Рочфорт. — Но согласитесь, что если она идет в порт приписки, то это напоминает вырезание гланд через задний проход.

Наконец Маккормик ушел совершенно убеж-

денный, и то, что его удалось убедить, означало, что будет убежден и адмирал Нимиц, который после доклада Маккормика стал самым верным союзником Рочфорта-Лайтона, о чем сам Лайтон не смел даже мечтать.

Но Вашингтон сохранял скептицизм и считал, что одного предположения недостаточно, чтобы убедиться, что именно японцы имели в виду под «АФ». Нужны были убедительные доказательства. 10 мая Рочфорт предложил Лайтону попробовать осуществить одну небольшую уловку. Нельзя ли приказать командиру базы ВМС на Мидуэе дать открытым текстом радиограмму — скажем, о выходе из строя опреснительной установки? Нимиц охотно пошел на эту уловку. На Мидуэе выполнили приказ, и два дня спустя была перехвачена радиограмма японцев, в которой сообщалось с нехватке свежей воды на «АФ».

Этого было достаточно. 15 мая Нимиц начал собирать свою скудную коллекцию кораблей. Он располагал всего тремя авианосцами, и все они находились за тысячи миль от Перл-Харбора, в южной части Тихого океана. 17-е оперативное соединение контр-адмирала Френка Флетчера стояло в Тангетабу, зализывая раны, полученные в Коралловом море. Авианосец «Йорктаун» не был потоплен, как утверждали японцы, но очень сильно поврежден. Одна бомба взорвалась внутри корабля, а две упавшие рядом прошли обшивку корпуса. 16-е оперативное соединение вице-адмирала Уильяма Холси находилось в районе Соломоновых островов, куда Холси привел свои авианос-

цы «Энтерпрайз» и «Хорнет» для ударов по внешнему периметру японской обороны. Нимиц приказал всем быстро возвращаться.

В Тангетабу Флетчер, наскоро произведя ремонт, вышел в море. Адмирал Холси получил приказ о возвращении 16 мая по местному времени и немедленно начал собирать рассредоточенные корабли своего соединения. Это удалось сделать только 18 мая, когда прибыло новое сообщение от Нимица, состоящее только из двух слов: «Немедленно возвращайтесь».

Когда авианосцы Холси взяли курс на северо-восток к Перл-Харбору, штурман «Энтерпрайза» капитан 2 ранга Ричард Рэбл облегченно вздохнул. Он знал, что 15 мая соединение было обнаружено японским разведывательным самолетом, который промелькнул в западной части горизонта, и можно было в любую минуту попасть под удар авиации противника.

В Перл-Харборе группа Рочфорта продолжала свою работу. Особое внимание Рочфорт обратил на точность переводов. Очень многое зависело от нюансов японского языка даже после того, как какое-нибудь сообщение было расшифровано. Рочфорт работал теперь по двадцать часов в сутки, забываясь коротким тревожным сном, скорчившись в каком-нибудь углу. Лишь однажды он сходил домой, когда, по его словам, кто-то сказал ему, что он должен принять ванну. Подчиненные Рочфорту офицеры работали не менее напряженно. Джаспер Холмс трудился, как раб, выясняя позиции различных кораблей противника. Томми

Дайер, пригоршнями глотая возбуждающие таблетки, корпел над переводом радиограмм. Блистательный Тэд Райт даже спал за рабочим столом. В штабе командующего флотом офицеры кропотливо переносили полученную информацию на свои карты. Теперь состав ударного соединения Нагумо был установлен: 1-я и 2-я дивизии авианосцев, 8-я дивизия крейсеров — все старые знакомые. Однако, их маршрут все еще окончательно не определился. По некоторым признакам казалось, что они идут прямо на Мидуэй, но по другим складывалось впечатление, что они шли гораздо севернее, намереваясь затем резко повернуть на юг. Существовала даже гипотеза, что Нагумо может атаковать с востока. Этот вопрос еще предстояло решать.

Меньшей загадкой были силы вторжения, идущие с юго-запада. Их маршрут был совершенно ясен. Возникал единственный вопрос: когда они придут? Было очевидно, что, если, например, транспорт «Гошу-Мару» выйдет с Маршалловых островов 17 мая, то он может прийти в точку рандеву у острова Сайпан 22 мая. Следовательно, весь конвой где-то 30 мая может уже подойти к Мидуэю. Однако, с другой стороны, было перехвачено много сообщений об учениях, а это могло сдвинуть сроки всей операции.

Работа офицеров штаба Нимица тормозилась еще и тем, что многие из высших офицеров армии и военно-воздушных сил не разделяли уверенности моряков, что целью японцев является Мидуэй. 17 мая адмирал Нимиц получил служебную записку от авиационного генерала Иммонса. Генерал ука-

звал, что после тщательного анализа представленных ему разведанных он пришел к выводу, что эти данные базировались более на проблематических замыслах противника, нежели на его возможностях. Было бы надежнее, считал генерал, планировать операцию, исходя из потенциальных возможностей противника, а японцы имеют очевидную возможность атаковать Гавайские острова.

Нимиц вызвал Лайтона и изложил ему содержание служебной записки. Голубые глаза адмирала увлеченно заблестели, когда Лайтон взорвался в необычном для него раздражении. Опасения Иммонса вполне понятны. Подобно всем, кто мало знает о работе группы Рочфорта, генерал Иммонс просто хочет перестраховаться. Вероятно, весь вопрос заключается в том, что, по приказу Нимица, 7-е бомбардировочное авиакрыло передано под контроль флота, а это, конечно, больно задело самолюбие авиационного командования. Если окажется, что разведка флота ошиблась, и японцы действительно планируют захват Гавайских островов, то Иммонс, который отдал половину своей авиации флоту, просто хочет разделить пинок из Вашингтона пополам с Нимицем.

Но командующий флотом и не собирался менять курс, хотя, отдавая дань чужим сомнениям, он назначил офицера своего штаба капитана 1 ранга Д. Стилла следить за всеми материалами отдела разведки. Таким образом, Стилл стал «адвокатом дьявола», намеренно подвергая сомнению каждую оценку, представляемую Рочфортом и Лайтоном. Стилл настолько погрузился в работу

группы Рочфорта, что Лайтон уже проклинал тот день, когда Нимиц принял решение откомандировать этого офицера для надзора за разведчиками. Но, по замыслу командующего, назначение Стилла служило двум целям. Во-первых, оно свидетельствовало о якобы принятых мерах по служебной записке генерала Иммонса, а во-вторых, что было самым главным, обеспечивало настоящую проверку на тот случай, если все они все-таки ошибаются, и японцы по своей привычке задумали один-два сверххитрых хода.

К сожалению, времени для дебатов уже не оставалось. На основании последних перехваченных радиogramм противника разведчики пришли к выводу, что нападение на атолл может произойти уже 28 мая. Нимиц предупредил Мидуэй, и приготовления в Перл-Харборе стали проводиться в бешеном темпе. Решения, для принятия которых в нормальных условиях требовались бы многие дни, принимались за несколько часов.

Что делать с Алеутским направлением? Нимиц решил, что имеющихся на Алеутах сил достаточно, чтобы предотвратить их оккупацию противником и обеспечить правый фланг операции.

Как использовать подводные лодки? Решено было направить их в завесу западнее Мидуэя, чтобы попытаться перехватить японский флот над подходе.

Что делать с линейными кораблями, базирующимися на западном побережье США? Оставить их там в готовности к выходу.

Как быть с поврежденным «Йорктауном»?

Необходимо попытаться его отремонтировать в Перл-Харборе. В срочном послании, полученном с авианосца, был дан перечень необходимых исправлений: ремонт аэрофинишера, замена трубопроводов в пятидесяти местах и так далее — вплоть до ремонта установки с газированной водой, которую, по-видимому, ни в одном флоте, кроме американского, не включили бы в список приоритетного ремонта в военное время.

Армейские подразделения также были приведены в готовность. С 18 мая все 7-е авиакрыло находилось в состоянии полной готовности на случай атаки на Мидуэй или (старые опасения еще существовали) воздушного рейда на Гавайи. С западного побережья США стали прибывать бомбардировщики B-17 и летающие лодки «Каталина». Последние в срочном порядке переправлялись на Мидуэй, став частью мощного потока снаряжения и боеприпасов, который внезапно хлынул на атолл и заставил забыть о тех днях, когда заявки Мидуэя удовлетворялись в последнюю очередь, или не удовлетворялись вообще. В течение нескольких месяцев гарнизон Мидуэя не мог выпросить у командования даже метра колючей проволоки — теперь они получили сотни миль ее. Непрерывным потоком на атолл направлялись новые подразделения морской пехоты, зенитные орудия, сторожевые катера, боеприпасы, штормовое обмундирование, запасы продовольствия. Когда железнодорожный паром «Кеттихок» отправился 23 мая на Мидуэй, палубы его горбатились истребителями, пикирующими бомбардировщиками

и даже пятью легкими танками.

Но как лучше использовать силы, развернутые на Мидуэе, и как скоординировать их действия с тремя драгоценными авианосцами, спешащими полным ходом из южной части Тихого океана? 23 мая Нимиц приказал командующему авиацией флота контр-адмиралу Патрику Беллинджеру и капитану 1 ранга А. Девису, своему офицеру по связи с авиацией, немедленно связаться с командованием армейской авиации в целях наилучшего использования авиации как флота, так и армии. Подводные лодки уже были в действии. Одна из них, «Наутилус», ремонтировалась в доке, когда ее командира, капитана 3-го ранга Билли Брокмана, запросили, как скоро он будет готов к проходу. Брокман ответил, что примерно через сорок восемь часов. Матросы работали, как одержимые, и через день, в девять часов утра, лодка, пройдя пролив, вышла в море, чтобы занять позицию на огромной дуге западнее Мидуэя, где уже находились одиннадцать других подводных лодок. Семь лодок были развернуты восточнее атолла на случай, если Нагумо все-таки неожиданно ринется на Гавайи.

25 мая в Перл-Харборе начались новые волнения. В этот день разведка перехватила длинное донесение японцев, в котором перечислялись все боевые соединения, принимающие участие в операции, корабли, командиры кораблей, курсы, время выхода — буквально все.

Рочфорт бился над переводом этого донесения, когда его вызвал к себе адмирал Нимиц. Совершенно поглощенный своим делом и желая

закончить его, Рочфорт прибыл к адмиралу на полчаса позже назначенного времени. Это было слишком даже для уравновешенного Нимица, и он принял Рочфорта, по меньшей мере, холодно. Но адмирал быстро оттаял, когда Рочфорт пункту за пунктом изложил ему боевой порядок и оперативный план ударного соединения Нагумо. Нимиц немедленно отправил новое сообщение на Мидуэй, перечислив все подробности, среди которых было только два ободряющих момента: в соединение Нагумо больше не входили авианосцы «Секаку» и «Дзуйкаку», а начало операции было отложено на более поздний срок, примерно — на 3-5 июня.

Однако, скептицизм в Вашингтоне все еще существовал. Теперь боялись ловушки — японцы могли умышленно сообщить Нимицу все эти сведения, чтобы скрыть главный замысел операции: рейд на Гавайи или на западное побережье США. Ведь они уже прибегали к ложным радиосообщениям, чтобы ввести американцев в заблуждение, перед нападением на Перл-Харбор. Нимицу поэтому следовало планировать оборонительные мероприятия с учетом этой угрозы.

Но Вашингтон в конце концов удалось переубедить. Действительно, японцы использовали радиообман перед нападением на Перл-Харбор, но тогда не было перехвачено ни одного сообщения с авианосцев. За неделю до 7 декабря в штаб командующего флотом поступила только одна перехваченная радиограмма, ошибочно принятая за переговоры 1-й дивизии японских авианосцев, якобы находящейся в южной части Тихого океана. Этот

вывод был сделан потому, что эсминцы, обычно входившие в охранение авианосцев, находились там.

Разведчики Нимица доказали, что сейчас положение совсем другое. Перед Перл-Харбором перехватывались лишь отдельные донесения, теперь же в их распоряжении были горы разведывательной информации. Совершенно точно была определена структура японских соединений и их явное намерение высадить десант на Мидуэй. Все эти армады японских кораблей вряд ли могли служить отвлекающим моментом для одного воздушного налета на Сан-Франциско.

Дискуссия продолжалась — снова по поводу намерений и возможностей противника. Считалось, что правильнее основывать решения на том, что враг может сделать, чем на том, что он, вероятно, сделает. Нимиц лучше, чем кто-либо другой, осознавал опасность тех сверхсюрпризов, на которые способны японцы, но, как он часто говорил Лайтону, флот в своих планах должен в большей степени исходить из того, что вероятнее всего может случиться, чем из того, что может случиться в самом худшем случае. Это уже не раз подтверждалось в прошлом.

Нимиц держался твердо в спорах с Вашингтоном и победил, поскольку был убежден, что японцы идут к Мидуэю, и все контрмеры должны исходить именно из этой предпосылки. Нимицу удалось очень вовремя убедить Вашингтон в своей правоте, поскольку ключевое донесение, перехваченное 25 мая, оказалось последним зашифрованным кодом «YN-25». Затем японцы сменили кодо-

вую систему, и игра пошла втемную. Требовалось немало времени для «раскола» нового кода, а пока что разведчики могли только заполнять некоторые пробелы и следить за передвижением кораблей противника. Эта работа была, безусловно, полезной, но она уже не могла дать общей картины обстановки. Однако, самое главное было сделано — адмирал Нимиц мог распоряжаться вверенными ему кораблями и самолетами по своему усмотрению, не оглядываясь на Вашингтон.

«Предположительно, четыре авианосца, каждый имеет тридцать шесть истребителей и двадцать семь бомбардировщиков (всего шестьдесят три самолета), атакуют Бальза (кодовое название Мидуэя) с короткой дистанции, скажем, пятьдесятсто миль, с тем, чтобы быстро уничтожить противовоздушную оборону атолла, — поспешно писал Нимиц своему офицеру по связи с авиацией капитану 1 ранга Девису. — Оцените так точно, как это только возможно, вероятные действия противника и разработайте наилучший метод наших контрдействий. Представьте мне краткие соображения на этот счет, и тогда мы обсудим их».

Нимиц требовал от своего штаба не только общего планирования, но порой заваливал его вопросами, требующими знания мельчайших подробностей предстоящей операции.

Как лучше разместить на атолле двенадцать дополнительных зениток, недавно отправленных туда? Где расположить авианосцы, чтобы обеспечить Мидуэю лучшую поддержку? Где лучше всего развернуть завесы подводных лодок? Смогут ли

самолеты с Мидуэя избежать удара истребителей и бомбардировщиков противника и в то же время обнаружить и атаковать японские авианосцы?

«Проблема Мидуэя сводится к тому, чтобы нанести удар противнику прежде, чем мы сами подвергнемся нападению», — писал контр-адмирал Беллинджер, предоставляя командующему план разведывательных мероприятий, разработанный вместе с генерал-майором Кларенсом Тинкером из 7-го бомбардировочного авиакрыла ВВС. План предусматривал ежедневное патрулирование на дистанции семьсот миль, которое должно было перекрыть по дуге сто восемьдесят градусов все пространство западнее Мидуэя. Для осуществления плана требовалось двадцать три летающих лодки, на восемь больше, чем они имели.

Изучая обстановку на 26 мая, капитан 1 ранга Девис заметил: «Авианосцы могут занять великолепную позицию для удара во фланг соединению Нагумо».

Американские авианосцы были уже на подходе. В это же утро в юго-западной части горизонта появилось пятнышко, затем два, пять — всего двадцать одно. 16-е оперативное соединение адмирала Холси возвращалось с Соломоновых островов.

Неожиданное возвращение породило среди возбужденного личного состава соединения всевозможные слухи и предположения. Некоторые, подобно капитану 2 ранга Эду Грину, который был инженер-механиком на авианосце «Хорнет», кое-что знали. Но если Грина кратко информировал его старый друг командир авианосца капитан 1 ранга

Марк Митшер, то далеко не у всех были такие друзья. Так что остальные могли только гадать. Например, младший лейтенант Леви Гопкинс из 6-й бомбардировочной эскадрильи авианосца «Энтерпрайз» обратил внимание на то, что даже радиопереговоры самолетов были запрещены, — значит, причина возвращения, действительно, очень серьезна.

Но тот человек, который все знал лучше всех, был не в настроении кого-либо видеть. Адмирал Холси вернулся в Перл-Харбор с пораженной болезнью кожей, жестоко страдая от опоясывающего лишая. Зуд сводил его с ума. Он перепробовал все, даже ванны из овсянки, но ничто не помогло. Совершенно измученный, он лежал в своей каюте — комок нервов и злости.

26 мая в 11.23 авианосец «Энтерпрайз» вошел в гавань Перл-Харбора и отшвартовался у стенки острова Форд. Доктор Хедтовер хотел немедленно отправить адмирала Холси в госпиталь, но Холси решительно отказался, желая лично явиться к командующему флотом. Адмиралу Нимицу достаточно было взглянуть на Холси, чтобы приказать ему немедленно отправляться в госпиталь. Однако, сначала он хотел услышать от Холси, кого тот рекомендует назначить командующим 16-м оперативным соединением в предстоящем сражении. Не колеблясь ни секунды, адмирал Холси назвал человека, по-видимому, менее всех похожего на него во всем Тихоокеанском флоте, — спокойного и педантичного командующего крейсерами и эсминцами охранения контра-адмирала Раймонда Спрюэнса.

Сам Спрюэнс и понятия не имел, что его ждет

столь крупное повышение. После того, как его флагманский крейсер «Нортгемптон» отшвартовался у стенки, Спрюэнс отправился с обычным докладом к Холси на «Энтерпрайз». И только там, узнав, что Холси отправлен в госпиталь, Спрюэнс присоединился к отдыхающим в адмиральском салоне старшим офицерам соединения и вместе с ними стал строить предположения о возможной кандидатуре нового командующего.

В этот момент в салоне появился адъютант Холси лейтенант Уильям Эсфорд, посланный за Спрюэнсом из штаба флота. Считая, что в салоне слишком многолюдно, Эсфорд попросил Спрюэнса пройти в спальню Холси и там все ему рассказал. Спрюэнс был страшно удивлен. Мало того, что он гораздо моложе многих других, имеющих право занять эту должность, он, кроме всего прочего, не авиатор и за всю службу ни одного дня не провел ни на одном авианосце. Эсфорд пояснил: дело, вероятно, в том, что Спрюэнс прекрасно показал себя в последнем рейде соединения, а недостаток опыта ему компенсирует превосходный штаб адмирала Холси.

Спрюэнс поспешил в штаб флота, где Нимиц официально объявил ему о новом назначении и кратко ввел его в курсдвигающихся событий. Затем оба адмирала разработали в общих чертах план возможного американского контрудара. Было принято решение, что Спрюэнс со своими авианосцами будет ожидать противника к северо-востоку от Мидуэя. В обычных условиях ему следовало бы направиться на северо-запад, прямо

навстречу японцам, и навязать им бой где-то к западу от атолла, но в настоящее время, несмотря на великолепную работу разведки, все-таки существовала опасность того, что японцы внезапно изменят свои планы и ринутся вместо Мидуэя на Гавайи или Западное побережье. Поэтому, поджидая противника северо-восточнее Мидуэя, Спрюэнс будет в готовности быстро отреагировать на любые неожиданности, не говоря уже о том, что у него появится отличный шанс для внезапного удара по соединению Нагумо.

Один из офицеров авианосца «Энтерпрайз», лейтенант Кларенс Дикинсон, возвращаясь на корабль из города, к своему удивлению встретил прямо на сходнях своего сокурсника по Аннаполису, лейтенанта Р. Оливера, который был флаг-офицером контр-адмирала Спрюэнса на «Нортгемптоне». Дикинсон осведомился, что Оливер делает на авианосце. Оливер ответил, что размещает личные вещи адмирала Спрюэнса, перенесенные с крейсера, поскольку Спрюэнс назначен командующим 16-м оперативным соединением.

Эта новость от одного к другому молнией облетела корабли соединения. Командующим назначен Спрюэнс, Холси остается на берегу! В это трудно было поверить. За последние шесть месяцев Билл Холси стал как бы частью их самих. После катастрофы в Перл-Харборе именно Холси заставил насмерть перепуганных новобранцев и разочарованных старых служак снова поверить в свои силы. Постепенно он воспитал в них мастерство, поднял их боевую подготовку и дал им почувствовать

несравнимую ни с чем радость первых побед. Но главное заключалось в том, что адмирал Холси был «авианосным адмиралом», прекрасно знавшим и любившим авиацию. Невозможно было даже представить, что теперь придется идти в бой без него. Спрюзэнса же все знали плохо, и это вызывало сильное беспокойство. По соединению поползли слухи, что Спрюзэнс принадлежит к «артиллерийскому клубу линкорных адмиралов», которых на авианосцах презрительно называли «черными сапогами». Это было равносильно плохим новостям. Один из ветеранов «Энтерпрайза» позднее рассказывал: «Мы ничего в общем-то не имели против Спрюзэнса. Просто нас беспокоило, что соединение возглавил «черный сапог»».

Однако, времени на раздумья и сожаления уже не оставалось. Люди были прикованы к работе. Капитан 1 ранга Марк Митшер, представленный к производству в контр-адмиралы, решил на время боя остаться на посту командира авианосца «Хорнет». Преемник Митшера, капитан 1 ранга Чарльз Мессон, также решил принять участие в бою на борту «Хорнета», время от времени напоминая Митшеру: «Лучше заботьтесь об авианосце — это уже мой корабль».

Порт гудел от напряжения. Вдоль цепочки боевых кораблей сновали баржи, подвозя топливо и все виды боевых припасов. На берегу группа летчиков с «Хорнета» во главе с командиром 8-й эскадрильи торпедоносцев капитаном 3-го ранга Джоном Вальдроном осаждала службу материального обеспечения авиации. Вальдрон узнал, что на

склады поступили новые спаренные авиационные пулеметы, которые, правда, предназначались для пикирующих бомбардировщиков, но Вальдрон был буквально одержим идеей установить их на своих тихоходных и очень уязвимых торпедоносцах. Его желание получить эти пулеметы было настолько искренним, что, в конце концов, начальник службы обеспечения капитан 1 ранга Лайон сдался и разрешил их выдать. Ликующий Вальдрон исчез так быстро, что даже забыл у Лайона свои перчатки.

27 мая на «Энтерпрайзе» на непродолжительное время была приостановлена работа и произошла короткая торжественная церемония. В разгар общей суматохи на борт авианосца поднялся сам адмирал Нимиц, чтобы вручить награды летчикам «Энтерпрайза», отличившимся в прошлых боях. Прикрепляя крест «За летные боевые заслуги» к груди лейтенанта Роже Меле, адмирал, взглянув в глаза офицеру, сказал: «Мне кажется, что в ближайшие дни у вас будет шанс заслужить еще один орден».

В этот же день после полудня в юго-западной части горизонта показались новые силуэты — 17-е оперативное соединение адмирала Флетчера возвращалось в Перл-Харбор. Это был тяжелый переход, полный неизвестности. Израненный «Йорктаун» оставлял за собой на мили вокруг предательский след вытекающего мазута. Но наконец они были у родных берегов и невольно радовались, что авианосец из-за полученных повреждений поставят в док, а они будут предаваться всевозможным

удовольствиям на берегу. Это не удивительно — 17-е оперативное соединение сто один день провело в море. Когда огромный авианосец входил в гавань Перл-Харбора, моряки уже физически ощущали вкус пива в отеле «Стрит». Однако, их ждало не пиво, а специальная комиссия, прибывшая в сухой док № 1. Всю предыдущую ночь доковый мастер Уильямс со своей бригадой подгонял киль-блоки и крепления, готовясь к приему «Йорктауна». Авианосец, не останавливаясь у стенки, пошел в док. Экипаж, к своему ужасу, убедился, что мечты об отдыхе растаяли, как дым.

Вечером после осушения дока небольшая группа специалистов обследовала повреждения «Йорктауна», осматривая пробитые и смятые листы обшивки. Сам адмирал Нимиц вместе с начальником дока капитаном 1 ранга Джайллетом и своим заместителем по судоремонту капитаном 2 ранга Пфайнстегом выяснял последствия попаданий японских авиабомб. Повреждения были очень серьезные. Правда, два близких разрыва не причинили большого вреда — пластырь удерживал поступление воды через мелкие осколочные пробоины. Намного хуже было прямое попадание — бомба разворотила четыре палубы, разрушив все на сто футов в окружности. Палубы вздыбились, двери и люки оказались сорванными, водонепроницаемые переборки — вспученными и пробитыми, бимсы и стрингеры — скрученными. Требовалось несколько недель, чтобы отремонтировать авианосец.

— Корабль должен быть введен в строй через три дня, — приказал Нимиц.

Голос адмирала был спокоен, как будто речь шла о совершенно обычной вещи. Специалисты в нерешительности переглянулись, поколебались, и наконец капитан 2 ранга Пфайнстег, тяжело сглотнув слюну, ответил за всех: «Есть, сэр!»

После этого Нимиц отправился обратно в штаб флота, куда немного позже прибыл и адмирал Флетчер. Вероятно, потому, что они хорошо знали друг друга, Флетчер сразу почувствовал, что его шеф, обычно очень спокойный человек, весьма взволнован. Нимиц прежде всего спросил Флетчера, как тот себя чувствует. «Очень устал», — ответил Флетчер. Нимиц кивнул: он все хорошо понимает и в нормальных условиях отправил бы весь личный состав соединения отдохнуть на западное побережье США. Но сейчас, к сожалению, это невозможно. Японцы идут к Мидуэю, и 17-е оперативное соединение должно срочно выходить в море. Командующий флотом подробно посвятил Флетчера в план операции, задуманной японцами. «Знаете, — раздраженно сказал Нимиц, — японцы даже назначили офицера, который должен командовать их базой на Мидуэе!»

Постепенно Флетчер вошел в курс создавшейся обстановки. Холси попал в госпиталь... «Энтерпрайзом» и «Хорнетом» командует Спрюзнс... оба авианосца 16-го соединения выходят завтра... Флетчер должен выйти вслед после ремонта «Йорктауна». Оба оперативных соединения должны встретиться в море и действовать под общим командованием Флетчера как старшего офицера.

Контр-адмирал Флетчер все понял. Он имел

только одно возражение: «Йорктаун» потерял много летчиков в Коралловом море, и его беспокоит, что Нимиц планирует направить на авианосец новые эскадрильи бомбардировщиков и торпедоносцев. Флетчера волновал не столько вопрос подготовки новых экипажей, сколько то, что новые пилоты еще не действовали с «Йорктауна».

— Нельзя ли на авианосце сохранить регулярную авиагруппу, лишь пополнив ее новыми людьми взамен выбывших их строя?

— Нет, — сказал Нимиц, — старые пилоты измотаны, нуждаются в отдыхе, а целиком новая авиагруппа обеспечит лучшую координацию действий.

Пришедший позднее Спрюэнс поднял вопрос о том, удастся ли все-таки за столь короткий срок отремонтировать «Йорктаун».

— Он присоединится к вам, — твердо ответил Нимиц.

Командующий знал, что говорил. Рабочие доков, ремонтирующие авианосец, старались изо всех сил. Непрерывно грохотали пневматические молотки, в сумерках ярко сверкал ацетилен.

В тот же вечер, пробравшись через немыслимую паутину кабелей и шлангов, опутавших палубу, на борт «Йорктауна» поднялся рассыльный и вручил пакет с документами начальнику корабельной канцелярии младшему лейтенанту Джону Гринбеккеру. Гринбеккер расписался за документы и стал таким образом первым из экипажа «Йорктауна», увидевшим оперативный план 29-42 — официальный план штаба адмирала Нимица, который включал в себя все мысли и решения за

последние две недели.

«Предполагается, что противник попытается захватить Мидуэй в ближайшем будущем, — говорилось в преамбуле плана, — если принять это предположение за основу, то состав сил, используемых противником для этой цели, предполагается следующим: два-четыре линкора, четыре-пять авианосцев, восемь-девять тяжелых крейсеров, шестнадцать-двадцать четыре эсминца, восемь-двенадцать подводных лодок, не считая сил вторжения с гидроавиатранспортом...»

В этом сухом перечне сил противника проступали контуры тактического замысла командующего флотом. Специальные задачи были поставлены каждому из отдельных соединений. Авианосцы должны были «нанести максимальный урон противнику, применив тактику внезапного удара». Подводные лодки — «перехватить авианосцы противника на подходе». Мидуэй — «держать оборону и вести разведку». Гавайи — обеспечить поддержку дальней авиацией.

Восемьдесят шесть копий оперативного плана 29-42 были направлены офицерам различных рангов. Людям, получившим доступ к нему, детальнейшая осведомленность о передвижении и планах японских сил казалась просто невероятной. Ничего не зная о работе радиоразведки и, видимо, начитавшись шпионских боевиков, штурман «Энтерпрайза» капитан 2 ранга Рэбл пробормотал про себя: «Этот парень в Токио оправдывает каждый цент, который мы платим ему».

На следующее утро, 28 мая, с первыми лучами

яркого тропического солнца эсминцы 16-го оперативного соединения снялись с якорей и, пройдя кильватерной колонной входной канал Перл-Харбора, вышли в открытое море. За ними вышла пара танкеров, затем — крейсера, и позади всех — авианосцы «Энтерпрайз» и «Хорнет».

На мостике «Энтерпрайза» в глубокой задумчивости стоял «черный сапог» — адмирал Спрюэнс, наблюдая, как впервые находящееся под его командованием авианосное соединение выходит из гавани. Напутствием соединению служили слова оперативного плана, призывающие «нанести максимальный урон противнику». Кроме того, в последнюю минуту адмирал Спрюэнс получил дополнительные инструкции от Нимица, где говорилось: «Вы должны обеспечить выполнение задачи согласно оперативному плану 29-42, которым вы должны руководствоваться в разумном распределении риска». Практически это означает: уклоняясь от атаки превосходящих сил противника, нанести ему самому удар, стараясь при этом, чтобы урон противника был максимальным. Деликатные формулировки этого плана проносились в голове у Спрюэнса в тот момент, когда он с мостика флагманского авианосца наблюдал за выходом вверенных ему сил в море. В 11.59 «Энтерпрайз», пройдя входной канал, вышел в море и взял курс в пустынные воды северо-восточнее Мидуэя. Из окна военно-морского госпиталя за выходом 16-го оперативного соединения наблюдал адмирал Холси. Можно представить себе его переживания, когда корабли уходили в бой без него.

А между тем, в сухом доке № 1 работа шла полным ходом. Сотни людей работали на «Йорктауне», и уже становилось ясно, что авианосец будет возвращен в строй в срок, указанный командующим. Гремели пневматические молотки и дрели, тучи дыма поднимались от десятков ацетиленовых горелок, срезавших лохматые обрывки поврежденных конструкций. Работой ста пятидесяти судосборщиков и монтажников руководил старший мастер Билл Беннет — один из наиболее квалифицированных мастеров судоремонтного завода ВМС. Времени на составление чертежей и эскизов не было. Решения принимались прямо по ходу работы. Снимались поврежденные части набора, по контуру повреждений на месте обрезались стальные листы, ставились заплаты на мелкие пробоины, ослепительно сверкала электросварка. Скрежет и грохот стоял, как в аду. Столь же невыносимы были и условия работы: страшная жара, заполненные дымом отсеки. Люди шатались от усталости, но не позволяли себе и минуты отдыха. Вместе с судосборщиками самоотверженно трудились судовые монтажники под руководством старшего мастера 31-го цеха Эллиса Клантона. Им предстояло исправить поистине фантастический ассортимент повреждений — от аэрофинишера и площадок элеватора до замены бесчисленных трубопроводов и клапанов.

В какой-то момент одна бригада сварщиков, не выдержав напряжения, решила прекратить работу. Люди смертельно устали. Неожиданно появившийся офицер попросил рабочих задержаться

и выслушать его. Он рассказал рабочим, что японцы идут к Мидуэю, что они считают «Йорктаун» потопленным, и можно себе представить, каким сюрпризом для них будет появление «Йорктауна» в бою. Выслушав офицера, сварщики вернулись на рабочие места.

Всю ночь 28 мая работы не прекращались ни на мгновение. Огромный авианосец стоял в доке в ореоле голубых вспышек электросварки. Все это было настоящим кошмаром для экипажа, который и так не имел ни минуты отдыха. Почти все матросы были заняты на погрузке боеприпасов для авиации.

Пока на «Йорктауне» продолжались работы, интересные события происходили в окрестностях Гонолулу. Сначала был отключен свет в районе Кахала, а затем поочередно и во всех других районах города. И, хотя местные жители давно привыкли к ненадежной работе Гавайской электрической компании, в данный момент дело обстояло в другом. Необходимость огромных затрат электроэнергии для срочного ремонта авианосца заставила руководство дока связаться с президентом Гавайской электрической компании Лесли Хиксом и конфиденциально сообщить ему о критическом положении. Хикс обещал помочь и, отключив энергию от некоторых районов Гонолулу, подал ее на док.

Утром 29 мая отведенное для ремонта время истекло. В одиннадцать часов утра насосы затопили док, и «Йорктаун» начал выходить в порт. Это очень сложная работа — выводить из дока такую громадину. «Йорктаун» шел медленно, даже слишком

медленно для общего настроения людей, привыкших за последнее время к бешеной спешке. Сотни рабочих еще находились на борту авианосца, продолжая работы.

Пока «Йорктаун» стоял в доке, лейтенант Норвуд Кэмпбел выяснял в штабе флота подробности о новой авиагруппе, которая прибывала на авианосец. В большинстве своем новая авиагруппа состояла из летчиков авианосца «Саратога», которые с января, после того, как «Саратога» был торпедирован и стоял в ремонте, бездельничали на авиабазе Канэохе. За этот период только 3-я эскадрилья бомбардировщиков капитана 3-го ранга Макса Лесли на короткое время подменила бомбардировщики «Энтерпрайза» при обеспечении рейда Дулиттла на Токио. Что же касается 3-й эскадрильи торпедоносцев капитана 3-го ранга Линца Месси и 3-й эскадрильи истребителей капитана 3-го ранга Джона Тэча, то они уже пять месяцев в боевых действиях на участвовали.

Рассвет над Перл-Харбором в субботу 30 мая обещал хорошую погоду. С первыми звуками горнов и свистками боцманских дудок, возвещавших побудку, на борт «Йорктауна» прибыл адмирал Нимиц. Командующий попросил командира авианосца капитана 1 ранга Эллиота Букмастера объявить всему экипажу, что он, Нимиц, сожалеет, что не смог предоставить им заслуженный отпуск. Но после этого боя, он твердо обещает, весь экипаж авианосца будет отправлен на три недели в Соединенные Штаты.

В девять часов начали работать машины

«Йорктауна». На авианосце еще продолжали работать монтажники и изолировщики трубопроводов, когда кто-то крикнул им сверху: «Давайте, парни, все на берег! Быстрее! Мы уходим!» Авианосец уже подходил к выходному каналу, когда последний катер с рабочими отвалил от его борта. Под звуки мелодии «Калифорния, я вернулся!», передаваемой репродукторами боевой трансляции, «Йорктаун» вышел в море.

После полудня авианосец принял авиагруппу, вылетевшую с базы Канэохе, и с наступлением темноты был уже далеко в море. После кошмарных предыдущих ночей странной казалась эта тихая, теплая ночь, с блестящей лунной дорожкой, бегущей по океану. Теперь экипажу «Йорктауна» предстояло сделать то, что не в состоянии были сделать ни разведчики, ни штабные офицеры, разрабатывающие операции, — разгромить идущие к Мидуэю армады адмирала Ямамото. На авианосце знали, как командующий флотом назвал место, назначенное для встречи соединений адмиралов Спрюэнса и Флетчера. Эта точка на карте — маленькое пятнышко среди безбрежных просторов океана — была названа с затаенной надеждой на успех — «Пункт Удачи».

* * *

Капитану 2 ранга Тоситакэ Уэно эта лунная ночь принесла новые неудачи. Пока укрытые темнотой американские корабли шли на север, его подводная лодка «J-123» лежала в бездеятельности и без всякой пользы у рифов Френч-Фригейт, в нескольких сотнях миль западнее Мидуэя. Соглас-

но последнему варианту японского плана, «J-123» должна была обеспечить заправку топливом двух гидросамолетов с атолла Кваджелейн, которым предстояло произвести разведку Перл-Харбора перед самым началом операции. Однако, о заправке, по крайней мере, вечером этого дня, не могло быть и речи — большой американский гидроавиатранспорт стоял на якоре в лагуне. Это меняло все планы.

Впервые проведенная в марте операция «К» (как ее называли) прошла как нельзя лучше. Тогда два гидросамолета прибыли с Кваджелейна, заправились с подводных лодок-танкеров и вылетели к Перл-Харбору. Никто не мешал им. Правда, им не удалось многое сделать, но это произошло не из-за ошибок операции. Подводные лодки ждали, топливо подавалось, и никто не беспокоил их у рифов Френч-Фригейт.

На этот раз все было по-другому. Когда «J-123», первая из лодок-заправщиков, достигла рифов 26 мая, она обнаружила на якорной стоянке американский гидроавиатранспорт. Вскоре подошли «J-122» и «J-123». Следующие три дня они продолжали наблюдение в перископы, терпеливо ожидая, когда транспорт уйдет. Однако, транспорт не собирался уходить, и уже ночью 29 мая встал вопрос, как быть дальше. Ведь в течение ночи самолеты должны были пролететь расстояние от Кваджелейна, чтобы, как предусматривал план, совершить заправку на рассвете 30 мая. Капитан 2 ранга Уэно последний раз взглянул в перископ — теперь уже два американских корабля стояли на

якоре в лагуне. Уэно радировал обстановку на Кваджелейн.

Вице-адмирал Едзи Гото понял его и радировал в ответ: «Операция откладывается на сутки. Ожидать самолеты 31 мая».

Однако, и в ночь на 30 мая ничего не изменилось. Когда капитан 2 ранга Уэно при свете луны осматривал якорную стоянку, он не мог видеть транспорта, но ошибиться было трудно из-за гудящих в темноте моторов гидросамолетов. Гидроавиатранспорт оставался на месте. Глубокой ночью Уэно вновь радировал на Кваджелейн, что рифы по-прежнему охраняются. На этот раз пришел ответ от начальника Гото, командующего 11-м воздушным флотом вице-адмирала Нисизо Цухакара: самолеты не придут вовсе, операция «К» отменяется. Это означало, что разведка Перл-Харбора не будет проведена. Не велика потеря: корабли Нимица надежно запрятаны. Там они и будут оставаться, пока мощный удар не обрушится на Мидуэй и не заставит их выйти, чтобы угодить прямо в гигантскую ловушку адмирала Ямамото.

Перл-Харбор казался странно пустым после ухода флота, однако, активная деятельность штаба Нимица продолжалась. Придя вечером на службу, капитан 2 ранга Лайтон первый раз после 7 декабря 1941 года принес с собой свою каску. Благодаря Рочфорту, он знал, что сегодня ночью японцы будут проводить операцию «К». И хотя рифы Френч-Фригейт надежно охранялись, существовала опасность в случае какой-нибудь неожиданности подвергнуться налету со стороны самолетов

противника, производящих разведку. Конечно, ничего не случилось, если не считать того, что некоторые офицеры штаба, подражая Лайтону, стали приносить на службу каски вообще без всякой причины.

ГЛАВА 3

ПОДГОТОВКА

Никто не сообщил адмиралу Нагумо, что операция «К» провалилась. Радио многозначительно молчало. Когда 1-е ударное соединение, рассекая волны, стремительно шло к Мидуэю, штаб Нагумо мало о чем беспокоился. Они, конечно, получат сообщение, если в результате операции «К» будет обнаружено что-либо достойное внимания. А раз сообщений нет, значит, не обнаружено ничего такого, из-за чего стояло бы нарушать радиомолчание.

Боевой дух на каждом корабле был очень высок. Используя прекрасную погоду первых дней похода, пилоты практиковались, отрабатывая заходы в атаку. Наблюдая за ними с борта эсминца «Новаки», капитан 1 ранга Маготаро Кога не мог представить себе, что кто-нибудь сможет победить летчиков японской морской авиации. «Наши сердца трепещут от уверенности в победе», — записал он в этот вечер в своем дневнике. Даже самые незначительные мелочи были глубоко продуманы. Для еще большего поднятия боевого духа на всех кораблях соединения морякам было выдано сразу трехмесячное жалование. Подобное событие

может вызвать радость у моряков любого флота. Все без исключения считали, что им очень повезло. Не повезло только одному человеку: в первый же вечер капитан 2 ранга Футида, командир авиагруппы «Акаги», был отправлен в лазарет с острым приступом аппендицита. Теперь он уже не мог вести японские самолеты к Мидуэю, как вел их на Перл-Харбор.

Во второй половине дня 1 июня погода начала портиться. К счастью, вовремя удалось завершить очередную приемку топлива с танкеров. Летные операции были отменены, пилотам разрешено было отдыхать. Летчик-истребитель Райт Огава развлекался в кают-компании «Акаги», проигрывая на старом, скрипучем граммофоне пластинку с популярной песенкой «Кирамеку Сайца» — бодрая мелодия вызывала в его воображении видение «самолетов, летящих высоко в голубом небе». Пилот торпедоносца Такоеси Моринага, лежа на койке, читал новейшую историю Японии. Заместитель командира авиагруппы авианосца «Хирю» Тосио Хасимото играл в бридж в кают-компании. На авианосце «Сорю» пилот бомбардировщика Юдзо Мори играл на бамбуковой флейте мелодию «Шаки-Начи». Другие занимались подобными делами, развлекаясь, кто как мог.

В сотнях миль к юго-западу от них соединение Вторжения медленно продвигалось вперед. На мостике крейсера «Дзинцу» капитан 2 ранга Таяма изо всех сил старался сохранить тринадцать транспортов в каком-либо подобии строя. Строй был очень простой — две параллельные кильва-

терные колонны, но конвой сформировали так поспешно, что совершенно не оставалось времени обучить экипажи транспортов необходимым сигналам, и управлять ими в порядке было довольно трудно. Находящиеся на транспортах десантные подразделения вообще не имели никаких забот. Правда, им не мешало бы еще попрактиковаться во владении оружием и в приемах высадки, но на переполненных транспортах для этого не было никакой возможности. Большую часть времени солдаты и морские пехотинцы проводили сидя на корточках на верхних палубах, беседа о девушках и о доме.

Далеко позади — в шестистах милях от соединения Нагумо — шли тридцать четыре корабля могучих главных сил адмирала Ямамото. На семи огромных линкорах свободные от вахты моряки убивали время, занимаясь пластической гимнастикой, принимая солнечные ванны и просто бездельничая. На японских кораблях всегда, где бы они ни находились, жили по токийскому времени. Большинство молодых матросов, вчерашних крестьян, чувствовали себя довольно неуютно в этом странном мире, где солнце встает в два часа ночи.

На «Ямато» адмирал Ямамото едва прикоснулся к тарелке с рисовой кашей. Отменный аппетит несколько подвел командующего Объединенным флотом — адмирал страдал от несварения желудка. Но более всего портили настроение сообщения разведки. Еще 29 мая служба радиоперехвата Объединенного флота сообщила об усилении радиоактивности американцев в районе Гавайских и Алеутских островов. Большинство перехваченных

сообщений были с самолетов и подводных лодок. Все это наводило на мысль о том, что в море находится американское оперативное соединение.

Тревожные признаки усиливались. Американская подводная лодка уже, вероятно, обнаружила группу транспортов, судя по длинной шифрованной радиограмме, посланной в Перл-Харбор. Остров Уэйк доложил о замеченном самолете-разведчике противника, вылетевшем, по-видимому, с Мидуэя. Анализ всех перехваченных сообщений показал, что на семидесяти двух из ста восьмидесяти стояла пометка «срочно». Такое количество срочных радиограмм вызывало подозрение. Однако, с другой стороны, по последней оценке разведки, сделанной 31 мая, местом нахождения американских авианосцев были снова названы Соломоновы острова. Все это сбивало с толку, и каждый уже жалел о провале операции «К».

Вскоре выяснилось, что с завесами подводных лодок тоже не все благополучно. Три из четырех подводных лодок, назначенных в завесу от Гавайских островов, потерпели фиаско из-за участия в операции «К», опоздав вовремя занять указанные позиции. Что еще хуже, опоздали и все семь подводных лодок, назначенные в завесу к северо-западу от Гавайских островов. Это были те самые подводные лодки, которые должны были к 1 июня встать поперек линии Гавайи — Мидуэй, но подготовка к выходу заняла больше времени, чем намечалось, и теперь они не могли прибыть на место раньше 3 июня. Следовало ли сообщить об этом адмиралу Нагумо? Ямамото был склонен сделать это,

но капитан 1 ранга Куросима категорически высказался против. После доклада о положении дел с операцией «К» он придавал большое значение соблюдению радиомолчания. Кроме того, радио авианосца «Акаги» также должно было принять все эти сообщения. В итоге ничего сделано не было.

Тот же вопрос возник днем позже. Радиоразведка в Токио подтвердила подозрения, что где-то около Мидуэя находится американское оперативное соединение. Снова адмирал Ямамото склонялся к тому, чтобы поставить об этом в известность адмирала Нагумо, и снова «Бог операций» предпочел склониться перед идолом радиомолчания. В шестистах милях впереди авианосцы Нагумо продолжали следовать своим курсом. В радиорубке «Акаги» радисты не отходили от своих аппаратов, но не слышали ничего. «Ямато» молчал, а Токио был слишком далеко. Из-за своей маленькой надстройки авианосец «Акаги» имел сравнительно слабое радио и поэтому с такого расстояния не мог поймать никаких сообщений. Стала портиться погода. Весь день 1 июня она становилась все хуже и хуже. Моросил мелкий дождь, смешанный с густым туманом. Окутанные туманом корабли шли вперед, их силуэты расплывались в надвигающейся темноте.

* * *

Видимость на Мидуэе была хорошей, когда капитан 3-го ранга Танабе, командир подводной лодки «J-168», повернул свой перископ к ослепительно сверкавшим коралловым пескам атолла. Он находился около Мидуэя в течение трех дней, ведя тщательное наблюдение. Танабе радировал все

новости в Токио для ретрансляции флоту,двигающемся к Мидуэю. А сообщить было о чем. Американские сторожевые катера сновали взад и вперед. В течение дня прибыло девяносто-сто самолетов, включая тяжелые бомбардировщики. Летающие лодки, вылетевшие на рассвете, вернулись лишь вечером — это позволяло предположить, что патрулирование ими ведется на удалении, по меньшей мере, шестьсот миль. На берегу работало несколько строительных кранов — гарнизон, вероятно, укреплял оборону. Большую часть времени Танабе оставался в погруженном состоянии на перископной глубине в двух-трех милях от берега. Он не отрывал глаз от перископа, медленно ведя лодку ближе к атоллу. Экипаж лодки с надеждой перебирал амулетные четки. Они еще не были обнаружены, но каждый понимал меру риска, когда лодка подкрадывалась к пляжам Мидуэя на расстояние менее восьмисот ярдов. Ночью, когда «J-168» всплыла на поверхность, Танабе продолжал наблюдение в бинокль. На Мидуэе действовал приказ о затемнении, но кое-что все-таки можно было обнаружить. В одном месте Танабе насчитал девять огней для ведения ночных работ. Было ясно: здесь к чему-то готовились.

* * *

Вторая половина месяца была самой напряженной для гарнизона Мидуэя. Все началось с неожиданного прибытия на атолл адмирала Нимица. До этого на Мидуэе можно было легко забыть, что идет война, если не считать довольно редких обстрелов атолла японскими подводными лодка-

ми. Но после 2 мая обстановка резко изменилась. Командующий флотом произвел тщательную инспекцию Мидуэя, стараясь вникнуть во все. Он побывал на подземном КП на Сэнд-Айленде, посетил ангар для гидросамолетов, где обслуживались летающие лодки, прошел по каждому окопу 6-го батальона морской пехоты, а затем на катере направился на Истерн-Айленд. Там адмирал осмотрел взлетную полосу аэродрома и обменялся рукопожатиями со всеми пилотами.

Через две недели после посещения атолла Нимицем на Мидуэй потоком хлынуло новое снаряжение и боевая техника. Капитан 2 ранга Симард и подполковник Шаннон, подавшие командующему флотом заявки с перечнем всего необходимого для обороны Мидуэя, были весьма удивлены, когда для начала они получили то, о чем даже не было речи. Это были две пары погон со знаками отличия капитана 1 ранга для Симарда и полковника для Шаннона.

И Симарду, и Шаннону было совершенно ясно, что полученное повышение не сулит им в ближайшем будущем ничего хорошего. 20 мая прибыло послание от Нимица, адресованное им обоим, которое поставило офицеров в известность о планах противника. В послании командующий давал трезвую оценку обстановки и предупреждал, что в распоряжении защитников атолла осталась одна неделя.

Никто не почувствовал себя более встревоженным, чем полковник Шаннон. Несмотря на официальное подчинение Симарду, он командовал морской пехотой и непосредственно отвечал за

оборону Мидуэя. Полковник информировал своих офицеров и в общих чертах обрисовал им те меры, которые необходимо предпринять, чтобы предотвратить вторжение японцев на атолл. Затем адъютант Шаннона лейтенант Спенсер начал более детальный разбор этих вопросов и, помимо всего прочего, напомнил офицерам инструкцию о поведении в плену. В этот момент ветеран морской пехоты майор Д. Арнольд, командовавший на Мидуэе артиллерией, захлопнул свою записную книжку. На вопрос полковника, почему он это сделал, Арнольд ответил, что не собирается сдаваться в плен и закончить свою военную карьеру, таская на себе, как рикша, какого-нибудь пьяного японского солдата.

В плане обороны Мидуэя ярко отразилось прошлое самого полковника Шаннона — ветерана морской пехоты, участника боев под Беллоу Вуд в 1918 году. Колючая проволока, дзоты и доты. Кажалось, полковник желает превратить Мидуэй во вторую линию Гинденбурга, поскольку приказал немедленно начать возводить сложную систему фортификационных укреплений.

На следующее утро защитники атолла получили хорошую возможность испытать свой боевой дух. 22 мая началось довольно спокойно. Капитан 1 ранга Симард находился на своем КП, на южном побережье вели учебную стрельбу 81-мм минометы, морские пехотинцы начали работы по усилению обороны. И вдруг страшный взрыв потряс Сэнд-Айленд, облако дыма и пыли поднялось в небо. Японцы! — сомнений не было ни у кого. Но японцев не было и в помине, что всех довольно

сильно озадачило. Оказалось, что один матрос, проверявший электроконтакты, перепутал провода и подорвал взрывчатку, заложенную на случай оккупации атолла противником под топливными складами Мидуэя. Половины цистерн — примерно четырехсот тысяч галлонов топлива — как не бывало. К тому же была повреждена система автоматической подачи топлива на самолеты. Теперь их надо было заправлять вручную из 55-галонной цистерны.

Этого было достаточно, чтобы впасть в уныние, но капитан 1 ранга Симард не потерял головы и не стал искать козлов отпущения. Он спокойно доложил по подводному кабелю командующему флотом об этой новой беде и поинтересовался, когда тот сможет им чем-нибудь помочь.

Что касается полковника Шаннона, то для него самолеты были частью какого-то другого, не совсем реального мира. Для него существовала только сухопутная оборона. Наверное, даже не Марне не велось столько работ по укреплению обороны, сколько сделал на Сэнд-Айленде 6-й батальон морской пехоты. Рыли окопы полного профиля, оборудовали пулеметные гнезда, укладывали мешки с песком на новых артиллерийских позициях в ожидании орудий, обещанных Нимицем. На другой стороне лагуны пилоты морской пехоты копали капониры для самолетов, укрытия для бомб, запасов бензина и воды, а также щели для самих себя.

Мотки колючей проволоки окутывали все пространство вдоль коралловых пляжей. Руководивший этими работами майор Роберт Хоммель

немедленно получил от солдат кличку «Боб — колючая проволока». Однако, по мнению полковника Шаннона, колючей проволоки было недостаточно.

— Колючая проволока, — внушал полковник, — остановила бошей, они остановит и японцев!

— Ребята, — острили одуревшие от жары, уставшие солдаты, — старик, кажется, собирается колючей проволокой остановить японские самолеты.

Начальник штаба Шаннона, молодой капитан Роберт Макглашан, работал по двадцать часов в сутки, проверяя под палящими лучами солнца позиции, связь, маскировку, сектора обстрела. Майор Арнольд со своими артиллеристами приступил к «серийному» изготовлению импровизированных противопехотных мин. Мина делалась просто. Один конец обрезка водопроводной трубы заливали смолой, в трубку забивали взрывчатку, а затем во второй конец вставляли бикфордов шнур. Всего было сделано триста восемьдесят подобных мин. Связанные вместе по шесть штук и раскиданные по побережью, эти мины могли охладить пыл любого, кто попытался бы здесь высадиться. А электрические детонаторы делали эти мины просто великолепными! Многочисленные пустые бутылки из-под виски наполнялись самовоспламеняющейся жидкостью, известной, как «коктейль Молотова».

Работы продолжались без остановки — во всем уже чувствовалось осадное положение. Расчеты круглосуточно дежурили у орудий, весь гарнизон переселился под землю, еда готовилась прямо на позициях. Командные пункты флота и морской пехоты находились в блиндажах почти в центре

Сэнд-Айленда. Капитан 1 ранга Симард отдавал приказы по белому телефону, который придавал фешенебельный вид унылому интерьеру командного пункта. Полковник Шаннон отдавал распоряжения в глубине блиндажа, крытого балками и двенадцатью футами песка.

Каждую ночь проходили совещания, на которых обсуждались события минувшего дня и планы за завтра. Совещания иногда протекали очень бурно. Штаб резко отстаивал собственное мнение, и полковнику Шаннону было нелегко осуществлять на практике свои любимые теории. Однажды полковник предложил поставить над атоллом дымовую завесу, что вызвало резкое возражение со стороны Макглашана и Арнольда, считавших, что дымовая завеса скорее привлечет внимание японцев, чем прикроет атолл. На другом совещании Шаннон неожиданно сцепился с капитаном 1 ранга Симардом по поводу снятия на одном из участков берега колючей проволоки, чтобы дать морякам возможность наполнить несколько мешков песком.

В конце концов все споры, конечно, улаживались. Штабные уходили в свой бункер, полковник большими глотками пил остывший кофе, все кончалось, чтобы в пять утра начаться снова.

26 мая пришли хорошие новости. Во-первых, было получено сообщение от Нимица, установившее новую дату атаки. Теперь это было 5-6 июня — на подготовку оставалась еще целая неделя. Затем к пирсу Сэнд-Айленда пришвартовался легкий крейсер «Сент Луис», доставивший первые подкрепления с Гавайских островов.

Прекрасная батарея из восьми 37-мм зенитных орудий капитана Рональда Миллера была великолепным дополнением к противовоздушной обороне атолла. Четыре орудия установили на Истерн-Айленде, а остальные четыре Миллер планировал установить среди деревьев Сэнд-Айленда. Пока капитан выбирал более удобную позицию для своих зениток, мимо него с ревом промчалось несколько грузовиков. Высыпавшая из грузовиков толпа вооруженных до зубов людей орала непонятные лозунги и распевала песни китайских коммунистов. На Мидуэй прибыли «рейнджеры» майора Карлсона. Эта банда головорезов, официально носившая название 2-го десантно-диверсионного батальона особого назначения, была чем-то вроде эксперимента. Командир этого батальона майор морской пехоты Эванс Карлсон в свое время служил наблюдателем при коммунистических силах Северного Китая, где увлекся философией «Джунг-го», что сделало его крайне недисциплинированным. Что касается его «рейнджеров», то и их любимым занятием было обсуждать полученные приказы. Однако, их боевые качества не вызывали сомнений, и они заметно усилили оборону атолла.

«Рейнджеры» прибыли на Мидуэй в составе двух рот вместе с зенитной батареей капитана Миллера. Рота «Д» была направлена на Истерн-Айленд, а рота «С» присоединилась к зенитчикам Миллера в лесу Сэнд-Айленда. «Рейнджеры» выглядели фантастически дико. На бронзовых от загара плечах висели подсумки с патронами, карманы оттопыривались от гранат, а пояса щетинились

ножами, которые они кидали в деревья с небрежным мастерством. Даже их медики были вооружены до зубов и не имели красных крестов ни на руках, ни на сумках.

Более солидные подкрепления прибыли 26 мая. Вечером этого дня железнодорожный паром «Каттихок» доставил большую часть орудий, танков и самолетов, обещанных адмиралом Нимицем: пять танков, новые трехдюймовые орудия и спаренные 20-мм зенитные установки. Но общую радость вызвало прибытие новых самолетов — восемнадцать пикирующих бомбардировщиков «Донтлес» и семь истребителей «Вилджет».

Новыми, конечно, эти самолеты можно было назвать с большой натяжкой. В действительности же, эти машины были списаны с авианосцев, но они, безусловно, были во много раз лучше тех старых развалин, что уже имелись на атолле. До сих пор авиационную мощь Мидуэя составляли шестнадцать древних пикирующих бомбардировщиков «Виндикейтор» и столь же древние истребители «Буффало», которых было двадцать один. Бомбардировщики «Виндикейтор», или «Винд Индикейтор» (флюгера), как называли их морские пехотинцы, имели склонность к капотированию при взлете и посадке. Кроме того, когда в начале года пилоты пытались пикировать на этих машинах, начала расползаться обшивка их плоскостей. Обшивку залатали, но пикировать на «Виндикейторах» больше не решались. Что касается истребителей «Буффало», то они еще менее соответствовали своему назначению, так что доставленные самолеты казались

верхом совершенства по сравнению с ними.

«Новыми» в известном смысле были и прибывшие вместе с этими самолетами летчики. Семнадцать пилотов из двадцати одного были только что выпущены из летных школ. Некоторые из них после окончания учебы не успели налетать даже четырех часов. Никто из них не знал, зачем их направили на Мидуэй. Младший лейтенант Джек Косли был уверен, что их перевели на этот отдаленный атолл для продолжения летной практики. «Вы прибыли прямо к началу банкета», — приветствовали их «старички», когда прибывшие пилоты выгружали свое снаряжение на Истерн-Айленде. Младший лейтенант Аллан Рингблум, один из пилотов новых пикировщиков, предположил, что это обычная «покупка», которую он и ожидал от своих приятелей по училищу, выпущенных на несколько месяцев раньше его. Однако, после первого же инструктажа он понял, что это была не покупка...

Командир летчиков морской пехоты майор Лофтон Гендерсон не терял зря времени. Японцы могли нагрянуть в любую минуту, они и так запаздывали. Новые пикирующие бомбардировщики «Донтлес» распределили среди более-менее опытных пилотов, а «Виндикейторы» отдали новичкам. Нитко из них до этого не летал на «Виндикейторах», а времени для тренировок было очень мало. В первый же день учебных полетов было два случая капотирования на посадке. Оборудование самолетов никуда не годилось. Полетных карт не было, только четыре планшета на всех. Так что, большую часть времени молодые летчики прово-

дили не в воздухе, а на земле, коротая время за картами, валяясь на койках, наблюдая за знаменитыми местными альбатросами. Эти птицы, легко и грациозно парящие в небе, были крайне неуклюжими на земле. Будучи совсем ручными, альбатросы очаровали пилотов и даже стали причиной первого несчастного случая в эскадрилье. Из озорства лейтенант Эки сунул альбатроса под одеяло лейтенанту Бире, когда тот спал, и возмущенная птица укусила Бира за палец.

29 мая прибыло еще более внушительное подкрепление — четыре армейских двухмоторных бомбардировщика Б-26, переоборудованные для несения торпед. Командовал авиаотрядом капитан Джемс Коллинз. Это были первые армейские самолеты, появившиеся на Мидуэе, и их прибытие вызвало настоящую сенсацию. Все толпились у этих машин, что позволило летчикам узнать о своей миссии больше, чем их коллегам из морской пехоты.

Один из армейских летчиков, лейтенант Джемс Мури, до этого находился на аэродроме Хикем, ожидая приказа на перелет в Австралию, где уже находилась вся его эскадрилья. Вместо этого, он неожиданно получил приказ перелететь на аэродром острова Форд в Перл-Харборе. Три других бомбардировщика Б-26 получили аналогичный приказ, и когда армейские летчики прибыли на авиабазу острова Форд, они обнаружили там целую толпу флотских офицеров и несколько огромных торпед, которые Мури видел первый раз в жизни. Четыре экипажа в спешном порядке стали обучаться взлету и посадке с подвешенными

торпедами. Армейские летчики никогда не летали в районе Мидуэя и не имели опыта полетов над морем. Кроме того, их компасы не были откорректированы. Когда через два дня он вылетели из Перл-Харбора, все четыре бомбардировщика легли на разные курсы. К счастью, находящиеся в этом районе разведывательные самолеты указали армейским летчикам правильный курс. И, хотя пилоты этих импровизированных торпедоносцев никогда до этого не имели дело ни с кораблями, ни с торпедами, они, по крайней мере, благополучно добрались до Мидуэя.

В этот же день прибыли двенадцать летающих лодок «Каталина» — последние из летающих лодок, которые начали перебрасываться на атолл с 14 мая. Экипажи летающих лодок, как и все прочие, мало что знали о предстоящих задачах. Но с ними прибыл их командир Логан Рамсей, который был великолепно обо всем осведомлен.

Капитан 2 ранга Рамсей был одним из профессиональных знаменитостей американской морской авиации. Великолепный игрок в бридж, он мог решать навигационные проблемы, не выпуская карт из рук. Неортодоксальность Рамсея часто была причиной трений между ним и вышестоящим командованием, но с началом войны контр-адмирал Беллинджер, высоко ценивший профессиональные качества Рамсея, сделал его начальником своего штаба. Теперь он послал Рамсея на Мидуэй, зная, что никто лучше его не организует разведывательные полеты. Рамсей был кумиром молодых офицеров, и когда ему понадобилось сформи-

ровать свой штаб для работы на Мидуэе, недостатка в добровольцах не было.

В ту же ночь капитан 1 ранга Симард собрал совещание командиров летающих лодок, кратко сообщив им, зачем их перебросили на атолл. Затем выступил Логан Рамсей, введя летчиков в курс обстановки по последним данным разведки. Удар по Алеутам будет нанесен 3 июня, транспорты с десантом подойдут с юго-запада, авианосцы нанесут удар по атоллу с северо-запада, вероятно, 4 июня. Затем Рамсей объяснил пилотам их задачу. Сейчас нельзя, как обычно, день патрулировать, а два — отдыхать. Начиная с завтрашнего дня, они должны будут ежедневно вести поиск на удалении до семисот миль от атолла.

На следующее утро, 30 мая, с первыми же лучами солнца двадцать две летающие лодки вышли в воздух. Это были гидросамолеты нового амфибийного типа, выглядевшие громоздкими и медлительными. Совершив круг над базой, они легли на заданные курсы, которые, как спицы, вели к огромной дуге, охватывающей все пространство юго-западнее и северо-западнее атолла. Начался поиск противника на большом удалении от Мидуэя.

Около полудня одна летающая лодка вернулась на Истерн-Айленд, идя на вынужденную посадку на одном моторе. Затем вернулась еще одна подбитая «Каталина». Оказалось, что японцы также вели воздушное патрулирование. Проводя поиск в юго-западном направлении, летающие лодки едва не стали добычей японских истребителей, вылетевших с острова Уэйк. Обе «Каталины»

были изрешечены пулеметными очередями, а на одной из них был тяжело ранен в спину стрелок-радист. После полудня с Гавайских островов прибыло еще восемь самолетов ВВС, а 31 мая — девять других. На этот раз это были тяжелые четырехмоторные «летающие крепости» В-17. Они и до этого совершали челночные полеты между Гавайями и Мидузем, но теперь пятнадцать машин были переданы в распоряжение командования атолла. Эскадрильей стратегических бомбардировщиков командовал полковник Уолтер Суини. «Летающие крепости» были втянуты в капониры, а их экипажи расположились неподалеку в палатках. Хотя удобств в палатках было мало, это не помешало лейтенанту Эвету Висману крепко заснуть, переодевшись, как обычно, в шелковую пижаму. Летчики стратегической авиации всегда имели особый вкус ко сну.

Другим радостным событием было прибытие 31 мая парохода «Найра Лейкбич», доставившего последнее снаряжение и три тысячи бочек высокооктанового бензина, чтобы заменить топливо, сгоревшее во время взрыва цистерн на Мидуэе. Однако, было воскресенье, и никто не мог дополнительно оплатить команде торгового судна работы по разгрузке. До понедельника матросы отказывались приступить к работе без дополнительной оплаты. Тогда на пароход прибыл капитан 1 ранга Симард и разъяснил матросам, что японцы идут к Мидуэю, а их судно не уйдет отсюда, пока не будет разгружено. Если же база подвергнется нападению, им придется плохо с таким количеством взрывоопасных грузов на борту. Доводы оказались убе-

дательными, команда приступила к работе, и на следующее утро, в 7.40, пароход покинул Мидуэй.

Командование атолла продолжало планировать возможные варианты упреждающего удара по врагу, держа по подводному кабелю связь со штабом Нимица. Трудно переоценить значение прямой кабельной связи с Перл-Харбором. Ее наличие обеспечивало быструю и безопасную связь с командующим без помощи радио. Не было риска возможного перехвата сообщений противником, не нужно было использовать шифры и терять время на расшифровку длинных сообщений. Именно поэтому служба радиоперехвата в Токио ничего не знала о том, что происходит на Мидуэе. Кабельная линия, ведущая в Перл-Харбор, была частью старой транстихоокеанской кабельной системы, и основное значение Мидуэя до войны заключалось в наличии на нем подстанции кабельной связи. Сейчас линия, ведущая на остров Гуам, хотя и была исправна, но, по понятным причинам, бездействовала. Иногда кто-нибудь из операторов на Мидуэе связывался с Гуамом, посылая туда набор нецензурных выражений. Обычно после паузы назад летели резкие звуки сердитой тарабарщины.

1 июня офицер штаба Логана Рамсея, младший лейтенант Джордж Фрезер, столкнулся с новой проблемой. Пришло сообщение о том, что для усиления обороны атолла на Мидуэй перебрасываются великолепные новые самолеты-торпедоносцы типа «Авенджер». Шесть этих самолетов должны были прилететь сегодня, но никто не умел их опознавать, поскольку никогда не видел, и зенитка

могли открыть по ним огонь. Как выглядят «Авенджеры»? В справочники их еще не успели поместить. Лучшее, что мог сделать Фрезер, это сравнить новые самолеты с давно известными истребителями «Буффало». Он объяснил, что новые торпедоносцы выглядят, как беременные «Буффало». Зенитчики усвоили эти слова, и, когда в небе появилась шестерка «Авенджеров», никаких инцидентов не произошло.

Эти торпедоносцы проделали долгий путь, прежде чем появиться на Мидуэе. Их пилоты, входившие в состав 8-й торпедоносной эскадрильи авианосца «Хорнет», были откомандированы в Норфолк для получения новых машин. Пока они осваивались с «Авенджерами», 8 мая пришел приказ, отзывающий их обратно в Перл-Харбор. Девятнадцать машин вылетели из Норфолка на Западное побережье, прибыв в Перл-Харбор 29 мая, через день после того, как «Хорнет» уже покинул базу. После этого шести «Авенджерам» было приказано лететь на Мидуэй, и 1 июня шестерка торпедоносцев под командованием лейтенанта Лендока Файберлинга вылетела по назначению. Молодые пилоты «Авенджеров» еще ни разу не были в бою, а один из них, младший лейтенант А. Эрнест, никогда не поднимался в воздух с торпедой. Лейтенант Файберлинг доложил о прибытии своего отряда командиру авиагруппы морской пехоты на Мидуэе подполковнику Кайму. Файберлинг вернулся к своим пилотам с кучей самых мрачных новостей, главной из которых была следующая: нечего рассчитывать на помощь авианосцев — все

они предназначены для обороны Гавайских островов.

На следующее утро, в 9.40, японский патрульный самолет с острова Уэйк напал на летающую лодку младшего лейтенанта Лайона, а менее чем через час этот же самолет изрешетил «Каталину» младшего лейтенанта Эмпрея в другом секторе поиска. Обе лодки благополучно улизнули и доложили о нападении на обычном ночном совещании в подземном КП флота. Однако, штаб в данный момент более всего беспокоила погода. Низкой фронт облачности и туман, спускаясь с северо-запада, закрывали океан. Под непроницаемым покровом тумана легко можно было просмотреть любую ловушку.

* * *

Адмирал Нагумо стоял на мостике авианосца «Акаги» и молча вглядывался в надвигающуюся мглу. Она становилась все плотнее, превращаясь в густой туман, и к концу дня 1 июня видимость практически упала до нуля. Туман служил отличным прикрытием от патрульных самолетов противника, но зато дьявольски затруднял кораблевождение. Стоя слева от адмирала, командир авианосца капитан 1 ранга Тайдзиро Аоки совещался со своим старшим штурманом капитаном 2 ранга Гичиро Миура. Время от времени Миура наклонялся через поручни мостика, как будто эти выигранные у тумана несколько дюймов могли что-нибудь дать.

По плану в этот день предстояло повернуть на юго-восток для окончательного броска к Мидуэю. В этот момент соединение шло в строю одной кильватерной колонны, сохраняя строй лишь с помощью маркированных буев, которыми идущий

впереди корабль сообщал следующему направлению своего движения. Но такой способ был слишком рискованным: когда требовалось резко изменить курс, отдельные корабли легко могли отстать от общего строя. Предстоял трудный выбор: замедлить ход в надежде на то, что к моменту перемены курса погода улучшится, или же, нарушив радиомолчание, сообщить курс по радио. Однако, замедление хода могло нарушить весь график операции, а отказ от радиомолчания мог выдать противнику их местонахождение и тем самым сорвать ловушку, в которую они предполагали поймать американский флот. В итоге оперативный офицер штаба капитан 1 ранга Оичи убедил всех воспользоваться маломощной внутриэскадренной радиосвязью и надеяться на лучшее. «Они не могут позволить себе, доказывал Оичи, ломать график: операции — действия других соединений зависят от этого, а ловушка от этого не пострадает. Американский флот все еще находится в Перл-Харборе, в нескольких днях хода от Мидуэя. Поэтому короткий радиосигнал, даже если его и перехватят, не причинит большого вреда. Нагумо согласился, и в 1.30 был передан наикратчайший из всех возможных сигналов: «Курс 125 50 0».

На двадцати шести кораблях переложили рули, машины затихли на мгновение, а затем заработали вновь — ударное соединение взяло курс на юго-восток — прямо к Мидуэю.

А на авианосцах все шло по распорядку корабельной жизни. Летчики отдыхали. На «Сорю» экипажи самолетов играли в «ханафуду» по сига-

рете за сто очков. На «Кага» капитан 2 ранга Т. Кахиса Амагаи проводил занятия по противовоздушной обороне. На «Хирю» валялись на койках и рассказывали анекдоты, а в кают-компании «Акаги» непрерывно гоняли на граммофоне заезженную пластинку с бодрой песенкой «Кераеко Сейца».

* * *

А между тем, северо-восточнее Мидуэя, разрезая пустынные воды океана, шли корабли 16-го оперативного соединения, построенные вокруг авианосцев «Энтерпрайз» и «Хорнет». Соединение находилось в море уже шесть дней, и жизнь протекала по унылому однообразию корабельного распорядка. По кубрикам и каютам гремели пластинки Гленна Миллера, Томи Дорси и Мари Мартин. Свободные от вахт резались в бридж и рамми, валялись на койках и рундуках, болтали и рассказывали анекдоты. На службе также все шло по заведенному распорядку. В вахтенном журнале «Энтерпрайза» записи от 2 июня вполне обычные: «3.14 (время корабельное): Вызвали наверх личный состав авиадивизиона... 3.25: первый завтрак... 3.50: авианосец готов к летным операциям... 5.00: взлет боевого воздушного патруля...»

С утомительным постоянством взлетали и садились самолеты боевого воздушного патруля, менялись вахты — и так до обычного конца — салюта уходящему дню...

В адмиральском салоне «Энтерпрайза» контр-адмирал Спрюэнс объяснял командирам эскадрильи их задачи на фоне вероятных действий противника. Командир 6-й эскадрильи бомбардировщиков

лейтенант Ричард Бест, слушая адмирала, не мог отделаться от мысли, что вся эта невероятно точная информация является ошибочной. В конце концов он не выдержал и спросил Спрюэнса, не может ли так случиться, что японцы, обойдя Мидуэй, нанесут удар прямо по Гавайским островам? У Беста были свои причины беспокоиться об этом — на Гавайях находились его жена и ребенок.

Адмирал взглянул на Беста, немного помолчал, а затем сказал: «Мы все-таки будем надеяться, что они этого не сделают».

Заметное колебание адмирала перед ответом не укрылось от Беста, и он стал беспокоиться еще сильнее, считая, что Спрюэнс планирует свои действия, не опираясь на факты, а надеясь больше на милость Провидения. В действительности же, Спрюэнс менее всего любил полагаться на «милость Провидения» и никогда не делал ни одного шага, не взвесив все возможные последствия. Его заминка перед ответом Бесту и сам ответ, полный неопределенности, были вызваны тем, что лейтенант Бест был летчиком, а следовательно, имел все шансы попасть в руки противника. И никто не мог поручиться за то, что этого не произойдет. Поэтому адмирал никак не мог ответить Бесту иначе. Но Дик Бест был далеко не единственным человеком на «Энтерпрайзе», кого беспокоило поведение нового адмирала. Штаб соединения после ухода Билли Холси с огромным трудом приспособился к Спрюэнсу.

Спрюэнс являл собой полную противоположность адмиралу Холси. Холси был очень общительным человеком, Спрюэнс, напротив, — очень

замкнутым. Холси обращал мало внимания на детали, Спруэнс, наоборот, вникал во все и мог часами сидеть над картами, проверяя флагманскую прокладку. Холси давал своим подчиненным большую свободу действий, Спруэнс — нет. Холси был блестящим импровизатором, Спруэнс — сухим педантом. Изменения коснулись даже утреннего кофе. В былые времена Холси пил кофе вместе со своим штабом в адмиральском салоне. Спруэнс, будучи тонким знатоком кофе, доставил на авианосец собственный зеленый соевый кофе и ручную кофемолку. Каждое утро он сам молот его — ровно на две чашки — и вежливо приглашал какого-нибудь офицера из своего штаба к себе в каюту попить кофе вместе с ним. Штабные офицеры как могли уклонялись от этой чести, и не потому, что так уж не любили Спруэнса, а потому, что терпеть не могли соевый кофе. Однако, в этом маленьком ритуале за чашкой кофе был более глубокий смысл, чем казалось на первый взгляд. Спруэнс, не имея опыта руководства авианосными соединениями, пытался проводить с пользой каждую минуту, а у него оставалась только неделя, чтобы встретиться лицом к лицу с такими выдающимися мастерами, как адмиралы Ямамото и Нагумо. Поэтому он и пытался за столь короткое время впитать в себя все знания своего более опытного штаба, используя для этого любую возможность, в том числе и утренний кофе. Великолепный ходок, Спруэнс брал «на короткий поводок» одного за другим своих штабных и гулял с ними по полетной палубе, интересуясь всеми вопросами, пытаясь узнать

все, — а у него была удивительная способность впитывать в себя знания. Подобные прогулки продолжались в любую погоду.

1 июня выдался скверный день: сырость и туман. Полеты отменили, артиллерийские учения также, только неутомимый адмирал со своей очередной жертвой продолжал ходить взад-вперед по пустой и мокрой полетной палубе. 16-е оперативное соединение находилось теперь в трехстах сорока пяти милях северо-восточнее Мидуэя, топчась на месте, ожидая адмирала Флетчера на «Йорктауне».

2 июня погода испортилась еще сильнее: тучи закрыли небо, пошел дождь. Утром с южного направления неожиданно появились два самолета с «Йорктауна». Пройдя низко над «Энтерпрайзом», они сбросили выпел с сообщением от Флетчера, назначавшего randevу в 15.30. В 12.08 на «Энтерпрайзе» замигал прожектор, и 16-е оперативное соединение легло на обратный курс. Около 16.00 в точке 32 50 0 04' с.ш. и 172 50 0 45' з.д. на горизонте были замечены мачты — Спрюзнс и Флетчер соединились в «Пункте Удачи».

Путь 17-го оперативного соединения к «Пункту Удачи» прошел гладко, если не считать одного трагического эпизода. Когда в первый день пребывания в море «Йорктаун» принимал свою авиагруппу, один истребитель, сорвавшись с аэрофинишера, проскочил тормозной барьер и врезался в стоящий впереди самолет. Был убит заместитель командира 3-й эскадрильи истребителей лейтенант Дональд Лойвелес.

Потрясенные летчики-истребители вскоре

собрались в помещении для инструктажа. Гибель Лойвелеса ошеломила всех, но никто не переживал этого сильнее, чем сам командир эскадрильи капитан 3-го ранга Тэч. Он и Лойвелес были друзьями еще с первого курса Аннаполиса. Тем не менее Тэч, собрав своих пилотов, спокойно ввел их в курс обстановки и разъяснил, что он ожидает от каждого из них. «Чтобы спасти авианосец, — подчеркнул комэск, — самолет врага должен быть остановлен любыми средствами, вплоть до тарана».

Такие же короткие собрания произошли и в других эскадрильях. После этого к экипажу по боевой трансляции обратился командир авианосца капитан 1 ранга Букмастер. Он сказал, что понимает, какой ремонт кораблю можно сделать за три дня, но, тем не менее, идущий в бой «Йорктаун» станет очень хорошим сюрпризом для японцев. Сославшись на Нимица, командир также пообещал всем после окончания этой «маленькой драки» отпуск в Соединенные Штаты. Обращение командира было встречено радостными криками, но двое матросов не разделяли общего веселья. Матросы Джон Херчи и Билл Нортон знали, что на авианосце в качестве наблюдателя находится офицер английского флота, а это, по их мнению, было дурным предзнаменованием. Они, как и многие бывалые моряки, были суеверными. «Уже из-за одного этого мы не вернемся назад», — мрачно предсказали они своему другу матросу Луису Ремли.

Идя на север вслед за 16-м оперативным соединением, «Йорктаун» и его эскорт 31 мая вошли в зону плохой погоды, 1 июня заправились топливом

с танкеров и вот наконец были готовы начать большую игру — оба оперативных соединения встретились в «Пункте Удачи».

Как старший офицер адмирал Флетчер принял командование обоими соединениями, и они стали, затаив дыхание, ждать, ночью подходя ближе к Мидуэю, а днем удаляясь от него. Оперативные соединения шли отдельно, в десяти милях друг от друга, но в пределах визуальной видимости. Их общие силы были не слишком велики, но это было все, что осталось у Соединенных Штатов на Тихом океане: три авианосца, восемь крейсеров и четырнадцать эсминцев. В общей сложности — двадцать пять боевых кораблей.

* * *

В пятистах милях позади них, в месте, где только вчера прошло соединение адмирала Флетчера, капитан 3 ранга Тамори Есимацу умело маневрировал своей подводной лодкой «J-166». Он опоздал, они все опоздали, но это не имело значения. К завтрашнему дню, 3 июня, семь подводных лодок 5-й эскадры займут свои позиции поперек линии Гавайи-Мидуэй. У них еще будет время, чтобы обнаружить и донести об американском флоте, который выйдет из Перл-Харбора навстречу своей гибели.

«Не представляется возможным, чтобы противник имел поблизости сколько-нибудь мощное соединение с авианосцами в качестве ядра», — оценивала обстановку разведслужба Нагумо, когда 1-е ударное соединение продолжало продвигаться прямо к Мидуэю. Адмирал Нагумо был

спокоен. И хотя они не знали ни о завесе подводных лодок, ни об операции «К», не знали вообще ни о чем, они уверенно шли вперед. Пока все шло по плану.

На мостике «Акаги» адмирал Кусака с удовлетворением смотрел на своего командующего. Адмирал Нагумо выглядел куда лучше, чем во время рейда на Перл-Харбор. Тогда командующий соединением очень нервничал и был сильно подавлен. Теперь же он снова стал самим собой — живым воплощением самурайского духа.

Корабли продвигались вперед, и даже погода обещала улучшиться. Поздно вечером 2 июня туман начал подниматься, и сквозь разрывы облаков засияла случайная звезда.

* * *

А между тем, на Мидузе прилагали все усилия, чтобы первыми обнаружить противника. «Нанести удар прежде, чем его нанесут нам», — рекомендовал план Нимица, и двадцать две летающих лодки продолжали свою ежедневную работу. Они вели патрулирование в узких секторах, не превышающих пятнадцать градусов, на удалении семьсот миль, находясь в воздухе по пятнадцать часов в день. Экипажи успевали перекусить, затем — короткий инструктаж, несколько часов сна — и все начиналось сначала. Каждая летающая лодка 44-й и 23-й патрульных эскадрилий налетала по восемьдесят часов за шесть дней, а тяжелые бомбардировщики полковника Суини — по тридцать часов за два дня, пытаясь обнаружить хоть какие-нибудь признаки противника в районе, указанном Нимицем.

После окончания полетов пилоты помогали обслуживать свои машины, заправляя их вручную из 55-галонной цистерны. Все летчики устали, смертельно устали, но продолжали поиск. 2 июня особенно разочаровало всех. Если разведанные были верны, японцы должны были уже появиться в пределах радиуса действия патрульной авиации, однако, как и прежде, ничто не говорило об их присутствии. На северо-западе над океаном все еще висела завеса тумана, и обнаружить что-либо за пределами радиуса в четыреста миль не было никакой возможности. На западе было чисто, но, несмотря на данные командующего флотом, и в этом районе ничего обнаружено не было. Специально оборудованные бомбардировщики Б-17 удалялись и на восемьсот миль от Мидуэя, но безуспешно: флота противника все еще не было в поле зрения.

Среда 3 июня для экипажей летающих лодок началась, как обычно. Подъем в три часа ночи... кусок поджаренного хлеба и глоток кофе без особого аппетита... путь к самолетам на джипах и грузовиках в унылых предрассветных сумерках. В 3.50 моторы уже ревели, в слабом свете наступающего дня выхлопные газы казались голубыми. В 4.15 летающие лодки с ревом поднялись в воздух, ложась на заданные курсы. Через пятьдесят минут за ними последовали бомбардировщики.

Уже рассветало, а японцы наверняка желали бы поймать эти машины на земле в случае удачи внезапного нападения. Самолеты, оставшиеся на Мидуэе, находились в полной готовности к вылету: моторы работали, летчики и стрелки были на

своих местах. Такая готовность сохранялась до выяснения обстановки дня. Если после обследования 400-мильной зоны летающие лодки ничего не обнаруживали, Мидуэй был в относительной безопасности, по крайней мере, до следующего рассвета.

В это утро, как обычно, ничего в пределах 400-мильной зоны обнаружено не было. Но на удалении четыреста семьдесят миль лейтенант Лейл, который вел поиск на юго-западе, заметил два небольших сторожевика, направляющихся к Мидуэю. Он занялся детальным осмотром и получил зенитный залп за свои труды. В 9.04 Лейл передал первое сообщение о контакте с кораблями противника.

Дальше к западу младший лейтенант Джек Ред вел другую летающую лодку над пустынными просторами океана. Он вылетел раньше остальных и теперь находился в семистах милях от базы, недалеко от точки обратного поворота на Мидуэй. До сих пор он не заметил ничего достойного внимания. Летающая лодка управлялась автопилотом, а Ред наблюдал море в бинокль. Ничего — только проносились редкие облака, и легкий туман висел над океаном, не мешая, однако, наблюдению. Время приближалось к 9.20. Пора было возвращаться домой. Вдруг, снова взглянув в бинокль, Ред впился глазами в даль. Милях в тридцати прямо перед собой он обнаружил вдоль линии горизонта темные объекты. Корабли, множество кораблей, шли прямо на него. Передав бинокль второму пилоту, младшему лейтенанту Хардеману, Ред спокойно спросил:

— Ты видишь то, что вижу я?

Хардеману было достаточно одного взгляда:
— Вижу, ты чертовски прав!

Капитан 2 ранга Ясуми Таяма, находившийся на мостике легкого крейсера «Дзинцу», флагманском корабле транспортного конвоя, оторвал взгляд от своих карт. Эскадренный миноносец, шедший по левому борту, поднял сигнал на мачте, затем дал выстрел дымовым снарядом. Таяма выскочил на крыло мостика. Спрашивать, что случилось, не было нужды. Далеко и низко над горизонтом парила летающая лодка.

ГЛАВА 4

«МНОГО САМОЛЕТОВ ИДЕТ К МИДУЭЮ»

Ему казалось, что перед ним весь японский флот. После стольких дней зловещих предчувствий и неизвестности обнаруженные им двадцать семь кораблей и судов транспортов группы выглядели внушительнее, чем были на самом деле. В 9.25 младший лейтенант Ред передал сообщение из двух слов: «Главные силы».

«Усигьте наблюдение», — радировал Мидуэй в ответ, и на протяжении следующих двух часов Ред играл с противником в прятки, то скрываясь в облаках, то внезапно появляясь из них. На Мидуэй одно за другим шли новые донесения.

В 9.27 Ред радировал: «Пеленг 262, дистанция 700». В 10.40 — «Шесть крупных кораблей, следу-

ющих кильватерной колонной». В 11.00 — «Одиннадцать кораблей, курс 090, скорость 19». Работа была, пожалуй, сделана, и база по радио приказала Реду возвращаться домой.

На Мидуэе полковник Суини с нетерпением ожидал приказа на вылет своих тяжелых бомбардировщиков, но капитана 1 ранга Симарда очень беспокоил вопрос, что именно удалось обнаружить младшему лейтенанту Реду. Были ли там авианосцы противника? В приказе Нимица прежде всего обращалось внимание на японские авианосцы. О них с тех пор никто ничего не сообщал, а, по утверждению разведки, авианосцы не должны были появиться ранее завтрашнего дня, и непременно — с севера-запада. Может быть, задержать вылет тяжелых бомбардировщиков до полного выяснения обстановки? Тогда можно было бы играть наверняка. Но, с другой стороны, Ред доложил об обнаружении «главных сил». Было бы очень хорошо, если бы среди замеченных им кораблей оказались авианосцы. Это был тот самый единственный шанс, которого так ждали на Мидуэе. «Нанести удар прежде, чем его нанесут нам!» — это оставалось главной задачей.

Но даже если и разрешить вылет тяжелых бомбардировщиков Б-17, то куда их направить? Теперь донесение о контакте с четырьмя другими группами противника на юго-западе поступили еще от трех летающих лодок. Однако, сообщения были отрывочными: нелегко пересчитать корабли, когда они ведут по тебе огонь. Действительно ли младший лейтенант Ред обнаружил крупную группу

кораблей противника? Лучше было подождать немного и окончательно выяснить обстановку. Донесение Реда в 11.00 решило дело. Было ясно, что он видел, по меньшей мере, одиннадцать кораблей, а никто другой не сообщал о таком большом сосредоточении кораблей противника. Кроме того, большинство других кораблей следовали курсом, который заставлял предполагать об их намерении сблизиться с основной группой. Еще не было сообщений об авианосцах, но, даже если бы их и не было там, Суини все равно должен был лететь, вернуться и быть готовым лететь завтра, когда разведка обещала появление авианосцев.

В 12.30 стратегические бомбардировщики полковника Суини начали взлет. Один за другим, девять коричнево-зеленых Б-17 с громом покинули аэродром Истерн-Айленда и устремились в голубое тихоокеанское небо. Ведомые флагманским бомбардировщиком полковника Суини «Накхид», они, ревя моторами, шли широким фронтом. Каждая машина несла только половину своей бомбовой нагрузки — четыре 600-фунтовые бомбы. Для увеличения радиуса действия бомбардировщиков в бомболюках были поставлены дополнительные баки с горючим. Им предстояло пройти шестьсот миль, чтобы сбросить на противника около одиннадцати тонн бомб. Этот полет был первым боевым крещением для молодых пилотов, среди которых только полковник Суини был профессиональным и потомственным военным — сыном генерала и выпускником Вест-Пойнта. Остальные были резервистами, призванными после начала

войны. Сидящий справа от полковника второй пилот Эвett Висман всего полгода назад был шофером грузовика, а штурман Билл Адамс — лесорубом.

Полет продолжался уже три с половиной часа, когда на расстоянии пятьсот семьдесят миль от базы, почти в том месте, о котором сообщали летающие лодки, Суини заметил пенящиеся белые буруны — кильватерные следы японских кораблей. Пилот одного из бомбардировщиков лейтенант Эдвард Стидмен насчитал двадцать шесть кораблей, что, действительно, было очень точно. Часы на приборной доске полковника Суини показывали время выхода на цель — 16.23.

Суини изменил курс, описав круг над японскими кораблями, чтобы зайти в атаку со стороны солнца. Белые следы кораблей внизу оставались неподвижными и прямыми — видимо, японцы еще не подозревали об их присутствии. Тяжелые бомбардировщики приближались тремя тройками на трех разных высотах — восемь, десять и двенадцать тысяч футов. Развернув бомбардировщики, полковник Суини передал по радио: «Я иду на восьми тысячах футах, следуйте за мной». Голос полковника в наушниках заставил вздрогнуть лейтенанта Висмана. Оставалось только надеяться, что японцы не услышали команды полковника и внезапность атаки не будет сорвана.

* * *

На мостике легкого крейсера «Дзинцу» капитан 2 ранга Таяма внимательно следил за небом в бинокль. На японских кораблях не было радаров, и острые глаза сигнальщиков оставались един-

ственной гарантией от возможных сюрпризов. Атака была очень вероятна, особенно после того, как на горизонте так долго маячила летающая лодка. Но это было семь часов назад, и с тех пор все еще ничего не случилось. Транспортная группа продолжала двигаться к Мидуэю, перестроившись в две кильватерные колонны.

Внезапно капитан 2 ранга Таяма увидел в бинокль девять летящих прямо на них самолетов. Не успел отзвучать сигнал тревоги, как бомбы начали падать на корабли. Лейтенант Яуноки, артиллерийский офицер одного из эсминцев, не успел даже дать сигнала тревоги. Он узнал о присутствии самолетов противника, когда бомба с грохотом разорвалась вблизи корабля. На транспорте «Аргентина-Мару» была более бдительны. Прозвучал сигнал тревоги, ход увеличили до двадцати узлов и в 4.38 открыли огонь, а спустя минуту бомба оглушительно рванула в двухстах ярдах от борта. Конвой, нарушив строй, отчаянно извивался, уклоняясь от бомб, дым клубами валил из труб, разрывы зенитных снарядов пятнами покрыли небо. Однако, прежде, чем зенитный огонь кораблей достиг полной силы, американские бомбардировщики исчезли в туманной дымке на северо-востоке.

Японские транспорты продолжали движение, не получив ни одного попадания. Лишь одному транспорту были причинены незначительные повреждения осколками близко упавшей бомбы.

* * *

Уверенные, что им удалось нанести японцам тяжелые повреждения, пилоты полковника Суини

вели свои бомбардировщики обратно на базу. Это оказалось далеко не простым делом. Надвигалась ночь, а никто из них не умел летать строем в темноте. Кроме того, армейским пилотам было тяжело ориентироваться над океаном, чтобы найти маленькую точку Мидуэй. В 19.30 на Истерн-Айленде зажгли посадочные огни, прошли часы беспокойного ожидания, но никаких признаков возвращения самолетов не было. Наконец на базе с радостью услышали отдаленный гул моторов. Было уже 21.45, когда последний из Б-17 совершил посадку.

Пока тяжелые бомбардировщики полковника Суини совершали посадку, в атаку на японские транспорта шли вооруженные торпедами летающие лодки. Переброшенные утром из Перл-Харбора, они вылетели с Мидуэя в 21.30 под общим командованием старшего офицера 44-й патрульной эскадрильи лейтенанта Ричардса. Четыре лодки под командованием лейтенантов Хибберда, Пропста, Девиса и Бойдека взлетели одна за другой. Пятая — младшего лейтенанта Ротенбурга — задержалась на старте и несколько отстала от остальных. От подвешенных под правую плоскость торпед центровка машин нарушилась, они вибрировали и дрожали. Взяв курс на юго-запад, «Каталины» летели широким фронтом на высоте три тысячи футов. Стояла прекрасная лунная ночь. Летающие лодки шли через редкие облака, следя за белым огнем на фюзеляже ведущего самолета. Младший лейтенант Ротенбург плелся где-то далеко позади, потеряв все шансы соединиться с группой.

В 1.20 ночи оператор РЛС ведущей машины

лейтенанта Хибберда доложил об обнаружении цели. Впереди, купаясь в лунном свете, прямо на них шли две кильватерные колонны затемненных кораблей противника. Идя в кольцо эскадренных миноносцев охранения, они не подозревали о надвигающейся опасности. Пренебрегая противолодочным зигзагом, японцы шли прямым курсом — кратчайшей дорогой к Мидуэю.

Лейтенант Ричардс описал круг, повторенный другими, бдительно следившими за ведущим, и «Каталины» начали заход с левого борта на северную колонну кораблей противника, чьи силуэты были теперь ясно видны — черные бусинки, нанизанные на серебряную нить лунной дорожки. «Там может быть авианосец», — предупредил на инструктаже Логан Рамсей, и пилоты выбрали похожий на авианосец длинный и низкий корабль, замыкающий строй японской колонны.

Атака началась. Первый заход лейтенанта Хибберда. Он вел машину, держа одну руку на сбрасывателе торпеды. Остальные члены экипажа летающей лодки следили через иллюминаторы и блистеры за кораблями противника. Они неслись уже в ста футах над водой, и не было никаких признаков, говорящих о том, что японцы их заметили.

С дистанции тысяча ярдов Хибберд уже ясно видел, что выбранная им цель совсем не авианосец, а обычное торговое судно. Но изменять что-либо было поздно. Летающая лодка шла теперь в пятидесяти футах над поверхностью океана. В восьмистах ярдах от цели Хибберд наконец сбросил торпеду, после чего резко рванул штурвал на

себя. «Каталина» взмыла вверх, и в этот же момент японцы открыли яростный зенитный огонь. Однако, экипажу лодки удалось услышать оглушительный грохот взрыва и заметить через нижний люк ослепительно яркую вспышку попавшей в цель торпеды. Было ясно, что достигнуто попадание, и лейтенант Хибберд повел «Каталину» в точку сбора для возвращения домой.

Следующей шла «Каталина» лейтенанта Девиса. Сначала он неправильно выбрал позицию, и пришлось делать второй заход. Развернувшись над японским конвоем, Девис направил самолет на задний корабль северной колонны. Летающая лодка неслась на предельной скорости в каких-нибудь пятидесяти футах от поверхности воды, но враг не открывал огня. Однако, было ясно, что японцы заметили Девиса. Корабль увеличил ход и резко изменил курс. С дистанции всего двести ярдов Девис сбросил торпеду и тут же крутым правым виражом стал выводить «Каталину» из атаки.

В этот момент японцы открыли огонь. В блеске зенитного огня Девис заметил большой столб воды, поднявшийся под кормой атакованного судна. Ведя наблюдение в нижний люк, стрелок Тед Киммель увидел внизу, в свете зенитных разрывов, лес мачт, труб и вентиляторов. Разноцветные трассы зенитных очередей перечертили небо. Шрапнель и снаряды автоматических пушек рвались около летающей лодки. Один осколок, пробив колпак штурманской кабины, вдребезги разбил защитные очки штурмана лейтенанта Фостера, но даже не поцарапал его самого. В итоге «Каталина»

Девиса, получив пятьдесят восемь пробоин, благополучно вышла из боя.

Теперь настала очередь младшего лейтенанта Пропста. Он отбился от строя и с трудом самостоятельно обнаружил японцев. Снизившись, он, подобно всем остальным, зашел в атаку со стороны луны, идя низко над водой. В какой-то момент он чуть не врезался в один из кораблей охранения, проскользнул над самыми мачтами и сбросил торпеду с дистанции восемьсот ярдов. Стремясь уйти от вставшей перед ним стены заградительного огня, Пропст бешено рванул машину влево. Внизу, в огне зениток, открылся весь конвой противника. Рассмотреть результаты атаки не удалось, и он повернул домой. Последняя лодка младшего лейтенанта Ротенбурга не смогла обнаружить противника и вернулась домой, не выполнив задания.

* * *

На транспорте «Аргентина-Мару» капитан 2 ранга Ионаи совершенно не ожидал ночной атаки. И конечно можно представить его удивление, когда летающие лодки противника напали на них, появившись неизвестно откуда. На крейсере «Дзинцу» точно так же был удивлен капитан 2 ранга Таяма. После изнурительного дня он решил немного отдохнуть прямо в ходовой рубке, наконец-то он нашел время, чтобы проглотить шарик сладкого риса, когда с идущего рядом эсминца загремели выстрелы, предупреждающие об опасности. Бросив еду, Таяма выскочил на крыло мостика. Он успел заметить большие черные самолеты, скользящие над самой поверхностью воды. Один... еще

один. Все корабли открыли яростный зенитный огонь, но противник исчез так же внезапно, как и появился. К счастью, повреждения были незначительны. Танкер «Акебоно-Мару», идущий последним в северной колонне, получил попадание торпеды в нос, потеряв тринадцать человек убитыми и одиннадцать ранеными. Снарядами собственных зениток было убито несколько человек на транспорте «Киодзуми-Мару». И это было все. Адмирал Танака запросил «Акебоно-Мару», сможет ли он продолжать движение. С танкера ответили, что могут держать ход двенадцать-четырнадцать узлов, что было больше чем достаточно для движения в составе конвоя. Практически неповрежденный конвой продолжал продвигаться к Мидуэю.

Обо всем было сообщено по радио на «Ямато», где штаб адмирала Ямамото был ошеломлен полученными сведениями. Сначала атака тяжелых бомбардировщиков, теперь торпедная атака с летающих лодок. Никто не ожидал от американцев такой прыти. Действительно, капитан 1 ранга Куросима надеялся, что противник не обнаружит конвой прежде, чем 4 июня Нагумо не нанесет удар по Мидуэю.

Еще многое должно было случиться, но многое уже произошло. Гигантская операция начала разворачиваться во всем масштабе. 31 мая японские сверхмалые подводные лодки совершили диверсионный рейд на Диего-Суарес (Мадагаскар), 1 июня другие подводные лодки атаковали гавань Сиднея, а сегодня, 3 июня, соединение адмирала Хосогая должно было нанести удар по Алеутским островам.

Вскоре после завтрака адмирал Ямамото

получил радостное известие — самолеты с авианосца «Рюдзе» атаковали Датч-Харбор. В соответствии с планом, адмирал Ямамото отправил значительную часть главных сил для поддержки операции против Алеутских островов. Вице-адмирал Сиро Такасу со своим флагманским линкором «Хьюга», тремя другими линейными кораблями, двумя легкими крейсерами и дивизионом эсминцев направился на север. Его «Алеутское соединение прикрытия» должно было находиться на полпути между силами адмирала Хосогая и соединением самого Ямамото, готовое ринуться в любом направлении, в зависимости от ответных действий американского флота. Сам Ямамото продолжал двигаться на восток с оставшейся частью главных сил, находясь в пятистах милях позади авианосцев Нагумо.

В этот момент авианосцы Нагумо находились примерно в семистах милях от Мидуэя, готовясь к заключительному броску. В 16.07 пять танкеров капитана 1 ранга Ота отвернули на юг. Освободившись от танкеров, Нагумо решил увеличить ход. Это было очень рискованным решением, ибо оно приводило соединение в дневное время в зону действия разведывательной авиации противника. Но адмирал предполагал завтра на рассвете начать атаку. В машинных отделениях авианосцев зазвенели телеграфы, и 1-е ударное соединение устремилось вперед со скоростью двадцать четыре узла. По небу еще проносились облака, но погода постоянно улучшалась, и в 19.30 адмирал Кусака, стоя на мостике, проводил глазами последние тучи великолепного тихоокеанского заката.

Неожиданно гром артиллерийского огня разорвал тишину вечерних сумерек. Идущий в охране тяжелый крейсер «Тонэ» внезапно открыл огонь своими зенитными батареями. С палубы «Акаги» для выяснения обстановки стартовали три истребителя. Сотни глаз внимательное вглядывались в небо. В 19.40 с «Тонэ» передали прожектором, что они заметили десять самолетов противника, но затем потеряли их. Сорок минут спустя на «Акаги» после безрезультатного поиска вернулись истребители. У кого-то на «Тонэ» от напряжения просто сдали нервы.

К середине ночи ударное соединение находилось уже примерно в трехстах сорока милях от Мидуэя и в ста десяти милях от точки выпуска самолетов. Адмирал Нагумо был совершенно спокоен. У нерешительных американцев не было никаких причин для появления в этом районе. Позднее их, возможно, и удастся побудить к действиям. Разведка соединения представила командующему очень приятную сводку: «Несмотря на то, что у противника явно отсутствует желание воевать, его контрудар весьма вероятен, если наше вторжение на Мидуэй будет развиваться успешно».

* * *

На КП морской авиации на Мидуэе офицеры убеждали Логана Рамсея нанести еще один удар по соединению противника силами летающих лодок. Однако, сам Рамсей колебался. Сейчас уже стало ясно, что обнаруженные силы противника — всего-навсего транспортная группа.

А где же авианосцы противника? Ожидалось, что они нанесут удар не позднее воскресенья, но пока что соединение Нагумо скрывалось за завесой облаков и тумана где-то на северо-западе. Пока все оборачивалось так, как предсказывала разведка. Уже был нанесен удар по Датч-Харбору, силы вторжения подкрадывались с юго-запада. Теперь, согласно сценарию, утром по Мидуэю нанесут удар авианосцы адмирала Нагумо. Разведка сообщила, что японские авианосцы появятся с направления 320 50 0, и теперь озабоченная группа пилотов летающих лодок изучала сектора, в которых они должны были проводить разведку.

Когда лейтенант Говард Эди из 23-й патрульной эскадрильи, войдя в помещение для дежурных летчиков на Сэнд-Айленде, взглянул на грифельную доску, где были указаны направления патрулирования, то увидел, что ему досталось направление 315 50 0. Это означало, что он должен лететь по пеленгу 322,5 50 0, а возвращаться по пеленгу 307,5 50 0. Эди с волнением понял, что ему предстоит вести патрулирование на главном предполагаемом направлении.

После инструктажа пилоты 23-й эскадрильи провели интересный вечер. На Мидуэй по заданию адмирала Нимица прибыл знаменитый кинорежиссер Джон Форд, чтобы заснять на киноплёнку все, что произойдет на атолле. Теперь Форд полностью завладел вниманием пилотов, что было неплохой разрядкой для измученных людей, которые засиделись далеко за полночь, слушая рассказы Форда о волшебных чарах Голливуда.

На Мидуэе заканчивались последние работы по укреплению обороны. Минировались все сооружения базы, в штабах сортировали и жгли секретные документы. Вечером полковник Каймс собрал всех пилотов 22-й авиагруппы морской пехоты. «Итак, ребята, — сказал он и вдруг замешкался, вероятно, поняв, что многих из присутствующих он видит последний раз, и ограничился словами: «Желаю вам уцелеть и большой удачи». Летчики 221-й эскадрильи истребителей очень бы хотели надеяться на удачу. Но семи «Уайлдкетов» было ничтожно мало, а шестнадцати истребителей «Буффало» можно было и не считать, настолько они устарели. Командир эскадрильи майор Ред Паркс хорошо понимал, как велико будет преимущество противника. Когда майор вместе со своим заместителем капитаном Армстейдом закусывал на скорую руку в баре офицерской столовой на Истерн-Айленде, он выглядел удрученным и подавленным. Армстейд, желая взбодрить своего командира, высказался в том духе, что «завтра, в это же время для нас уже все будет позади». «Да, — задумчиво произнес Паркс, — позади для тех, кто уцелеет».

Такое же настроение царило и в 241-й эскадрилье пикирующих бомбардировщиков. Все понимал, что хорошо, если их дряхлые самолеты просто долетят до японцев.

Летчики, опоздавшие на авианосец «Хорнет», спешно учились опознавать корабли противника. Их настроение было более оптимистичным — новые торпедоносцы «Авенджер» все-таки давали какой-то шанс в предстоящем бою. Один из летчиков

торпедоносцев, младший лейтенант Берт Эрнест, идя по побережью Истерн-Айленда, нашел двухдолларовую банкноту. Спрятав банкноту в бумажник, молодой пилот решил, что это талисман, который позволит ему удачно пройти через все испытания ближайшего будущего.

В конце дня еще семь тяжелых бомбардировщиков Б-17 прибыли с Гавайских островов — последний привет от адмирала Нимица. В общей сложности теперь на базе имелось сто двадцать самолетов, одиннадцать сторожевых катеров, пять танков, восемь минометов, четырнадцать орудий береговой обороны, тридцать два зенитных орудия и три тысячи шестьсот тридцать два защитника. Для двух крошечных островков в середине Тихого океана: одного в милю длиной, другого — и того меньше, все это выглядело очень внушительно. Но сознание того, что им не приходится рассчитывать ни на какую помощь извне, угнетало. Лишь немногие догадывались, что это не так. Одним из этих немногих был адъютант Логана Рамсея младший лейтенант Джакоб. Он, конечно, не знал многого, но слышал разговоры старших офицеров, и ничто не интриговало его больше, чем упоминание о каком-то «Пункте Удачи».

Адмирал Флетчер на «Йорктауне» был поражен. В донесении младшего лейтенанта Джека Реда, перехваченном авианосцами, говорилось о главных силах противника, но они шли явно не из того направления. Согласно сведениям, полученным от адмирала Нимица, авианосцы противника

должны были подойти с северо-запада. Между тем, данные, добытые американской разведкой, пока полностью подтверждались: удар по Датч-Харбору был нанесен точно в указанное время. Все сомнения Флетчера разрешились после сообщения, полученного вскоре от самого адмирала Нимица.

«Это, повторяю, не ударное соединение противника», — сообщал командующий флотом и дальше разъяснял, что обнаружено соединение вторжения, а авианосцы нанесут удар именно с северо-запада на следующий день — 4 июня.

16-е и 17-е оперативные соединения продолжали практически топтаться на месте, медленно продвигаясь на север под серыми, разорванными облаками. На полетных и ангарных палубах летчики не отходили от своих машин, проверяли матчасть, сверяли карты, деятельно готовясь к завтрашнему дню.

Все время после полудня Флетчер и его штаб ожидали каких-либо сообщений об обнаружении Нагумо, однако, ничего получено не было.

В 19.50 американцы изменили курс на юго-запад, выходя в точку в двухстах милях севернее Мидуэя. Если Нагумо действительно будет следовать сценарию, то именно из этой точки представится прекрасная возможность нанести внезапный удар по его соединению.

Спустилась ночь, затемненные корабли шли вперед, разрезая воды Тихого океана. Задраенные иллюминаторы и люки, пустота на палубах создавали иллюзию полной пассивности. Ничто не говорило, что это ночь накануне крупнейшего сражения.

Настроение среди американских пилотов

было разным. Увереннее всех чувствовали себя летчики пикирующих бомбардировщиков — их самолеты «Донтлес» были новыми и очень надежными, а они сами — великолепно подготовленными. Совсем не так чувствовали себя пилоты торпедоносцев. Они прекрасно понимали, что ни боевой дух, ни боевая подготовка не компенсируют жалкое состояние торпедоносцев «Девастейтор». Действительно, это были никуда не годные машины, в полном смысле слова — «летающие гробы» со скоростью всего сто восемьдесят пять километров в час. Лучше всех это понимал командир эскадрильи торпедоносцев на «Йорктауне» капитан 3-го ранга Месси. Пригласив в этот вечер к себе в каюту двух друзей, Месси за бутылкой нелегально принесенного на авианосец виски поведал им, как мало шансов у него и его подчиненных уцелеть в предстоящем бою.

Совсем не таким было настроение летчиков-торпедоносцев 8-й эскадрильи авианосца «Хорнет». Их боевой дух и решительность вызывали удивление. По-видимому, в этом была заслуга их командира капитана 3 ранга Джона Вальдрона, сурового и строгого офицера, люто ненавидевшего врага. Вальдрон много потрудился, чтобы сделать из своей эскадрильи настоящий боевой коллектив, и сейчас, накануне боя, разрешил всем отдыхать, а сам вместе со штурманом эскадрильи лейтенантом Геом готовил до позднего вечера полетные карты. Ночью Вальдрон написал письмо жене: «Я очень люблю тебя и детей и безумно хочу быть с вами. Но я не мог бы находиться в тылу в

такое время. Мое место сейчас среди тех, кто воюет».

На «Энтерпрайзе» командир разведывательной эскадрильи лейтенант Дик Бест спал, как дитя, но большинство пилотов из его эскадрильи слонялись взад и вперед, нанося визиты друзьям, ведя разговоры до глубокой ночи. Трудно, конечно, разобратся в общей мешанине чувств и эмоций, но, как правильно заметил командир 6-й эскадрильи истребителей лейтенант Джим Грей, «вряд ли был хоть один атеист на «Энтерпрайзе» в ночь с 3 на 4 июня 1942 года».

Всю ночь американские авианосцы продолжали медленно идти вперед, оставляя Мидуэй на юго-востоке. На мостике «Йорктауна» офицеры штаба Флетчера не переставали удивляться, почему до сих пор не удалось обнаружить японских авианосцев — они должны были уже войти в пределы радиуса действия патрульной авиации Мидуэя.

— После сражения, — заметил позднее адмирал Флетчер, — было много разговоров насчет того, насколько тщательно подготовлены все решения. Однако, в действительности, многое приходилось делать на ощупь.

В конце концов адмирал решил спуститься немного на юг в надежде, что противник также выберет этот путь.

Старший помощник командира авианосца «Хирию» капитан 2 ранга Такаси Канозэ задержался на некоторое время в корабельной церкви и поспешил на мостик. Самолеты были уже подняты на полетную палубу и разогревали моторы в пред-рассветной мгле. Летчики были подняты в четыре

часа и получили завтрак на подносах в помещениях для инструктажа. Кроме обычно выдаваемого рациона, они на этот раз получили рис, соевый суп, соленые огурцы, сушеные каштаны и холодный саке — традиционный обед, который с древнейших времен дается японскому воину, вступающему в бой. Много говорить на инструктаже не было никакой нужды. Все летчики были опытными ветеранами и прекрасно знали свое дело. Командир авиагруппы, суровый и молчаливый лейтенант Томонага, был прекрасным летчиком-торпедоносцем, агрессивным и опытным офицером, который буквально рвался в бой, забыв обо всем на свете, даже о своей молодой жене, оставленной в Японии. Когда из-за внезапного приступа аппендицита, вышел из строя капитан 2 ранга Футида, капитан 2 ранга Каноэ, давно наблюдавший за Томонагой, немедленно решил, что именно Томонага является идеальным кандидатом на освободившуюся должность. Каноэ обратился к своему старому другу и однокурснику по училищу, капитану 2 ранга Минору Генда, занимавшему пост начальника оперативного отдела штаба Нагумо, и этот вопрос был быстро решен.

После инструктажа пилоты направились к своим машинам. На небе еще светило несколько звезд. Над авианосцами клубились облака, но восточная часть горизонта пламенела оранжевым цветом, обещая ясную погоду. На всех авианосцах шла подготовка к вылету.

На «Сорю» главстаршина Мори обменивался нервными шутками с пилотами истребителей, с

нетерпением ожидая конца этой душевной напряженности, которой всегда насыщены последние минуты перед вылетом.

На авианосце «Кага» главстаршина в сосредоточенном молчании затягивал вокруг пояса «сеним бари» — вязаный шарф, в каждой из тысячи петелек которого, по древнему поверью, хранилось счастливое пожелание, служащее волшебным талисманом.

Слабый от только что перенесенной операции аппендицита, капитан 2 ранга Мицоу Футида с трудом поднялся на мостик флагманского авианосца «Акаги». Там же находился и другой пациент корабельного лазарета — капитан 2 ранга Генда, слегший с приступом жестокой простуды. Генда поднялся на мостик прямо в лазаретной пижаме, но никто, конечно, не осмелился сделать ему замечание. Все знали, насколько адмирал Нагумо ценит блестящие способности своего начальника оперативного отдела. Фактически любое предложение Генды адмирал принимал без всяких возражений, и злые языки называли 1-е ударное соединение «флотом Генды». Действительно, увидев Генду на мостике, чуждый всяких сантиментов суровый старый моряк Нагумо тепло обнял капитана 2 ранга за плечи.

— Внимание на боевых постах! — заревели боевые громкоговорители на «Акаги». — Запустить моторы!

Взревели моторы, в серые предрассветные сумерки ворвался целый спектр красок. Слепящее солнце из выхлопных труб... синие и красные аэронавигационные огни на крыльях... палубные огни,

залившие полетную палубу.

— Начать взлет! — скомандовали с мостика, и командир авиатехнического дивизиона капитан 3-го ранга Сого Масуда, подняв зеленый сигнальный фонарь, описал им большую дугу над головой.

Истребители «Зеро» лейтенанта Сирано вырулили вперед... двигатели набрали обороты... короткий разбег... и истребители, оторвавшись от полетной палубы, с ревом поднялись в воздух. Вслед за истребителями взлетели восемнадцать пикирующих бомбардировщиков. Когда самолет лейтенанта Чихая проносился мимо мостика, фонарь его кабины был открыт, и молодой офицер помахал рукой, вызвав громкие крики восторга.

Самолеты, поднявшиеся со всех авианосцев, описывали круги над соединением, постепенно формируя строй. С мостика «Хирю» за взлетом самолетов с профессиональным интересом наблюдал капитан 3-го ранга Асаичи Томаи, назначенный командовать базой морской авиации, заранее учрежденной на Мидуэе.

В 4.45 самолеты построились и легли на заданный курс — тридцать шесть горизонтальных бомбардировщиков с «Акаги» и «Кага» и тридцать шесть истребителей по девять с каждого авианосца. Взяв курс на юго-восток, самолеты быстро исчезли в светлеющем небе.

После взлета первой волны гнетущая тишина воцарилась на авианосцах, но ненадолго. Вскоре поступил приказ готовить к вылету вторую ударную волну — страховой полис Нагумо — на случай появления американского флота. В целом ос-

тавленный на авианосцах резерв был равен силам, отправившимся на бомбардировку Мидуэя. Главное различие было в их вооружении. На этот раз горизонтальные бомбардировщики превращались в торпедоносцы, а пикирующие бомбардировщики вооружались бронебойными бомбами — специально против кораблей. Всего было тридцать шесть пикирующих бомбардировщиков с «Хирю» и «Сорю», тридцать шесть торпедоносцев с «Акаги» и «Кага» и тридцать шесть истребителей, снова по девять, с каждого авианосца.

В первых лучах восходящего солнца элеваторы подняли на палубы новые машины... матросы откатывали их на старт... механики подвешивали торпеды и бомбы... пилоты заняли свои места и пока отдыхали в кабинах. Это были наиболее опытные пилоты, поскольку, как считал адмирал Нагумо, остров может бомбить любой, но для атаки отчаянно маневрирующих кораблей необходимо особое мастерство. И, хотя шанс появления американского флота был ничтожным, адмирал, ожидая его, желал иметь под рукой наиболее опытных летчиков и не подвергать их напрасному риску.

Кроме того, чтобы не прозевать этот ничтожный шанс, Нагумо приказал разведывательным самолетам провести поиск в восточном направлении на удалении триста миль.

В распоряжении соединения имелось всего семь разведывательных самолетов — пестрая и разнотипная коллекция машин с различных кораблей охранения. Им предстояло покрыть дугу в 165 50 0, но никто почему-то не относился с должной

серьезностью к их работе. Нагумо был твердо убежден, что в этом районе не может быть авианосцев противника, а что касается Генды, то он имел репутацию человека, не очень уважающего разведку. Ведь каждый самолет, назначенный в разведку, тем самым уменьшал число машин, принимающих участие в атаке. А специальностью Генды была атака.

Сегодня разведывательные самолеты получили приказ быть готовыми к вылету к 4.30 одновременно с вылетом первой ударной волны, однако, к этому времени не все машины были готовы. Тяжелый крейсер «Тонэ», который должен был выпустить гидросамолеты № 1 и 4, доложил о неисправности катапульты, что на некоторое время задержало их вылет. Вскоре катапульта была исправлена, и в 5.00 с «Тонэ» стартовал гидросамолет № 4 — последний из семи — и взял курс прямо на восток, навстречу восходящему солнцу. Он вылетел всего на полчаса позже назначенного срока, и никому это не показалось особо существенным.

А между тем, американский флот находился в двухстах милях севернее и чуть восточнее Мидуэя. На «Энтерпрайзе» офицеры завтракали в кают-компании. Командир авиагруппы «Энтерпрайза» капитан 3-го ранга Уэйд Макклуски отметил, что сегодня из кают-компания исчезли былое веселье и остроумие, гнетущая тишина висела над столами, хотя, на первый взгляд, все было как обычно. Лейтенант Бест ел неизменные сваренные вкрутую яйца, лейтенант Грей — фирменное блюдо «Энтерпрайза» — «одноглазый сэндвич», представляющий из себя яичницу, зажатую между тонкими

ломтями поджаренного хлеба.

Завтрак окончился, и пилоты отправились в помещение для инструктажа. На авианосце у каждой эскадрильи было такое помещение, напоминающее классную комнату ровными рядами столов, стульев и грифельных досок. На досках обычно наносились схема полета к цели и предполагаемое место авианосца при возвращении, а также, сила и направление ветра. В помещении был установлен телетайп, сообщавший любые изменения обстановки, и кинопроектор. Но в настоящий момент грифельные доски были пусты, телетайп молчал — силы Нагумо все еще не были обнаружены.

Американские авианосные соединения продолжали продвигаться в юго-западном направлении — «Йорктаун» в десяти милях позади «Энтерпрайза» и «Хорнета». На мостике «Йорктауна» адмирал Флетчер ломал голову над тем, где мог быть Нагумо. Он послал разведывательные самолеты на север, но от них не было ни слова. Не было ни слова и от самолетов Мидуэя.

* * *

Лейтенант Говард Эди вот уже час как вылетел с Мидуэя, а японцы по-прежнему не давали о себе знать. Эди вел патрулирование в секторе по пеленгу 315 50 0, имея приказ удалиться от Мидуэя до предела радиуса действия своей летающей лодки. «Каталина» монотонно гудела моторами. Длинные лучи восходящего солнца пробивались сквозь прерывистые облака. Примерно в 5.10 небольшой гидросамолет прошел мимо с западного направления. Гидросамолет шел встречным курсом и, не отклонившись ни

на дюйм, проследовал прямо к Мидуэю, который находился милях в ста двадцати. Эди немедленно радировал единственное слово «самолет» и только потом передал более подробное описание.

Для экипажа летающей лодки этот гидросамолет служил доказательством того, что японский флот где-то поблизости. Лодка продолжала полет над грядями облаков.

К 5.30 погода «наверху» улучшилась, но над поверхностью моря по-прежнему висели облака. И когда Эди приблизился к одному из этих облаков, на противоположной стороне гряды показались два авианосца — всего милях в двадцати. Они шли прямо на него. «Это похоже, — подумал он, — как если был на театральной сцене открыли занавес».

Южнее, в соседнем секторе, лейтенант Уильям Чейз также без особых событий провел первый час полета. Его летающая лодка вылетела на пятнадцать минут позже лодки Эди. Облака, восход солнца, приготовление кофе на электроплитке — все было так же, как и на других «Каталинах».

Примерно в 5.40, немногим позже того, как Эди обнаружил авианосцы, Чейз, находясь севернее, увидел огромную армаду истребителей и бомбардировщиков, направлявшихся прямо к Мидуэю. Обычный порядок требовал, чтобы донесения о контакте с противником тщательно кодировались, но на сей раз времени для этого не было. Открытым текстом Чейз поспешно передал: «Много самолетов идет к Мидуэю, пеленг 320, дистанция 150».

«Наконец-то! Это они!» — облегчение, радость, предвкушение боя — все было в первой

реакции адмирала Спрюзенса, когда новость об установлении контакта с противником достигла мостика «Энтерпрайза». То же самое произошло и на «Йорктауне», где адмирал Флетчер был вознагражден за столь долгое ожидание. Итак, японские авианосцы обнаружены... но где? Первое сообщение о контакте было болезненно кратким. Радиостанции обоих соединений были настроены на частоты летающих лодок — их сообщения не требовали отлагательств, но последние сообщения вызвали особую неразбериху. На авианосцах не поняли, что были приняты сообщения с двух разных летающих лодок, которые докладывали о двух совершенно различных событиях. Сообщения были смешаны вместе, их непоследовательность сбивала с толку. И, что самое важное — в них ничего не говорилось о скорости и курсе врага, совершенно необходимых компонентах для организации атаки.

Но лейтенант Эди оказался на высоте. Наэлектризованный обнаружением авианосцев, он сделал левый разворот, медленно описывая круг над японским флотом. Умело используя облака для прикрытия, Эди постепенно передавал все более важную информацию: «5.34 — авианосцы противника...» «5.40 — квадрат 180, пеленг 320...» «5.52 — два авианосца и главные силы флота. Авианосцы в строю фронта, курс 135, дистанция 140, скорость 25».

Этого было достаточно. И, хотя на мостике «Йорктауна» в 6.03 еще не вполне представляли себе картину происходящего, у адмирала Флетчера не

было времени для более детального изучения обстановки. В 6.07 он просигналил Спруэнсу: «Продолжать движение на юго-запад и атаковать авианосцы противника. Мы последуем за вами, как только вернутся разведывательные самолеты».

В 6.15 пронзительно завывли сирены на «Энтерпрайзе», в 6.26 заревели колокола громкого боя на «Хорнете». Под топот ног разбегающихся на боевые посты экипажей 16-е оперативное соединение, увеличив скорость до двадцати пяти узлов, устремилось на юго-запад.

* * *

На здании электростанции Сэнд-Айленда взвывала сирена, ей вторил пронзительный вой сирены на КДП аэродрома Истерн-Айленда. Бросив все дела, люди разбежались на боевые посты.

На взлетной полосе Истерн-Айленда царил суматоха. Когда пришло сообщение о первом контакте, с командного пункта авиации морской пехоты в 5.30 отдали приказ — всем самолетам запустить моторы. Бомбардировщики противника были, судя по сообщению, всего в ста милях от Мидуэя. Прошло несколько минут, но на экранах радаров ничего не появлялось. Последовал новый приказ — заглушить моторы. Однако, в 5.53 с радарной станции ВМС передали: «Дьявольски много самолетов, пеленг 310, дистанция 93».

На этот раз все было верно, и под вой сирен в 5.55 последовал новый приказ готовиться к немедленному вылету. Но теперь у некоторых пилотов моторы оказались заглушенными, а другие, прогревая моторы, не слышали сигнала тревоги. С

КП, включив собственную сирену, по взлетной полосе помчался грузовик. Капитан Боб Бурнс, стоя на подножке, кричал, чтобы немедленно вылетали.

К счастью, не было никаких проблем с тяжелыми бомбардировщиками полковника Суини. Они взлетели, как обычно, еще до рассвета и, чтобы зря не расходовать горючее, получили приказ вторично атаковать японский транспортный конвой. Теперь же, после того, как обстановка изменилась, капитан 1 ранга Симард радировал полковнику Суини, чтобы тот повернул свои бомбардировщики на северо-запад против авианосцев противника. В это же время все находящиеся в разведке летающие лодки получили приказ не возвращаться на Мидуэй, а после выполнения задачи идти к рифам Френч-Фригейт.

Но на Мидуэе оставалось еще шестьдесят шесть самолетов, и ни один из них не должен был быть захваченным атакой противника на земле. В 6.00 начали взлет двадцать шесть истребителей. Один из них вскоре вернулся из-за поломки двигателя, но остальные двадцать пять, набрав высоту, исчезли в северо-западном направлении. Майор Паркс вел за собой два звена. Капитан Армстейд следовал за ним с остальными. Они слегка изменили курс, чтобы не создавать помех на экранах радаров Мидуэя, выходя в точку в тридцати милях северо-западнее атолла, где надеялись перехватить японские самолеты. В 6.04 с радарной станции сообщили: «Противник в семидесяти четырех милях».

Следующими приготовились к взлету шесть торпедоносцев «Авенджер». Капитан Бурнс,

примчавшись на грузовике, крикнул об этом лейтенанту Файберлингу. Тот приказал механику оповестить всех, а сам, забравшись на крыло, крикнул, стараясь перекрычать шум моторов: «Курс 320, дистанция 150». Один за другим «Авенджеры» пронеслись по взлетной полосе, грациозно неся смертоносные торпеды. Это произошло в 6.10, когда с радарной станции передали: «Японцы на удалении сорок семь миль».

Затем на старт вырулили четыре армейских бомбардировщика Б-26. Первой взлетела машина капитана Коллинза, за ней — все остальные. Оставались только бомбардировщики морской пехоты.

Первым взлетел майор Бенджамин Норрис, ведя за собой двенадцать дряхлых «Виндикейторов». Один из них немедленно вернулся — сорвало обтекатель. Затем в воздух вышли «Донтлеса» майора Гендерсона. Теперь у юных пилотов не было ничего — ни радио, ни офицера-инструктора, ни указаний. Оставалось только держаться в воздухе и послушно следовать за Джо Гендерсоном, который, по-видимому, знал, куда надо лететь. В последний момент два «Донтлеса» сломались, но остальные шестнадцать взлетели благополучно. Полковник Каймс зафиксировал время взлета последнего бомбардировщика — 6.15 — на несколько минут позднее, чем было предусмотрено. Самолеты ушли вовремя. В 6.16 с радара доложили: «Японцы в двадцати девяти милях от Мидуэя».

С уходом самолетов пугающая тишина повисла над Истерн-Айлендом. Люди притаились на оружейных позициях, в узких траншеях, на наблюдатель-

ных и командных пунктах. Сотни глаз впились в пустое голубое небо на северо-западе. Это было почти гипнозом. Пришлось напомнить наблюдателям, чтобы они следили и за другими направлениями. Японцы способны на любые сюрпризы.

Запоздавшие спешили занять свои посты. Когда уорент-офицер Билл Льюис бежал в свою траншею, вырытую недалеко от здания офицерской столовой, из командного блиндажа его окликнул майор Уильям Бенсон:

— Билл, у меня самый лучший блиндаж и самая лучшая связь на всем острове. Вы не хотите остаться со мной?

— Знаете, — ответил Льюис, — я был так напуган в свое время в Перл-Харборе, что даже не успел как следует рассмотреть японские самолеты. Мне бы не хотелось упустить эту возможность сегодня.

Отойдя от пирсов, небольшая флотилия торпедных катеров встала в лагуне между островами. Лейтенант Маккеллер умело рассредоточил их. Главстаршина Оливер вывел в лагуну целую коллекцию шлюпок и баркасов, на которых были установлены пулеметы. Главстаршина Энгель пришвартовал свой буксирный пароходик «Томаха» к полузатопленной барже, выглядевшей так, что вряд ли японцам захотелось бы тратить на нее бомбы.

Капитан 1 ранга Симард также не мог побороть общего искушения. Он вышел из блиндажа, напряженно всматриваясь в пустое небо на северо-западе, несмотря на то, что Логан Рамсей убеждал его уйти в укрытие.

На крыше электростанции Сэнд-Айленда с

кинокамерой в руках находился кинорежиссер Джон Форд, который также всматривался в небо на северо-западе. Выбранная Фордом позиция была прекрасна — весь атолл лежал как на ладони. Не было видно ни одной живой души. Мидуэй казался вымершим: ленивый, мирный тропический остров. Радарная станция продолжала работать, отмечая все новые мили приближения противника. Внезапно операторы увидели на экране два всплеска — «свой» и «чужой», — мелькнувшие вместе, пока еще за линией горизонта.

ГЛАВА 5

«ЯСТРЕБЫ ПРОТИВ АНГЕЛОВ, 12!»

Увидев далеко внизу белые буруны рифов, лейтенант Хасимото понял, что они приближаются к цели. Находясь в ведущем самолете лейтенанта Томонага в качестве наблюдателя, он должен был указывать своему командиру цели бомбардировки. До сих пор их полет проходил без всяких происшествий, если не считать того, что один бомбардировщик с «Хирю» вернулся назад-из-за поломки мотора, но подобные вещи случаются всегда. Остальные сто семь самолетов продолжали полет, идя в строю двух клиньев, прикрытые сверху истребителями. В 6.16 главстаршина Мори, ведущий звена из трех самолетов с «Сорю», заметил темное пятно на мерцающем горизонте — Мидуэй.

В следующее мгновение два бомбардировщика с «Хирю», летевшие впереди Мори, внезапно превратились в пылающие факелы. И только тогда все обнаружили несколько американских истребителей, которые стремительно атаковали их строй, ведя огонь из пушек и пулеметов.

«Тайхоу! Ястребы против ангелов, 12... Прикрыты истребителями!» Капитан Джон Кери первым опознавал их и на условном языке летчиков морской пехоты дал знать остальным, что обнаружил японцев, идущих на высоте двенадцать тысяч футов. Все двадцать пять истребителей морской пехоты ринулись на противника.

Капитан Кери не стал их ждать. Ведя за собой свое звено из трех «Уайлдкетов», он сделал широкий разворот и спикировал на строй противника почти под прямым углом. Его орудия молотили по ведущему японскому самолету, который вспыхнул и стал падать в море. Капитан Марион Карл и лейтенант Клейтон Кенфилд пикировали следом за Кери. Кенфилд взял на прицел третий самолет в третьем звене, тот взорвался, объятый пламенем.

Майор Паркс бросился в свалку воздушного боя с остальными истребителями. Большинству летчиков морской пехоты удалось сделать только один хороший заход на врага, и, когда они разворачивались для второго, на них обрушились японские истребители «Зеро». Пули прошили кабину капитана Кери, ранив его в обе ноги. Снаряд 22-мм пушки разнес в щепки крыло истребителя Кенфилда. Паркс, кувыркаясь, падал в море.

Капитан Армстейд, подошедший со своим зве-

ном несколькими минутами позже, действовал не намного успешнее. Японские истребители, демонстрируя блестящее мастерство и боевой опыт, обрушились на американцев. Один из других истребители морской пехоты, объятые пламенем, падали в океан.

Но, не летное мастерство, не боевой опыт и даже не количество дали японцам такое преимущество над летчиками морской пехоты. Когда американские самолеты начали падать в море или, подбитые, потянулись обратно к Мидуэю, стало ясно, что главное преимущество японцев заключается в их великолепном истребителе «Зеро». Летчики морской пехоты были поражены. Подобно большинству американцев, они думали о японцах как о подражателях, неспособных самостоятельно создать что-либо принципиально новое. И вот перед ними истребитель, превосходящий по скорости, маневренности и потолку любой самолет, имевшийся в распоряжении американцев. Классом ниже были даже «Уайлдкетты», а древние «Буффало», как горько заметил один из летчиков, выглядели будто стреноженные, когда «Зеро» делали заходы на них.

Со своей стороны были удивлены и летчики Нагумо. Они тоже имели о своем противнике вполне определенное мнение. Подобно большинству японцев, они не особенно высоко ценили американскую храбрость в бою, считая, что их легко согнуть одним хорошим ударом. Однако, летчики американской морской пехоты ринулись в бой с задором, который сделал бы честь любому самураю. Американцы, кроме того, продемонстрировали боевое мастерство, гораздо лучшее, чем от них

ожидали. Хасимото был буквально ошеломлен, наблюдая, как они стремительно пикировали сверху.

Теперь, когда «Зеро» лейтенанта Суганами вновь захватили господство в воздухе, армада японских самолетов продолжала движение к цели. Согласно плану, они должны были нанести удар тремя волнами. В первой — соединения горизонтальных бомбардировщиков с «Хирю» и «Сорю», следующими в атаку выходили пикирующие бомбардировщики с «Акаги» и «Кага», и под занавес — истребители со всех четырех авианосцев должны были обстрелять ураганным огнем с бреющего полета все уцелевшее от предыдущих атак. Самолеты с «Хирю» и «Кага» должны были сконцентрировать свои усилия на Сэнд-Айленде, а с «Сорю» и «Акаги» — на Истерн-Айленде. Идя строем из двух клиньев, прикрытые сверху перестроившимися истребителями, японские самолеты слегка изменили курс, чтобы выйти к Мидуэю точно с севера.

Рядовой Филипп Кларк с батареи «Д» увидел, как вдали из-за облаков появились три черточки... затем еще и еще. Не было сомнений, что они приближались. В 6.29 радар зафиксировал их на расстоянии восемь миль. В 6.30 последовал приказ открыть огонь, как только самолеты противника войдут в радиус действия зениток. В 6.31 зенитные орудия Мидуэя открыли заградительный огонь.

Дюжина черных разрывов появилась в двухстах-трехстах ярдах впереди приближающихся самолетов. Сержант Эвитс с батареи «Д», управляющий огнем лучше любого офицера, начал пристрелку. Первые же залпы заставили японцев

перестроиться. Один из самолетов загорелся. За ним второй, и, казалось, целую вечность летел, объятый пламенем. Когда он наконец упал, на всех зенитных позициях заревели от восторга.

В 6.34 самолеты были прямо над головой. На Сэнд-Айленде сержант Джей Кэч с батареи «Ф», наблюдая в дальномер за их подходом, видел, как первые бомбы, оторвавшись от крыльев, стали падать вниз, подобно огромным каплям.

С высоты здания электростанции Джон Форд направил свою кинокамеру на ангар для гидросамолетов, решив, что он станет одной из первых целей. И не ошибся. Серия бомб обрушилась на ангар, разбросав обломки во все стороны. Небольшой осколок зенитного снаряда ударил кинорежиссера в плечо, напомнив ему о том риске, которому он подвергался.

Следующая серия бомб обрушилась на позиции батареи «Д». Капитан Бакнер сам не знал, что заставило его крикнуть по командному телефону: «Всем в укрытия!» Но он сделал это, и его люди успели укрыться вовремя, исключая капрала Кайра, который упал смертельно раненный у определителя высоты. В этот момент на уорент-офицера Льюиса обрушилась лавина вилок, ножей, сигаретных пачек и банок с пивом. Бомба разрушила здание офицерской столовой и продовольственный склад. Еще не успела осесть пыль от взрыва, как один из солдат уже вскрыл упавшую в траншею банку с пивом и протянул ее Льюису.

В 6.40 начали действовать пикирующие бомбардировщики. Их первой жертвой стала электро-

станция на Истерн-Айленде — небольшое, хорошо блиндируемое здание. Но это не помогло. Великолепно нацеленная бомба пробилла крышу, полностью уничтожив все внутреннее оборудование.

Следующей настала очередь командного пункта майора Уильяма Бенсона. Уорент-офицер Билл Льюис вспомнил о приглашении майора укрыться у него в блиндаже, поскольку там безопасно. Льюис остался невредим в своем узком окопчике, а КП Бенсона исчез в пыли и дыму. Льюис бросился на помощь, но было поздно — его друг погиб под обломками. После пикировщиков начали действовать истребители «Зеро». Они сметали все, обстреливая ураганным огнем с бреющего полета цистерны с горючим, орудийные позиции — все, что еще уцелело. Один истребитель прошел так низко над батареей «Ф», появившись так неожиданно, что сержант Карл Фэди, метнувшийся в укрытие, не успел этого сделать. Пуля ударила в заднюю часть его каски, но, поднявшись на ноги, сержант с удивлением обнаружил, что не получил даже царапины.

В этот момент на КП полковника Шаннона затрещал зуммер полевого телефона. Звонил какой-то флотский старшина, который обратил внимание полковника на то, что в спешке на сигнальной мачте забыли поднять американский флаг. Не поднять ли его сейчас? Из миллиона проблем сегодняшнего утра это была, конечно, самая легкая, поэтому про нее и забыли. Шаннон приказал поднять флаг. Рядовой 1 класса Байлечек с флагом в руках кинулся к сигнальной мачте и, не обращая

внимания на обстрел, поднял флаг, чтобы его могли видеть все.

По самолетам стреляли из любого оружия, которое попадалось под руку. Майор Арнольд бил по истребителям из автоматической винтовки «Браунинг». Один матрос с сигнальной станции Сэнд-Айленда — из кольта 45 калибра. И на Истерн-Айленде рядовой 1 класса Роджер Итон — даже из винтовки Спрингфилда образца 1903 года.

Конечно, обычно они все мазали... но не всегда. Один «Зеро», появившийся над Сэнд-Айлендом, внезапно накренился, взорвался и упал всего в пятидесяти ярдах от КП капитана 1 ранга Симарда. Другой самолет, пикирующий бомбардировщик, загорелся и с диким воем пошел вниз, прошел над самой поверхностью воды и чуть не врезался в расположение батареи «Н».

А между тем, истребители морской пехоты, уцелевшие в воздушном бою, начали возвращаться на Мидуэй. Помочь им никто не мог. Солдаты с батареи «Е» беспомощно наблюдали, как один «Буффало», возвращающийся с поврежденным мотором, пытался спастись, проскользнув под японским истребителем на посадку. Но «Зеро», сделав изящную горку, пристроился ему прямо в хвост. Короткая очередь — и «Буффало» упал в океан. Два «Зеро» набросились на другой американский истребитель над северным побережьем Истерн-Айленда. «Буффало» загорелся — пилот выбросился с парашютом. «Зеро» вели непрерывный огонь по летящему в небе парашюту, тело летчика беспомощно вытянулось на стропах.

И все-таки, некоторым истребителям морской пехоты удалось вернуться. Капитан Кери, который летел с перебитыми ногами, «убедился, насколько тяжел путь, когда истребитель управляется одной ручкой управления без педалей, а тебя еще к тому же обстреливают». Самолет лейтенанта Кенфилда поломал на посадке шасси. Едва машина остановилась, лейтенант выскочил из нее и нырнул в щель — и вовремя: «Зеро» вдребезги разбил оставленную машину. Вслед за Кенфилдом шел на посадку еще один искалеченный «Буффало» с висящим на хвосте японским истребителем. Последним усилием американский летчик выиграл несколько футов, заставив японца также снизиться. Казалось, все орудия на Истерн-Айленде вели огонь по этому японскому истребителю. Наконец «Зеро» накренился, загорелся и упал прямо на взлетную полосу, врезавшись в только что севший «Буффало».

Но особенно всем запомнился один действительно лихой японский пилот. На полной скорости он перевернулся вверх шасси и в таком виде пронесся над взлетной полосой. Несколько секунд защитники атолла смотрели на него с таким изумлением, что даже не стреляли. Затем все орудия возобновили огонь. Зенитный снаряд настиг храбреца, и он камнем упал в лагуну.

* * *

Лейтенант Рокуро Кикучи понял, что его конец настал. Зенитный снаряд настиг его, и теперь его самолет, объятый пламенем, шел вниз. Лейтенант открыл фонарь и взмахом руки послал последний привет своим товарищам с авианосца «Хирю».

Зенитный огонь оказался гораздо сильнее, чем ожидалось. Не очень меткий, к счастью, но очень плотный — настолько, что каждый имел возможность в этом убедиться. Ведущий бомбардировщик лейтенанта Томонаги получил близкий разрыв в момент сбрасывания бомб. Самолет сильно тряхнуло, сбилась точность наводки. Более серьезным было второе попадание: осколок снаряда пробил бензобак в левом крыле. Глядя вниз, лейтенант Хасимото был поражен активностью противника, в особенности, крошечными торпедными катерами, которые сновали всюду, как водяные жуки в пруду. Но прежде всего бросалось в глаза одно обстоятельство — на Мидуэе не было самолетов. Японцы атаквали пустую цель. Это напомнило ему змею в тот момент, когда она меняет кожу. Змея скрылась, оставив после себя лишь пустую шкуру.

Но они сделали все, что могли. Если забыть про отсутствие на атолле самолетов, результаты атаки никак нельзя было назвать плохими. Эскадрилья Хасимото добилась хорошего попадания в топливные цистерны Сэнд-Айленда, а пикирующие бомбардировщики лейтенанта Огава уничтожили ангар гидросамолетов на Истерн-Айленде.

В 6.48 японские самолеты, закончив атаку, повернули к точке сбора. Несколько «Зеро» задержались, кое-кто уже стал считать их потерянными, но в 7.01 истребители появились, и все соединение, повернув на северо-запад, исчезло за горизонтом.

* * *

Неожиданно наступившая тишина показалась защитникам Мидуэя страшнее взрывов бомб и

залпов зенитных орудий. Люди в укрытиях ждали, затем осторожно начали появляться на поверхности, щурясь от яркого утреннего солнца. Многие сразу же побежали смотреть на остатки японского самолета, упавшего неподалеку от КП флота. Тело пилота, обмотанное вокруг талии флагом страны восходящего солнца, лежало рядом с обломками машины.

Отбой тревоги прозвучал в 7.15, и Мидуэй начал собирать все, что уцелело. На Истерн-Айленде полковник Каймс радировал своим пилотам из 221-й авиагруппы: «Истребителям приземлиться... Заправка топливом по звеньям... 5-е звено — первое».

Ответа не было. Каймс сделал еще попытку. Снова молчание. Повторив несколько раз, он начал понимать, в чем дело. Тогда последовал новый приказ: «Всем истребителям приземлиться и дозаправиться горючим».

Один за другим они появились — всего шесть, еще четыре разбились при посадке. Значит, лишь десять истребителей уцелели после боя и только два оказались пригодными для дальнейших действий. 221-я авиагруппа морской пехоты практически перестала существовать: из двадцати пяти самолетов, встретивших японцев, двадцать три были сбиты или выведены из строя. «Я убежден, — писал капитан Филипп Уайт в своем боевом рапорте, — что, если командир отдает пилотам приказ идти в бой на истребителе «Буффало», он может считать этих пилотов потерянными еще до того, как они оторвутся от земли».

Итак 221-я авиагруппа была уничтожена. Но это не все: густой дым, поднимавшийся к небу,

поведал историю уничтоженного топливного склада на Сэнд-Айленде. Горел и ангар для гидросамолетов. Флотская амбулатория перестала существовать, парашютоукладочная станция была разбита. Было разрушено и здание прачечной, но пять цистерн с водой стояли совершенно целые среди груд щебня и обрывков белья.

На Истерн-Айленде были полностью разрушены КП, электростанция, офицерская столовая и продовольственный склад. Но особенно серьезным был вывод из строя линии для автоматической подачи топлива на самолеты. Правда, эта линия всегда была неисправна, но теперь попадания бомб совершенно прикончили ее — и это в тот момент, когда она была чрезвычайно нужна. Полковник Каймс содрогнулся от одной мысли, что ему придется формировать бригаду с ведрами для заправки топливом бомбардировщиков Б-17.

К счастью, потери в людях были незначительными. Произведенные полковником Шанноном укрепления Западного фронта великолепно оправдали себя на Мидуэе. Благодаря этому, среди защитников обоих островов было только одиннадцать убитых и восемнадцать раненых.

Но важнее всего было то, что удалось сохранить ударную мощь авиации. На земле был уничтожен только один самолет — устарелый биплан, которому было трудно придумать полезное занятие.

После налета дел хватило каждому. Но больше всего на Мидуэе беспокоились о том, что им еще предстоит. Когда вернутся японцы? Что принесут они на этот раз? Не выжидают ли линейные

корабли и транспорта, укрытые где-то поблизости за горизонтом, лишь подходящего момента, чтобы двинуться к атоллу?

* * *

В двух милях от берега невидимый с атолла наблюдатель наслаждался событиями этого утра — разрывами зенитных снарядов, пикированием самолетов и клубами дыма, поднимающимися к небу. Капитан 3 ранга Танабе со своей подводной лодкой — «J-168» все еще находился у Мидуэя, ведя наблюдение через перископ и комментируя ход атаки своему экипажу. Подводники были вне себя от радости, когда командир рассказал им о взрыве цистерн с горючим на атолле — громкие крики восторга заполнили лодку.

Однако, ведущий ударной волны лейтенант Томонага не разделял их ликования. Его не занимал вопрос, какие повреждения удалось причинить сооружениям на Мидуэе, его мучила мысль о том, что воздушные силы атолла остались не уничтоженными. Вероятно, американцы что-то подозревали и поэтому очистили аэродромы. Ну что ж, американские самолеты не смогут вечно оставаться в воздухе — скоро им придется приземлиться для заправки горючим.

В 7.00, когда японские самолеты повернули обратно, Томонага радировал на «Акаги»: «Необходима вторая атака».

ГЛАВА 6

ПОД ПЕРВЫМ УДАРОМ

Капитан 2 ранга Генда не был удивлен требованием Томонага о необходимости второй атаки. Он сам пришел к тому же выводу на основании ранее полученных сообщений. И он, не колеблясь, рекомендовал нанести второй удар.

Авианосное соединение Нагумо находилось в море уже более недели, но ничто не говорило о том, что американский флот где-нибудь поблизости. В это утро разведывательные самолеты были в полете уже два часа — и не один из них не докладывал об обнаружении американских кораблей. Даже гидросамолет № 4 с тяжелого крейсера «Тонэ», вылетевший последним, теперь должен был повернуть на обратный курс. А поскольку американский флот не подавал признаков жизни, было бы глупо держать в резерве авиационные силы — их следовало использовать для того, чтобы покончить с Мидуэем.

Контр-адмирал Рейносукэ Кусака колебался. А вдруг американский флот все-таки в море? Никто еще ничего не знал толком, а оставшиеся самолеты были последним резервом.

Пока происходил обмен мнениями на мостике «Акаги», ударное соединение вышло в точку примерно в ста сорока милях к северо-западу от Мидуэя. Здесь рассчитывали вскоре после 8.00 начать прием самолетов первой волны. Соединение Нагумо шло, построившись в свой обычный боевой

ордер. Авианосцы двигались в строю «коробочки»: «Акаги» — ведущий правой колонны, за ним — «Кага»; «Хирю» — ведущий левой колонны, за ним — «Сорю». Развернувшись широким фронтом вокруг авианосцев, шли линейные корабли, крейсера и эскадренные миноносцы прикрытия.

На всех кораблях люди находились на своих боевых постах. Еще в 5.52 сигнальщики легкого крейсера «Нагара» первыми заметили летающую лодку. Ее не сумели ни сбить, ни помешать ее действиям, и длинное сообщение летающей лодки о контакте, посланное, вероятно, на Мидуэй, слышали на всех кораблях. Сотни глаз следили за небом и горизонтом. Сигнальные вахты были усилены. Только на «Акаги» более двадцати сигнальщиков стояли на крыльях мостика, тщательно вглядываясь в небо.

В 7.05 почти одновременно идущий во главе ордера эсминец поднял флажной сигнал, крейсер «Тонэ» открыл огонь орудиями главного калибра, а на «Акаги» раздались сигналы воздушной тревоги.

* * *

Младший лейтенант Эрнест предполагал, что их шестерка «Авенджеров» после взлета с Мидуэя пойдет на соединение с бомбардировщиками и истребителями морской пехоты, но ничего подобного не случилось. Шесть торпедоносцев продолжали полет одни. Покинув Мидуэй, лейтенант Файберлинг, лихо развернувшись на северо-запад, повел их на предполагаемую позицию японцев, не дожидаясь никого.

Они спешили, но на протяжении целого часа ничего не происходило — только монотонный по-

лет на высоте четыре тысячи футов. Около 7.00 младший лейтенант Эрнест обнаружил нечто неопределенного вида, напоминающее паровоз, тащившийся вниз. Затем еще один, а затем — им уже не было конца. Эрнест никогда не видел такого количества кораблей, которые рассыпались буквально по всему океану. Из-за большого расстояния, он смог различить только два идущих вместе авианосца, окруженных огромным количеством кораблей охранения. Но они были слишком далеко, чтобы опознать их класс. В этот момент стрелок самолета Джей Меннинг доложил о приближении истребителей противника что совпало с сигналом лейтенанта Файберлинга начать атаку. Все шесть «Авенджеров» ринулись вниз прямо на оба авианосца. Это был долгий путь до высоты сто пятьдесят футов, когда японские истребители, не давая им ни секунды передышки, вели непрерывный огонь.

После второго захода истребителей пулемет Меннинга прекратил огонь. Ведя огонь из подфюзеляжного пулемета, стрелок-радист Гарри Феррер оглянулся назад. Он пришел в ужас, увидев, как тело Меннинга вытянулось на сиденье. За свои восемнадцать лет Феррер никогда не видел убитых и в первое мгновение не мог оторвать взгляд от тела погибшего друга. Бросившись затем к своему пулемету, Феррер обнаружил, что тот разбит. Была прострелена также гидравлическая система, и руль высоты повис, закрыв сектор обстрела. Следующий залп накренил самолет, и пуля, пройдя через верх бейсбольной шапочки Феррера, контузила его. Радист на какое-то мгновение потерял сознание.

В кокпите у Эрнеста были свои неприятности: сначала из строя вышло радио, за ним компас, затем начало шалить управление. Он выглянул наружу — в крыле зияли большие пробоины. Осколок угодил младшему лейтенанту в лицо, повсюду была кровь. Снизившись до высоты двести футов, он все еще продолжал идти прежним курсом, когда новое попадание вывело из строя руль высоты. Управление отказало полностью, и Эрнест решил, что пришел конец. Он уже не имел надежды дойти до авианосца, равно как и надежды выбраться живым из этой переделки. Но еще действовал руль направления, и Эрнест решил использовать это обстоятельство полностью. Твердо свыкнувшись с мыслью о смерти, он, направившись к единственному японскому кораблю, который был под ним — трехпалубному легкому крейсеру, — выпустил торпеду. Высота была всего тридцать футов, и Эрнест приготовился врезаться в крейсер. В этот момент какой-то инстинкт заставил его испытать элероны (быть может, для того, чтобы выровнять машину перед ударом). К его удивлению, самолет пошел вверх. Летчик мгновенно сообразил, что может управлять торпедоносцем даже без ручки управления. Эрнест набрал высоту и убрался со сцены. Японские истребители, списавшие его со счетов, ушли. Оглянувшись назад, Эрнест не увидел ни того, попала ли его торпеда, или нет, ни других самолетов. Он был совершенно один, не имея ни компаса, ни радио. Эрнест повел свой самолет, ориентируясь по солнцу, а стрелок-радист Феррер пробрался через обломки и устроился в

кабине за спиной своего командира.

* * *

Прямо за торпедоносцами, так близко, что он видел все подробности их атаки, капитан Коллинз вел свои четыре бомбардировщика Б-26. Армейские пилоты летели на свой страх и риск — никаких предварительных планов координированных действий с «Авенджерами», «летающими крепостями» или авиацией морской пехоты. Они просто искали свою цель, и она оказалась здесь.

Вначале лейтенант Мури увидел дым на горизонте... затем множество эсминцев. Пытаясь разобраться в обстановке, он достал пачку «Честерфилда» и сунул в рот сигарету.

Мури еще нащупывал спички, когда целая орда японских истребителей «Зеро», появившихся неизвестно откуда, обрушилась на них. Капитан Коллинз держал курс прямо на авианосцы, которые были теперь ясно видны в центре японского строя. Беда была в том, что с ближней стороны, то есть, с правого борта авианосцы были слишком хорошо прикрыты. Необходимо было сделать левый разворот и хорошенько треснуть их слева. Но для этого надо было пролететь на бреющем полете через линию эскадренных миноносцев прикрытия.

Сделав левый разворот, капитан Коллинз повел бомбардировщики над кораблями эскорта сквозь ураганный зенитный огонь. Выйдя вновь на прямой курс, они ринулись на авианосцы. У них не было даже формального плана атаки — на это просто не хватило времени, и четыре самолета неслись в безумную атаку на идущий впереди авиа-

носец противника. Коллинз стремительно несся на цель, и Мури решил, что самое лучшее — это следовать за командиром. Они были над самым центром японского ордера, летя через сплошную стену зенитного огня. Японцы, стреляя над самой водой, осыпали трассирующими очередями приближающиеся бомбардировщики. Снизившись до восьмидесяти футов, Коллинз сбросил торпеду. Мури шел за ним с висящим на хвосте «Зеро», который в отчаянном усилии, пытаясь остановить его, вошел в зону зенитного огня собственного флота. Пули разбили фонарь кабины стрелка, рикошетом ранив сержанта Гудвина в голову. Лейтенант Мури крикнул своему второму пилоту Питеру Муру, чтобы тот сбросил торпеду. Но импровизированный сбрасыватель был крайне ненадежен. Он состоял из рукоятки сброса, проволоки и зажима с бесчисленными зубцами. Мур рванул сбрасыватель, однако, сказать наверняка, вышла торпеда или нет, не мог.

— Ушла? — крикнул Мури.

— Откуда, черт возьми, я знаю? — отвечал Мур.

Сняв руку со штурвала, Мури сам поиграл сбрасывателем. Они так и не почувствовали благословенного толчка, который подбрасывает самолет, когда торпеда уходит к цели. Позднее они узнали, что им все-таки удалось сбросить торпеду. Однако, сейчас они могли только надеяться на это и совершенно не имели времени для выяснения. Самолет находился точно над авианосцем. Сделав крутой вираж, Мури направил машину прямо в центр полетной палубы. Его бомбардир лейтенант

Джонсон бросился к носовому пулемету и открыл шквальный огонь. Они могли насладиться короткой, но незабываемой картиной, глядя, как белые фигурки японских моряков разбегаются в укрытия.

Уже набирая высоту, Мури успел заметить, как бомбардировщик лейтенанта Майса резко пошел вниз, сильно кренясь. Он чуть не врезался в авианосец, упав в море рядом с ним. Никто из их группы так и не понял, что случилось с самолетом Майса. Ни у кого не было времени следить за другими.

«Зеро» продолжали яростно их преследовать, ведя непрерывный огонь. У бомбардировщика Мури была разбита система выпуска шасси, пробиты бензобаки и лопасти винтов, сорвана верхняя кромка плоскости и срезана радиоантенна. Были ранены хвостовые стрелки. Один из них, капрал Мелло, обливаясь кровью, с большим трудом прополз в кокпит и доложил, что самолет горит и в хвосте все ранены. Лейтенант Мури пробрался в хвост, погасил пожар, перевязал раненых и отремонтировал поврежденный пулемет. В какой-то момент Мури и сам подумал, что его самолет сбит, и он твердо решил, что скорее врежется в какого-нибудь японца, чем вот так просто поджарится в самолете. Он сделал движение, чтобы направить машину на корабль противника, но, как это часто случается, последняя унция здравого смысла удержала его руку. В конце концов, истребители исчезли. Уже направляясь к Мидуэю, Мури вспомнил, что так и не прикурил сигарету, которую сунул в рот, когда появились японские истребители. Он обнаружил, что в горячке боя надкусил

и проглотил половину сигареты.

* * *

Лейтенант Огава был поражен огромными белыми звездами на фюзеляжах бомбардировщиков Б-26. Перед тем, как эти странные американские торпедоносцы появились, лейтенант довольно спокойно провел утро, барражируя над ударным соединением вместе с двумя другими «Зеро» со своего авианосца.

Внезапно ведомый Огавы открыл огонь из пулеметов, призывая к вниманию. Огава огляделся и увидел две летящие раздельно группы торпедоносцев, которые появились в просвете между облаками. Все остальные самолеты боевого воздушного патруля также увидели их, и «Зеро» со всех сторон бросились на противника. Большинство ринулось на идущую впереди группу из шести «Авенджеров», остальные, включая звено Огавы, — на четыре других американских самолета. Это были бомбардировщики Б-26 с огромными белыми звездами на фюзеляжах. Экипажи авианосцев с волнением наблюдали, как «Зеро» методично делали заходы на «Авенджеры». Каждый сбитый американский самолет сопровождался на «Акаги» бурей оваций. Это очень напоминало театральную постановку, участники которой демонстрируют свое великолепное мастерство зрителям, — такое чувство было у многих. Ни один «Авенджер» не смог выйти в точку сброса торпед, а пять из шести были сбиты — это ясно было видно с авианосцев.

Другие дело — бомбардировщики Б-26. «Зеро» атаковали их, но у этих машин оказалась

гораздо большая скорость, чем кто-либо мог предположить, и американцы хорошо знали, как ее использовать. Один из самолетов упал, но остальные продолжали нестись прямо на «Акаги». «Хирю» также был в опасности, и на обоих кораблях люди, затаив дыхание, следили за приближением торпед. К счастью, они шли очень медленно. «Хирю» вернулся от торпед без всякого труда — одну из них матросы даже расстреляли из пулемета.

Менее маневренный «Акаги» имел больше неприятностей. В 7.11 капитан 1 ранга Аоки положил руль вправо, идя навстречу приближающимся самолетам. Когда первые торпеды были сброшены, он сделал полный разворот, уворачиваясь от торпеды с правого борта, затем еще один полный разворот, чтобы избежать торпеды с левого борта. Когда Б-26 выходили из атаки, один из них обстрелял палубу «Акаги», убив двух матросов, выведя из строя зенитное орудие № 3 и срезав радиантенну. И всех действительно охватил ужас, когда последний из Б-26 не вышел из пикирования вообще, а вместо этого понесся прямо на мостик «Акаги». Никто не понял, каким образом он промахнулся. В какой-то момент адмирал Кусака подумал, что все кончено — находящиеся на мостике погибнут. Увидев, как самолет мчится прямо на него, адмирал инстинктивно пригнул голову. Но катастрофы не произошло: бомбардировщик пронесся буквально в дюйме от мостика и рухнул в море с другого борта авианосца. У всех на мостике вырвался невольный вздох облегчения, а адмирал Кусака был потрясен. Он считал, что только

японские пилоты способны на такие поступки. Адмирал не знал, кто был этот доблестный американец, но, стоя на мостике «Акаги», молча молился за его душу.

По мнению лейтенант Огава, действия американской авиации не выглядели слишком профессиональными. Между «Авенджерсами» и Б-26 не было никакой координации, торпеды сбрасывались слишком далеко, все самолеты заходили с одной стороны. Неудивительно, что им не удалось добиться ни одного попадания.

Однако, значение атак выходило за рамки того, что было положено знать лейтенанту Огава. Были прекращены все дебаты по поводу того, нужен второй удар по Мидуэю, или нет. Самолеты пришли оттуда — Нагумо больше не нуждался в убеждениях. В 7.15 адмирал приказал перевооружить самолеты второй волны для удара по наземным целям. Это было относительно легко осуществить на авианосцах «Хирю» и «Сорю», поскольку смена бомб на пикирующих бомбардировщиках не представляла особого труда. Но на «Акаги» и «Кага» матросам технического дивизиона пришлось основательно потрудиться. Торпедоносцы поспешно опустили на ангарную палубу, где с них начали снимать торпеды и подвешивать бомбы, надеясь завершить эту работу до возвращения самолетов Томонага.

Работы по перевооружению самолетов были почти завершены, когда неожиданно пришло совершенно потрясающее донесение с гидросамолета № 4, который был запущен в восточном направлении по

двум сторонам 300-мильного треугольника. Молчавший до сих пор самолет в 7.28 внезапно сообщил: «Вижу десять кораблей, очевидно, противника. Пеленг 10, дистанция 240 миль от Мидуэя, курс 150, скорость — свыше 20 узлов».

Американский флот! Итак, он появился в конце концов и был в пределах досягаемости ударного соединения. Если бы Туиги Нагумо был больше философом, нежели адмиралом, он мог бы поразмыслить, насколько роковой была получасовая задержка с вылетом гидросамолета № 4 с крейсера «Тонэ». Не сломайся катапульта и вылети самолет вовремя, Нагумо узнал бы о появлении американского флота еще до того, как Томонага потребовал второго удара по Мидуэю. Тогда бы Нагумо, ни минуты не колеблясь, нанес удар по кораблям противника. Но сейчас, когда этот вопрос встал, нанести удар было не так легко. Торпедоносцы уже стояли на полетной палубе, перевооруженные бомбами для наземных целей.

В 7.45 Нагумо сигналом передал новый приказ по соединению: «Приготовиться к атаке кораблей противника. Оставить торпеды на тех самолетах, где они еще не заменены на бомбы». Следующий шаг зависел от того, какие корабли были у американцев. Донесение пилота с «Тонэ» было раздражающе неопределенным. «Десять надводных кораблей», — действительно, не очень подробные сведения. Были ли среди них авианосцы? Если да, то удар по соединению противника следует нанести немедленно. Если нет, то с ударом можно и подождать. У более чем половины торпедо-

носцев торпеды были уже заменены на бомбы, и если американцы имели лишь крейсера и эсминцы, тогда, по мнению доктора Кусака, следовало нанести сначала второй удар по Мидуэю, а затем уж заняться кораблями. Но чтобы принять окончательное решение, требовалось знать точный состав обнаруженного американского соединения. В 7.47 Нагумо радировал разведывательному самолету: «Установите класс кораблей и продолжайте наблюдение».

Оснований для паники не было никаких. Сил имелось с избытком — нужно было только время. Время, чтобы вновь подвесить торпеды и бронебойные бомбы, если выяснится, что американцы имеют авианосцы. Время, чтобы окончательно перевооружить оставшиеся самолеты бомбами для поражения наземных целей, если все-таки будет нанесен второй удар по Мидуэю. Время, чтобы перегруппировать корабли, которые рассыпались по большой площади, отбиваясь и уклоняясь от атак торпедоносцев противника. Время, чтобы дозаправить и перевооружить самолеты боевого воздушного патруля. Время, чтобы принять самолеты Томонага. И главное, — время, чтобы обдумать и составить реальный план действий.

Нагумо все еще ожидал дальнейших подробностей от разведывательного самолета с тяжелого крейсера «Тонэ», когда в 7.50 звено воздушного прикрытия с авианосца «Сорю» внезапно доложило, что около пятнадцати одномоторных бомбардировщиков противника подходят с юго-востока.

Капрал Юджин Керд чувствовал себя так,

будто ему в живот засунули кусок льда. Одно хорошо, что он летит с таким опытным пилотом, как капитан Флеминг и что их 241-я авиагруппа наконец-то в полете. Шестнадцать пикирующих бомбардировщиков «Донтлес», которые вел майор Гендерсон, приближались к японскому соединению. Другие самолеты эскадрильи — одиннадцать старых пикировщиков «Виндикейтор» — шли отдельно, поскольку были слишком тихоходными, чтобы участвовать в атаке вместе с «Донтлесами».

Несмотря на относительно новые самолеты, у группы майора Гендерсона было достаточно проблем. Тринадцать из шестнадцати летчиков только несколько дней назад начали летать на «Донтлесах». Десять летчиков неделю назад прибыли в эскадрилью, плохо знали друг друга и имели очень мало времени для совместных тренировок. Учитывая общую неопытность группы, майор Гендерсон решил отказаться от пикирования, а прибегнуть к бомбежке с пологого пикирования. Это требовало не столько мастерства, сколько храбрости — при таком способе атаки самолеты более уязвимы.

«Донтлесы» летели сомкнутым строем на высоте девять тысяч футов. Гендерсон шел отдельно, наблюдая за ними, как овчарка за стадом. Еще на дальних подступах группа была перехвачена истребителями, первой жертвой которых стал сам майор Гендерсон. Его самолет вспыхнул и, потеряв управление, упал в море. Принявший командование капитан Эльмер Глайден, выполнив вираж, увел группу в облака. Истребители ринулись за ними, не обращая внимания на яростный ответный

огонь воздушных стрелков. Капрал М. Ф. Ли, летевший с капитаном Блейном, в азарте вел огонь прямо через стабилизатор собственного самолета. Рядовой Чарлз Губер с бомбардировщика лейтенанта Мура обнаружил, что его пулемет намертво заклинило. Командир посоветовал ему продолжать целиться, несмотря ни на что. Губер последовал совету, и эта пантомима позволила держать «Зеро» на почтительном расстоянии.

Сержант Рамсей, летевший с лейтенантом Ролдоу, прибег к другой хитрости. Он знал, что японцы любят использовать одну небрежность, ставшую обычной у стрелков авиации морской пехоты — выкидывать за борт пустые пулеметные обоймы. Заметив это, «Зеро» быстро шли на сближение, пытаясь использовать те тридцать секунд, которые нужны стрелкам для перезарядки пулеметов. Рамсей решил сыграть с японским истребителем в эту игру. Имея полностью заряженный пулемет, Рамсей выбросил за борт банку из-под пива. «Зеро» немедленно приблизился, нарвался на длинную очередь Рамсея, вспыхнул и взорвался в воздухе.

Выскочив из облаков, уцелевшие летчики морской пехоты ринулись на японские авианосцы, стараясь пробиться сквозь стену зенитного огня. Идя в пологое снижение, «Донтлесы» сбрасывали бомбы: лейтенант Ролдоу с высоты четырехста футов, лейтенант Слейдринг с пятисот футов, капитан Флеминг с трехсот футов. Только десять самолетов сумели это сделать. Выходя из атаки, они прижимались к самой воде, спасаясь от атак истребителей и огня корабельных орудий. Летя буквально

в нескольких футах от поверхности воды, лейтенант Ролдоу внезапно увидел огромную башню, торчащую, как казалось, прямо из воды и стреляющую в него. Лейтенант понял, что идет прямо на башню главного калибра японского линкора. Он резко рванул ручку на себя, и «Донтлес» взмыл на две тысячи футов. Когда Ролдоу снизился, на хвосте его снова появился «Зеро». Однако, ничего не случилось. Вероятно, расстреляв весь боезапас, японец случайно только покачал крыльями.

Капитан Флеминг уцелел чудом. Весь кокпит его самолета был продырявлен, ранен стрелок, а он не получил и царапины. Выходя из атаки, Флеминг успел разглядеть авианосец — «чудовищный монстр», ошестинившийся сверкающими шипами зенитного огня.

* * *

Капитан 2 ранга Футида никак не мог понять, что за странные самолеты их атакуют. Они шли слишком низко для бомбардировщиков и слишком высоко для торпедоносцев. Приближаясь в пологом планировании, они давали прекрасный шанс истребителям расправиться с ними. Так и случилось — эти странные американские самолеты один за другим стали падать в море. Но все-таки часть из них прорвалась к «Хирю» и сбросила бомбы. Таичи Макисима, гражданский оператор кинохроники, со страхом наблюдал с мостика «Акаги», как «Хирю» закрылся густыми облаками черного дыма. Казалось, что с авианосцем покончено, но вот «Хирю» появился снова — гордый и неповрежденный. Он шел полным ходом, и поднятая им

волна ярко блестела под лучами солнца. Люди, наблюдавшие с «Акаги», облегченно вздохнули.

На «Хирю» все пережили волнующие минуты, когда капитан 1 ранга Томео Кеку уклонялся от атакующих самолетов. В 8.08 авианосец увернулся от четырех бомб. В 8.12 еще две бомбы легли справа. Корабль трянуло и засыпало осколками. Четыре матроса были убиты, шесть ранено.

Капитан 2 ранга Амагаи наблюдал за боем с мостика авианосца «Кага», когда услышал крик собственных сигнальщиков: «Внимание! Самолеты противника!» Три американских бомбардировщика — то ли отдельное звено, то ли просто по каким-то причинам уклонившиеся от главной цели, — спланировали на них со стороны правого борта и сбросили бомбы, упавшие за кормой корабля.

Затем все кончилось. Ударное соединение продолжало выполнять свою задачу: три американские атаки практически не причинили никаких повреждений. Это вызывало удовлетворение, но в данный момент все мысли адмирала Нагумо были заняты другим. Адмиралу необходимо было знать, что за корабль обнаружил гидросамолет № 4 с тяжелого крейсера «Тонэ». В продолжение всей атаки американских пикирующих бомбардировщиков он с нетерпением ожидал новых сообщений. В 7.58 разведывательный самолет наконец-то снова вышел в эфир, но сообщил лишь о том, что корабли противника изменили курс со 150 на 180 50 0. Штаб Нагумо сторал от нетерпения. Что делать с этими сведениями, если все еще неизвестно, кто им противостоит?

В 8.00 раздраженный Нагумо радировал пило-

ту разведчика: «Сообщите класс кораблей». В 8.09 он наконец получил ответ. В новом сообщении с «Тонэ» говорилось: «Соединение противника состоит из пяти крейсеров и пяти эсминцев».

Итак, авианосцев у американцев не было! На мостике флагманского корабля вздохнули с облегчением. Адмирал Кусака считал, что теперь разумнее нанести второй удар по Мидуэю. Никто не возражал, но теперь это было связано с новыми осложнениями. Три налета американской авиации не причинили ни малейших повреждений кораблям, но заставили их нарушить строй и разойтись в разные стороны. Никакого даже подобия строя не было: авианосцы разбросаны по всему району. В силу этого, для обеспечения им надлежащей защиты, требовалось гораздо больше истребителей, чем обычно. Когда лейтенант Синдо, командир боевого воздушного патруля, исчерпал весь свой резерв, Нагумо начал использовать для этого истребители из состава второй ударной волны. И теперь их оставалось слишком мало, чтобы обеспечить новый налет на атолл.

Разумеется, ничего страшного не случилось, все, что требовалось — немного времени, чтобы перегруппировать корабли соединения, построив их снова в компактный строй «коробочки», и чуть больше времени, чтобы заправить топливом и перевооружить истребители.

Все эти вопросы еще обсуждались в штабе, когда в 8.14 тяжелый крейсер «Тонэ» открыл огонь орудиями левого борта, сигнализируя, что с неба надвигается новая угроза.

Теперь мы должны их увидеть, — сказал полковник Суини своему второму пилоту, ведя стратегические бомбардировщики Б-17 к месту нахождения сил Нагумо. В следующий момент Суини указал на разрыв между облаками — там, на значительном удалении пенились бесчисленные белые буруны, оставляемые кораблями. Открылась панорама огромного скопления надводных кораблей. Казалось, они тянулись бесконечно от горизонта до горизонта. Но где же среди них авианосцы?

Ведя группу, полковник Суини пристально всматривался вниз, но ничего не мог разглядеть. Это было действительно трудно. Никто из армейских летчиков не имел никакого опыта в опознании классов кораблей. Обрывки облаков еще сильнее затрудняли наблюдение. Корабли противника то скрывались под облаками, то снова появлялись из-под них, что было совершенно недостаточно для неопытного взгляда. Кроме того, бомбардировщики Суини шли на высоте двадцать тысяч футов, что также не способствовало наблюдению. В момент подхода тяжелых бомбардировщиков соединение Нагумо еще маневрировало, уклоняясь от атаки авиагруппы Гендерсона.

Первым обнаружил авианосцы капитан Фолкнер, командир одного из Б-17, и сообщил об этом остальным. Звеньями и по одиночке «летающие крепости» стали заходить в атаку. Их встретили дружным зенитным огнем, который оказался малоэффективным на такой высоте. Затем появились «Зеро». Трое из них напали на машину капитана

Фолкнера, прошили ему фюзеляж и повредили мотор № 4. Ни один из японских истребителей, однако, не шел на сближение. Пилоты «Зеро» всегда почтительно относились к «летающим крепостям», и сегодняшней день не стал исключением. Атака истребителей продолжалась минут десять, но не причинила бомбардировщикам каких-либо серьезных повреждений.

Армейские летчики ликовали. Им казалось, что с японцами покончено. Авианосцы противника исчезли в дыму бесчисленных разрывов. Почти все экипажи докладывали как минимум об одном прямом попадании. Хорошо зная своих пилотов, полковник Суини в своем официальном рапорте сильно сократил количество попаданий, но сам был твердо уверен в том, что, по меньшей мере, один авианосец получил тяжелые повреждения или был потоплен.

* * *

Капитан 1 ранга Аоки со страхом наблюдал с мостика «Акаги» за разворачивающимися событиями. Вокруг «Сорю» было столько водяных столбов от падающих бомб, что порой авианосец совершенно исчезал в них. В какой-то момент Аоки показалось, что «Сорю» тонет. «Хирю» также шел весь окутанный дымом и брызгами водяных столбов. Все зенитки вели ответный огонь, но «летающие крепости» шли слишком высоко, чтобы их поразить.

В самый разгар атаки американских тяжелых бомбардировщиков вернулись после удара по Мидуэю самолеты первой волны, в горячке боя никто вначале их не заметил. Теперь они кружи-

лись над своими авианосцами, молясь, чтобы бомбы врага упали мимо. Особенно волновался лейтенант Томонага — из-за пробоины в бензобаке у него кончалось горючее.

В 8.20 «летающие крепости» ушли. «Сорю» и «Хирю», как выяснилось, не получили никаких повреждений. Адмирал Нагумо испытывал удовлетворение: на протяжении часа противник подверг его соединение всем испытаниям, на какие только был способен, но корабли остались невредимыми.

Именно в этот момент — в 8.20 пришло новое сообщение с гидросамолета № 4, который продолжал следить за американскими кораблями: «Колонну противника замыкает корабль, похожий на авианосец».

Это был ошеломляющий сюрприз, которого Нагумо ожидал меньше всего. Сначала, когда самолет с «Тонэ» в первый раз сообщил об американском соединении, адмирал Кусака был почти уверен в том, что авианосец противника где-то поблизости. Но это было пятьдесят две минуты назад. Можно не сомневаться, что, если среди кораблей противника был хоть один авианосец, пилот разведывательного самолета наверняка обнаружил бы его. Невозможно не заметить такую громадину на протяжении столь долгого времени! Однако, с того момента пилот передал несколько донесений, и ни в одном не было даже намека на авианосец. И вот он говорит, что налицо, по меньшей мере, один!

Теперь мысль о повторной атаке на Мидуэй уже никому не приходила в голову. Прежде всего необходимо уничтожить авианосец противника.

Весь вопрос: когда? Атаковать немедленно, или подождать, пока самолеты второй волны вновь будут перевооружены торпедами и бронебойными бомбами? Или не предпринимать ничего, пока не будут заправлены топливом истребители, обеспечивающие воздушное прикрытие соединения? Или, может быть, составить какую-нибудь другую комбинацию из этих возможностей? Пока штаб Нагумо решал эти сложные вопросы, была обнаружена новая группа американских самолетов (пятая за это утро), идущая прямо на них.

На этот раз майор Норрис вел в атаку одиннадцать древних «Виндикейторов». Только что выпущенные из училищ молодые пилоты не понимали всей трагичности ситуации: идти в бой на «Виндикейторах» против соединения Нагумо. Многие из них даже не могли вполне осознать тот факт, что они идут в настоящий бой. В 8.17 в просветах облаков были замечены японские корабли, и почти одновременно на авиагруппу обрушились «Зеро». В крутом вираже майор Норрис увел свою группу в облака. Выйдя из облаков, он увидел линию кораблей, а прямо перед собой — линейный корабль и крейсер. Правда, на горизонте маячил авианосец, но Норрис понял, что ему и его неопытным летчикам никогда до него не добраться. Выбрав линкор, Норрис приказал атаковать его и напомнил своим юнцам, что путь домой лежит по курсу 140 50 0. Майор первым зашел в атаку, остальные последовали за ним. Один за другим летчики морской пехоты снижались до пятисот футов, сбрасывали бомбы и уходили, прижимаясь к воде.

Капитан 1 ранга Такама блестяще управлял линейным кораблем «Харуна». Американцы сбрасывали одну бомбу за другой, но старый линкор ухитрился увернуться от всех. Два близких разрыва были отмечены в 8.29, но командир дивизиона живучести капитан 3 ранга Иосино доложил, что они не причинили никаких повреждений. На мостике «Акаги» адмирал Кусака снова испытал чувство облегчения. В пятый раз они благополучно пережили налет американской авиации. А какое многообразие атак! «Авенджеры», Б-26, «летающие крепости» и эти забавные самолеты, сбрасывающие бомбы с планирующего полета. И, как будто всего этого было недостаточно, — доложили о подводной лодке, рыскающей где-то поблизости. Все это заставило адмирала Кусака вспомнить «Хируко-Дайкокута» — легендарного японского демона с тремя головами и шестью руками.

Последнее донесение самолета № 4 с тяжелого крейсера «Тонэ» требовало принятия быстрого решения в отношении обнаруженного американского авианосца. В 8.30 пилот разведывательного самолета доложил о еще двух крейсерах противника, которые шли примерно в двадцати милях западнее ранее обнаруженных кораблей: это наводило на мысль о наличии в этом районе еще одного оперативного соединения противника. Однако, большинство самолетов второй волны все еще были вооружены бомбами для поражения наземных целей, перевооруженные торпедоносцы находились внизу на ангарных палубах, самолеты

Томонага дожидались разрешения на посадку, истребителям было необходимо заправиться топливом. С чего же начать?

«Считаю целесообразным поднять самолеты второй ударной волны немедленно», — просигналил в 8.31 контр-адмирал Томон Ямагути. Ямагути был командиром 2 дивизии авианосцев («Хирю» и «Сорю»), и для него было непостижимым то, что Нагумо ничего не предпринял до сих пор. Лично он атаковал бы немедленно всеми наличными силами. Неважно, вооружены самолеты бомбами, или торпедами, имеют они истребительное прикрытие, или нет, — все отступало на задний план перед необходимостью нанести удар первыми. Ямагути понимал, что необходимо идти на риск. Поэтому он и передал свой сигнал — неслыханное проявление независимости в рамках железного подчинения, которым славился японский Императорский флот.

Переданное прожектором с «Хирю» сообщение Ямагути было быстро принято эскадренным миноносцем «Новаки» и передано на «Акаги», где было вручено адмиралу Кусака.

Нет, подумал Кусака, если последовать совету Ямагути, это может привести к потере всех самолетов. Если атаковать немедленно, то бомбардировщики и торпедоносцы пойдут в бой без истребительного прикрытия, а это может привести к их гибели. Разумнее, считал Кусака, немного отложить атаку и выполнить все, что необходимо. Сначала посадить самолеты Томонага и истребители из состава второй ударной волны, которые вели

боевое воздушное патрулирование. Перевооружить их все и заправить горючим. И, когда все будет сделано, снова подвесить торпеды и бронебойные бомбы на самолеты второй ударной волны. Такой порядок действий Кусака и порекомендовал Нагумо. Как всегда, Нагумо в конечном счете обратился к капитану 2 ранга Генда. Как думает он?

Генда больше всего беспокоили самолеты, вернувшиеся после удара по Мидуэю и теперь кружащиеся над авианосцами. Они находились в воздухе уже четыре часа и, безусловно, у всех горючее было на исходе. Их нужно было немедленно принять, отложив все другие мероприятия. Если самолеты Томонага начнут падать в море из-за отсутствия горючего, будут потеряны десятки первоклассных пилотов, а это отразится не только на операции против Мидуэя, но и на всех оперативных замыслах, распланированных на много месяцев вперед. В конце концов, речь идет всего о тридцати минутах, необходимых для посадки самолетов. Затем они смогут нанести удар по американскому соединению при поддержке такого количества истребителей, которое будет в состоянии боевой готовности к этому времени. Поэтому Генда тоже был против рекомендации контр-адмирала Ямагути.

Как обычно, когда говорил Генда, дальнейшие дебаты прекращались. На все авианосцы был передан приказ очистить полетные палубы и снова перевооружить самолеты. Закипела работа. Матросы авиатехнических дивизионов работали, как одержимые, стараясь обогнать время. Бомбы для поражения наземных целей снимались с самолетов,

подвешивались торпеды и бронебойные бомбы. Стоящие на полетных палубах самолеты спешно опускали вниз. Снятые бомбы не было времени отправить обратно в погреба. Их просто откатывали в сторону и оставляли лежать на палубах.

После того, как полетные палубы были очищены от самолетов, четыре авианосца развернулись против ветра. В 8.37 на мачте каждого из них был поднят флажной сигнал, разрешающий самолетам Томонага начать посадку.

Первыми совершили посадку поврежденные самолеты, затем, один за другим, все остальные. После налета не вернулось одиннадцать машин. Когда лейтенант Томонага поднялся на мостик «Хирю», чтобы доложить о результатах налета на атолл, он понял, что никто его слушать не собирается. Все были заняты подготовкой к удару по американским кораблям. После того, как Нагумо в довольно резкой форме отказался следовать его советам, контр-адмирал Ямагути пожал плечами и больше не вмешивался в действия командующего, посвятив всю свою энергию перевооружению самолетов, в том числе и вернувшихся с Мидуэя, которые могли бы нанести второй удар по американскому флоту.

На «Акаги» адмирал Нагумо чувствовал себя спокойно. Корабли соединения снова построились в боевой ордер. Постепенно удалось посадить большинство истребителей воздушного прикрытия. Теперь их полностью заправили горючим и перевооружили. Заканчивалось перевооружение самолетов бомбами и торпедами. Вернувшиеся с

Мидуэя самолеты без всяких помех шли на посадку. С тяжелого крейсера «Тикума» были катапультированы четыре разведывательных гидросамолета, чтобы сменить самолет № 4 с «Тонэ» и, таким образом, не спускать с противника глаз.

Между тем пилот разведывательного самолета с «Тонэ» продолжал наблюдение за противником. В 8.55 он радировал: «Десять торпедоносцев противника идет прямо на вас», но это почему-то не произвело ни на кого большого впечатления. Адмирал Нагумо был слишком увлечен планированием удара по кораблям американцев. На «Акаги» замигал прожектор, передавая новый приказ командующего по ударному соединению: «После завершения приема самолетов двигаться в северном направлении. Я планирую обнаружить и разгромить оперативное соединение противника».

О своих намерениях Нагумо доложил адмиралу Ямамото, который находился в четырехстах пятидесяти милях восточнее его. Уложив все сообщения самолета с «Тонэ» в одну радиограмму, Нагумо доложил главкому: «Соединение противника в составе одного авианосца, пяти крейсеров и пяти эсминцев обнаружено в 8.00, пеленг 10, дистанция 240 миль от Мидуэя. Иду на сближение».

В 9.00 был принят последний самолет Томонага, а в 9.17 ударное соединение изменило курс к северо-востоку. Чтобы выиграть время, корабли повернули не последовательно, а «все вдруг». Таким образом, строй принял теперь такой вид: «Хирию» впереди, «Акаги» с правой стороны; «Сорю» впереди, «Кага» — с левой стороны. Все

авианосцы уже доложили о готовности. Самолеты ударной волны стояли на палубах, готовые к взлету: восемнадцать торпедоносцев с «Акаги», двадцать семь — с «Кага», тридцать шесть пикирующих бомбардировщиков с «Хирю» и «Сорю» и двенадцать истребителей со всех четырех кораблей — по три с каждого.

Внезапно, в 9.18, эскадренный миноносец, находившийся рядом с тяжелым крейсером «Тонэ», начал ставить дымовую завесу. Затем то же самое проделал «Тонэ». С одного корабля над другой стали передавать сигнал: «Вижу самолеты противника». Машинные телеграфы передали приказ о максимальном боевом ходе. В восточной части горизонта — примерно в двадцати милях — сигнальщики тяжелого крейсера «Тикума» насчитали шестнадцать торпедоносцев противника (один лишний — самолетов было пятнадцать, но их ошибка вполне объяснима — ни у кого не было времени для точного подсчета). Американские торпедоносцы, не рассыпаясь и не уклоняясь, неслись прямо на соединение Нагумо.

ГЛАВА 7

«ПИЛОТЫ, ПО САМОЛЕТАМ!»

8-я торпедоносная эскадрилья, ведомая капитаном 3 ранга Вальдроном, стремительно приближалась к авианосцам Нагумо.

Нынешнее утро было полно томительного ожидания и ложных тревог, что сильно задержало их вылет с авианосца «Хорнет». Все задержки страшно раздражали, но можно было понять командование, которое никак не могло принять решение на основании скудной информации. Идя на юго-запад, 16-е оперативное соединение адмирала Спрюэнса не имело никаких сообщений, если не считать первого донесения о контакте с противником, ценность которого уменьшалась с каждой минутой. С летающих лодок начиная с 6.02 не поступало никаких новых сообщений. Молчал и Мидуэй, не было ни слова и из штаба командующего флотом в Перл-Харборе.

Но скудная информация все-таки лучше, чем ее полное отсутствие. Предполагая, что японцы продолжают приближаться к Мидуэю, как сообщалось ранее, начальник штаба соединения капитан 1 ранга Майлс Браунинг настаивал на выпуске самолетов в атаку в 7.00. Майлс, доставшийся Спрюэнсу в наследство от Хелси, предполагал, что Нагумо находится сейчас в ста пятидесяти пяти милях от них, то есть, в пределах радиуса эффективного удара. Начальник штаба настаивал, чтобы для удара по японцам была использована вся бомбардировочная и торпедоносная авиация соединения. Спрюэнс колебался. Было большим искушением часть ударной авиации оставить на авианосцах. Ведь в сообщениях о контакте с противником говорилось об обнаружении только двух из четырех авианосцев Нагумо. Спрюэнс не исключал возможности, что два других авианосца находятся

где-нибудь в засаде. Однако, разведка Нимица твердо настаивала, что все четыре авианосца Нагумо пойдут вместе. И Спрюзэнс решил рискнуть.

Тридцать три пикирующих бомбардировщика, пятнадцать торпедоносцев и десять истребителей готовились вылететь с «Энтерпрайза». На «Хорнете» в атаку посылались тридцать пять пикирующих бомбардировщиков, пятнадцать торпедоносцев и десять истребителей. Того, что оставалось на авианосцах для воздушного и противолодочного патрулирования, было явно недостаточно, но на этот риск необходимо было пойти.

Прошло уже пять часов после того, как были подняты летчики, а обстановка все еще оставалась неясной. Две ложные тревоги увеличивали нервозность. Летчики выскакивали на полетную палубу, бежали к своим машинам, выслушивали приказ, отменяющий вылет, и возвращались вниз, ругая на чем свет стоит тех, кто находился на мостике. И снова томительное ожидание...

В 6.45 в помещениях для инструктажа защелкали телетайпы, сообщая обстановку, основанную на перехваченном в 6.02 сообщении. Летчики, нанося обстановку на свои планшеты, одновременно пили специальный прохладительный напиток. Считалось, что если летчика собьют, то после этого напитка он долго не будет испытывать жажды.

«Пилоты, по самолетам!» — третий раз за сегодняшнее утро разнесли громкоговорители боевой трансляции. На полетных палубах «Энтерпрайза» и «Хорнета» заревели запускаемые моторы готовых к взлету машин, голубые дымки выхлопов

относило назад утренним бризом. Авианосцы разошлись. «Хорнет» и его эскорт вышли из строя, «Энтерпрайз» продолжал следовать по курсу. В 7.00 оба корабля резко повернули под ветер. Резкие команды, отмашки флагами — и первые машины с ревом вышли в воздух.

На «Хорнете» капитан 3 ранга Вальдрон сказал своим подчиненным: «Следуйте за мной, ребята! Я выведу вас на японцев».

Поднявшись вслед за своим командиром на полетную палубу, младший лейтенант Гей увидел, как взлетают самолеты с «Энтерпрайза». По плану, они должны были собраться над авианосцем, чтобы лететь вместе для нанесения координированного удара. Пикирующие бомбардировщики, начавшие взлет в 7.06, набирая высоту, кружились над кораблями, строясь по звеньям.

Кружась высоко над «Энтерпрайзом», капитан 3 ранга Уэйд Макклуски, командир объединенной авиагруппы с обоих авианосцев, с нетерпением ждал, когда все назначенные в атаку самолеты поднимутся в воздух. Выпуск самолетов проходил удручающе медленно. Расходуя драгоценное горючее, Макклуски продолжал кружиться над соединением и ждать.

В 7.28 радары «Энтерпрайза» зафиксировали нечто подозрительное в южной части горизонта. Обследовав это направление с помощью мощного оптического дальномера, сигнальщики визуально обнаружили японский гидросамолет, укрывающийся за облаками. Он висел там слишком долго, чтобы надеяться, что он их не заметил. Сомнений

не было — они были обнаружены! К этому моменту в воздух удалось выпустить менее половины назначенных в атаку машин, и шансы застать противника врасплох казались очень проблематичными. Зато стала весьма вероятной угроза удара со стороны японцев. Капитан 1 ранга Браунинг, правда, считал, что пока беспокоиться нечего. Японцы не смогут ничего предпринять, не приняв самолеты, вернувшиеся после удара по Мидуэю. Надо просто поспешить с выпуском своих самолетов. В 7.45 Спрюзэнс понял, что ждать больше невозможно. Торпедоносцы и истребители «Энтерпрайза» еще находились на палубе, и взлет их грозил затянуться. Пришлось отказаться от плана координированного удара и отправить в бой тех, кто успел взлететь, — остальные пойдут следом. С корабля просигналили прожектором капитану 3 ранга Макклуски: «Приступайте к выполнению задачи».

Пикирующие бомбардировщики уже скрылись в юго-западном направлении, когда в воздух вышла 6-я эскадрилья истребителей капитана 3 ранга Джима Грея. Затем начали взлет торпедоносцы «Энтерпрайза», ведомые капитаном 3 ранга Гейном Линдси. Их взлет завершился в 8.06.

Точно в это же время с «Хорнета» взлетела 8-я эскадрилья торпедоносцев Джима Вальдрона. Подобное совпадение по времени может навести на мысль о тщательной координации действий авиагрупп двух авианосцев. В действительности, ничего подобного не было и в помине. Поднявшись в воздух, летчики одной авиагруппы понятия не имели о том, чем занимаются самолеты с «Йорктауна».

Так что, хотя 6-я и 8-я эскадрильи торпедоносцев вылетели одновременно, их действия в воздухе были совершенно не согласованы. Торпедоносцы с «Энтерпрайза» направились вслед за своими пикирующими бомбардировщиками, а торпедоносцы с «Хорнета», развернувшись вправо, пошли более западным курсом.

Обе эскадрильи летели на старых торпедоносцах «Девастейтор». Разница была в том, что в 6-й эскадрилье их было четырнадцать (один торпедоносец сломался в последний момент), а неукротимый Джон Вальдрон вел за собой пятнадцать машин.

Построив свои истребители, Джим Грей огляделся и увидел пятнадцать торпедоносцев, идущих без эскорта. Грей, будучи командиром 6-й эскадрильи истребителей, должен был прикрыть 6-ю эскадрилью торпедоносцев. Не зная, что в этой эскадрилье не хватает одного самолета, Грей решил, что замеченные им пятнадцать машин как раз и являются торпедоносцами с «Энтерпрайза». Он пошел над ними, постепенно продолжая набирать высоту. Перед вылетом он договорился, что будет лететь достаточно высоко, чтобы иметь возможность прикрыть обе группы. В случае необходимости, пусть они ему крикнут по радио: «Быстро вниз, Джим!» И он появится со своей эскадрилей на нужном участке.

Продолжая полет, капитан 3 ранга Грей неожиданно увидел еще одну эскадрилью торпедоносцев, идущую сзади них и все более склоняющуюся к югу. Он постарался занять такую позицию, чтобы прикрыть и их, но расстояние между ними все

время увеличивалось, и в конце концов Грей махнул рукой, сконцентрировав все свое внимание на тех торпедоносцах, что были прямо под ним. Он, конечно, не мог даже представить себе, что ушедшие в сторону четырнадцать торпедоносцев как раз и составляли ту самую 6-ю эскадрилью с «Энтерпрайза», которую должны были прикрыть его истребители.

Внизу капитан 3 ранга Вальдрон вел свою 8-ю эскадрилью в строю двух неправильных клиньев. Последний самолет замыкающего звена вел младший лейтенант Джордж Гей. Торпедоносцы шли между пустынным голубым морем и прерывистыми белыми облаками. Высоко над ними в облаках, немного южнее, шли тридцать пять пикирующих бомбардировщиков и десять истребителей с «Хорнета», которые, догнав эскадрилью Вальдрона, направлялись на юго-запад. То ли в этом районе было больше облаков, то ли они просто уклонились от курса — трудно сказать, но, во всяком случае, никаких попыток установить связь с торпедоносцами не было. 8-я торпедоносная эскадрилья продолжала идти одна. Через некоторое время Вальдрон перестроил свои торпедоносцы. Теперь они летели широким фронтом, внимательно следя за поверхностью океана. Вскоре на горизонте были обнаружены два дымка. Вальдрон сделал правый разворот и покачал крыльями, приказывая своим пилотам следовать за ним. В 9.20 торпедоносцы уже снизились, летя прямо на крейсера и эскадренные миноносцы дальнего кругового охранения Нагумо. Капитан 3 ранга Джон Вальдрон,

будучи по крови наполовину индейцем племени сиу, наверняка обнаружил врага интуицией охотников своего племени. На самом деле, соединение Нагумо было намного севернее того места, где его рассчитывал обнаружить штаб адмирала Спрюэнса, поскольку, уклоняясь от ударов базовой авиации с Мидуэя, японское соединение все больше и больше склонялось к северу.

Вскоре с торпедоносцев увидели три авианосца. Вальдрон выбрал тот, что был слева от него, самый южный из трех, и направился к нему. Остальные самолеты эскадрильи последовали за своим командиром через яростный зенитно-заградительный огонь кораблей охранения. Непосредственно за Вальдроном шел младший лейтенант Грант Титс — бывший лесоруб, за ним несся в атаку младший лейтенант Гарольд Эллисон — бывший страховой агент, сопровождаемый младшим лейтенантом Биллом Эвансом, вчерашним аспирантом из Иельского университета. Не считая Вальдрона, вся эскадрилья состояла из резервистов, призванных всего несколько месяцев назад. И именно потому, что все пилоты 8-й эскадрильи были дилетантами, они, не колеблясь, шли на авианосец прямым курсом, несмотря на то, что до цели было еще целых десять миль.

Неожиданно около двух десятков «Зеро» обрушились на них с яростью, на какую только способны японские пилоты. Один «Девастейтор» сразу вспыхнул и рухнул в море. На всех самолетах воздушные стрелки вели яростный ответный огонь, но даже новые спаренные пулеметы не

могли состязаться с яростью атак истребителей противника. Один из другим торпедоносцы начали падать в море. Но самолет Вальдрона продолжал нестись к цели. Наконец капитан 3 ранга Вальдрон попал в родную стихию торпедной атаки, он был в радостном возбуждении, что чувствовалось по его звенящему голосу, звучащему в наушниках Джорджа Гея. Но тихоходные «Девастейторы» не могли долго противостоять стремительным «Зеро». Гей видел, как два истребителя спикировали на машину Вальдрона. Короткая вспышка взорвавшегося в воздухе торпедоносца — и с их доблестным командиром было покончено. Летя замыкающим, Гей видел, как один за другим гибли его товарищи. Все происходило почти одинаково: широкая полоса огня, шлейф черного дыма и столб воды на месте рухнувшего в море самолета.

Вскоре на цель шли только три торпедоносца — Гей и двое других. В следующее мгновение двое других были сбиты и Гей остался один. Очередь хлестали по машине Гея, пули барабанили по бронеспинке кабины. Его стрелок, Боб Хантингтон, успел сообщить, что ранен, но больше не отзывался. Сам Гей почувствовал, что ранен в руку.

Невероятно, но самолет еще летел. Гей пронесся над эсминцем охранения, направляясь к отчаянно маневрирующему авианосцу, пытавшемуся повернуться к самолету Гея носом, чтобы уменьшить площадь цели. Гей проскочил над носом авианосца, сделал левый разворот и зашел в атаку с левого борта. Все орудия авианосца вели огонь. Воздух вокруг Гея почернел от бесчисленных зе-

нитных разрывов, но младший лейтенант продолжал вести свой разбитый торпедоносец к цели. В восьмистах ярдах от авианосца Гей нажал на кнопку сбрасывателя торпеды, но электроконтакты сброса давно уже были перебиты. Не в силах поднять левую раненую руку, Гей зажал ручку управления между ног, а правой рукой дернул изо всех сил рукоятку ручного сброса торпеды. Он почувствовал благословенный толчок — торпеда пошла в цель. Теперь нужно было уходить. Но Гей был уже слишком близко от авианосца, чтобы успеть развернуться. В этом случае орудия авианосца пропороли бы ему брюхо с дистанции прямого выстрела. Гею не оставалось ничего другого, как продолжать вести машину вперед. Проскочив над полетной палубой авианосца, Гей сделал плавный разворот и полетел вдоль правого борта огромного корабля в сторону кормы. Это был фантастический момент, когда он пролетал мимо островной надстройки авианосца ниже уровня мостика. «Я мог видеть, — вспоминал позднее Гей, — маленького японского капитана, который прыгал вверх и вниз, размахивая руками, — вероятно, посылая мне проклятия». Пролетая над кормовой частью полетной палубы японского авианосца, Гей увидел картину, которая заставила его затосковать по поводу того, что на его самолете нет направленного вперед тяжелого пулемета. Палуба была полна заправляемых горючим самолетов, везде были разбросаны бензошланги. Несколько зажигательных пуль могли бы устроить здесь ад.

Оставив корму авианосца позади себя, Гей

пытался уйти, прижавшись к воде. Но японские истребители были начеку. Еще несколько очередей — и рулевое управление вышло из строя, а Гею обожгло ногу. Самолет полностью вышел из повиновения, и Гей с трудом посадил машину на воду. С пятнадцатым и последним самолетом 8-й торпедоносной эскадрильи авианосца «Хорнет» было покончено.

* * *

А высоко над сценой боя без всякой пользы кружилась 6-я эскадрилья истребителей авианосца «Энтерпрайз».

Капитан 3 ранга Грей должен был обеспечить прикрытие и пикирующим бомбардировщикам Уэйда Макклуски, и торпедоносцам. Подходя к цели, Грей увидел низко идущие облака. Прекрасно — торпедоносцы смогут использовать это прикрытие, как во время боя в Коралловом море, а он прикроет пикирующие бомбардировщики. Если же что-нибудь случится с торпедоносцами, то ему подадут заранее условленный сигнал, и он стремительно ринется вниз.

Примерно в 9.00 торпедоносцы скрылись под облаками, и Грей их больше не видел. Чуть позднее за дальней кромкой облаков Грей узнал белые кильватерные следы японских кораблей. Следя за противником, истребители начали набирать высоту, удивляясь, куда девался капитан 3 ранга Макклуски со своими пикирующими бомбардировщиками. Торпедная атака, полагал Грей, по всей вероятности, закончилась благополучно. Сигнала «Быстрее вниз, Джим!» не подал никто.

Когда «Девастейтор» младшего лейтенанта Гея ударился о воду, его правая плоскость отлетела, а фонарь кабины с шумом захлопнулся. В самолет хлынула вода. Гей отчаянно дергал фонарь. Его охватил страх. Азарт боя — это одно дело, а утонуть — совсем другое. В конце концов, каким-то образом фонарь открылся. Выбравшись наружу, Гей прежде всего кинулся вытаскивать своего стрелка-радиста Боба Хантингтона, но быстро понял, что тот убит. Самолет быстро затонул. Гей надул свой спасательный жилет и огляделся вокруг. Он увидел, что всплыла резиновая спасательная лодка. Воздух из нее вышел и она висела мешком. Затем всплыла подушка с сиденья стрелка. Уцепившись рукой за полузатопленную лодку, Гей укрепил подушку на голове, чтобы его не было видно с воздуха — «Зеро» безжалостно расстреливали в воде сбитых американских летчиков. Оказавшись в самом центре соединения Нагумо, младший лейтенант Гей — единственный оставшийся в живых из всей 8-й эскадрильи — стал наблюдать из воды за развивающимися событиями, молясь, чтобы его не заметили.

В 9.36 на «Акаги» отдали приказ прекратить огонь — истребители сбили последний американский торпедоносец. Их атака заставила немного поволноваться за «Сорю», но не более. С точки зрения японских летчиков, тактика американцев была примитивной. Они шли без истребителей, с одного направления, одним курсом и сбрасывали торпеды слишком далеко от цели.

Итак, шестая американская атака за это утро была отбита. Но времени порадоваться этому обстоятельству не было, поскольку в 9.38, всего через две минуты после прекращения огня, были обнаружены новые самолеты противника — четырнадцать торпедоносцев, подходящих с юга.

* * *

К удивлению капитана 3 ранга Линдси, японцы оказались севернее, чем предполагалось. К счастью, его 6-я эскадрилья торпедоносцев шла ниже облаков на высоте тысяча пятьсот футов, что было достаточно для обнаружения кильватерных следов японских кораблей на удалении в тридцать миль. Линдси дал сигнал — и четырнадцать торпедоносцев сделали широкий разворот вправо, чтобы выйти в атаку точно с юга.

Но где же остальные самолеты с «Энтерпрайза»? Их должны были прикрыть истребители Джима Грея, но они куда-то исчезли, их никто не видел после взлета. А исчезновение пикирующих бомбардировщиков Уэйда Макклуски вообще было непонятно. Они вылетели первыми, были гораздо быстрее и должны были ожидать торпедоносцы над целью. Однако, у «Девастейторов» уже не оставалось горючего, чтобы искать пикирующие бомбардировщики или ждать их.

В 9.40 Линдси стал снижаться, нацелившись на ближайший авианосец. Приближаясь к цели, Линдси приказал своим самолетам разделиться по семь и попытаться зайти в атаку с обоих бортов. В плане Линдси было только одно слабое место: дряхлые — тихоходные торпедоносцы «Девастей-

тор», на которых летел он и его люди. Слишком много времени требовалось им, чтобы покрыть расстояние, отделяющее их от японских авианосцев. А истребители «Зеро» прекрасно использовали это время. Перехватив торпедоносцы в пятнадцати милях от своих кораблей, двадцать пять истребителей противника стремительно спикировали сверху на тихоходные «Девастейторы». И снова объятые пламенем торпедоносцы начали падать в океан. Но в 9.58 четыре из них все-таки прорвались к цели, остальные, включая командира эскадрильи, были сбиты. Сбросив торпеды с дистанции семьсот ярдов, четыре оставшихся самолета 6-й торпедоносной эскадрильи стали уходить на полной скорости, прижимаясь к воде. Почему-то никто не воспользовался заранее условленным сигналом для связи с истребителями Грея: «Быстрее вниз, Джим!» Возможно, сигнал был послан, но не принят. Возможно, командир эскадрильи, сбитый одним из первых, не успел его дать, а возможно, Линдси, не видя никаких следов истребителей на своем пути к цели, полагал, что их нет в районе боя.

А высоко над облаками продолжала кружиться эскадрилья истребителей Джима Грея. Сигнала от торпедоносцев не было, но если они будут нуждаться в помощи, то дадут его. Грея все более и более беспокоили пикирующие бомбардировщики Макклуски. Куда они могли подеваться? Грей пытался несколько раз вызвать Макклуски по радио, но ответа не было. Он взглянул на указатель расхода горючего и был потрясен: стрелка уже перевалила за половину шкалы. Это означало, что его

истребители ничем не смогут помочь пикирующим бомбардировщикам, даже если те появятся. У них не хватит горючего, чтобы вступить в бой с «Зеро». В 9.52 Грей снова попытался связаться с Макклуски по радио. Ответа не было.

Теперь уже было настолько мало горючего, что ничего нельзя было предпринимать вообще, кроме как вернуться на авианосец. Конечно, можно было обстрелять авианосцы с бреющего полета, но если еще придется потратить горючее на набор высоты после атаки, то до «Энтерпрайза» не дотянуть. А результаты обстрела вряд смогут оправдать этот риск. Взвесив все за и против, Грей решил, что разумнее вернуться на авианосец и дозаправиться топливом. Примерно в десять часов, когда 6-я эскадрилья торпедоносцев, истекая кровью, пробивалась к японским авианосцам, 6-я эскадрилья истребителей повернула домой.

Капитан 1 ранга Окада блестяще управлял авианосцем «Кага», уклоняясь от сброшенных американскими самолетами торпед. Примерно в десять часов все уже кончилось, и соединение Нагумо поспешило на северо-запад со скоростью 24 узла. Адмирал Нагумо планировал в 10.30 нанести удар по обнаруженному американскому авианосцу, а за это время хотел сблизиться с противником. Нагумо доложил адмиралу Ямамото об утренних событиях и об обнаружении американского оперативного соединения, в состав которого входит авианосец. «После его разгрома, — докладывал Нагумо главкому, — мы возобновим атаки на Мидуэй».

Адмирал Нагумо, однако, ни словом не упо-

мянул о двух последних атаках «Девастейторов», возможно, полагая, что они также вылетели с Мидуэя. Но какое это в конце концов имеет значение? Они уже отбили семь атак американской авиации. Зачем утомлять главнокомандующего подробностями?

* * *

Тридцать пять пикирующих бомбардировщиков и десять истребителей с авианосца «Хорнет» находились в полете уже более часа, а никаких признаков, говорящих об обнаружении японцев, не было. Капитан 2 ранга Стен Ринг вел самолеты точно, как было приказано, и они шли 155 миль, не уклоняясь ни на дюйм. По пути они потеряли свои торпедоносцы, но вся остальная авиагруппа держалась вместе. Выйдя в условную точку перехвата противника, они не обнаружили там никаких кораблей. Куда же девались японцы? Может быть, повернули на север? Или, скорее всего, на юг, ближе к Мидуэю? Ведь главная их задача — захват атолла. Стен Ринг, сделав левый разворот, направился на юг, ведя за собой три эскадрильи — 8-ю бомбардировочную, 8-ю разведывательную и 8-ю истребительную. Не долетев всего шестьдесят миль до Мидуэя, Ринг понял, что японцев на этом направлении нет. Нужно было возвращаться на «Хорнет», пополнить запасы горючего и вылетать снова. Авиагруппа разделилась — каждая эскадрилья возвращалась на корабль самостоятельно.

* * *

Младший лейтенант Билл Питтман с тревогой глядел на расходомер горючего. Стрелка уже про-

шла половину пути к нулю, а ведущий группы капитан 3 ранга Уэйд Макклуски, кажется, собрался вести свои бомбардировщики через весь Тихий океан.

Пикирующие бомбардировщики авианосца «Энтерпрайз» находились в полете уже более двух часов, а никаких признаков противника не было.

Билл Питтман летел рядом с бомбардировщиком Макклуски, с другой стороны от ведущего шел «Донтлес» Дика Джеккарда, а позади ведущей тройки на разных высотах шли двадцать восемь пикирующих бомбардировщиков 6-й бомбардировочной и 6-й разведывательной эскадрилий «Энтерпрайза». По пути два бомбардировщика сделали вынужденную посадку на воду из-за поломок мотора, и младший лейтенант Тони Шнейдер чувствовал, что ему суждено быть третьим. Его мотор сильно дымил, безбожно пожирая горючее. Однако, Шнейдер безупречно держался в строю, но, как и все остальные пилоты, хотел бы знать, собирается ли Макклуски вообще поворачивать обратно?

Капитан 3 ранга Макклуски не понимал, что происходит. Они летели точно, как было приказано, — курс 240 50 0, дистанция сто пятьдесят пять миль. Однако, когда в 9.20 они подошли к точке перехвата, море внизу было совершенно пустынным. В поле видимости не было ни одного корабля. Макклуски еще раз проверил свой штурманский расчет: ошибки не было. Не пропустили ли они японцев по дороге? Это было маловероятно. Погода стояла прекрасная. Правда, отдельные облака проплывали внизу, но они не могли скрыть под собой весь японский флот. Так куда же девал-

ся противник? Может быть, южнее — где-нибудь между ними и Мидуэем? Нет. Допуская, что максимальная скорость их передвижения — двадцать пять узлов, Макклуски понимал, что японцы не могли уйти далеко на юг. Скорее всего, они ушли на север. Что же делать?

Макклуски развернул авиагруппу на юго-запад. Они пролетели тридцать пять миль, но никаких признаков японского флота не было. Макклуски был убежден, что дальше «вниз» со своего курса японцы уйти не могли. Значит, они на севере. Он снова развернул бомбардировщики и повел их назад — на северо-запад.

Макклуски хорошо понимал, что его бомбардировщики, идущие с полной бомбовой нагрузкой на высоте двадцать тысяч футов в течение более двух часов, израсходовали уже более половины горючего. Даже он израсходовал его достаточно, а ведь другие были гораздо менее опытными летчиками. В итоге, Макклуски решил вести поиск на северо-западе до 10.00, а затем, как это ни обидно, возвращаться на «Энтерпрайз». Тридцать один пикирующий бомбардировщик продолжали полет. Внизу искрился на солнце пустынный океан. Стрелка расходомера горючего на самолете Тони Шнейдера дрожала около нуля.

* * *

Пока пикирующие бомбардировщики с «Хорнета» и «Энтерпрайза» вели поиск противника, адмирал Флетчер на «Йорктауне» пытался принять оптимальное решение. Его очень волновал тот факт, что летающие лодки доложили только о

двух японских авианосцах. А где же еще два? Флетчер решил пока задержать вылет с «Йорктауна», надеясь, что время сможет пролить больше света на обстановку. Но время ничего нового не принесло. В 6.45 авианосец принял самолеты-разведчики, продолжая следовать малым ходом позади «Энтерпрайза» и «Хорнета», которые в 7.00 доложили о начале взлета их авиагрупп.

Адмирал Флетчер продолжал томиться на мостике «Йорктауна» в надежде получить новую информацию об авианосцах противника. В итоге в 8.38 он понял, что ждать больше нельзя. В любую минуту с бескрайней высоты голубого неба на него могли обрушиться японские самолеты, а меньше всего адмиралу хотелось быть пойманным со всеми своими самолетами на палубе. Но два обнаруженных японских авианосца продолжали тревожить Флетчера. Всего месяц назад в Коралловом море адмирал уже был в подобной ситуации. Тогда, действуя на основании неточной информации о контакте, он бросил всю свою авиагруппу на маленький японский авианосец «Сехо», в то время как два больших ударных авианосца «Секаку» и «Дзуйкаку» остались обнаруженными. Это еще счастье, что они тогда не нанесли удара по нему. Флетчеру совсем не хотелось подвергаться подобному риску снова. В конце концов Флетчер пришел к следующему решению: отправить в бой 3-ю бомбардировочную и 3-ю торпедоносную эскадрильи, а также шесть истребителей из 3-й истребительной эскадрильи, а 5-ю разведывательную эскадрилью и остатки истребителей оста-

вить на всякий случай на авианосце. Штабные пытались переубедить командующего, но тот был тверд.

В 8.40 боевые громкоговорители разнесли команду: «Пилоты! По самолетам!» И в 8.45 начали взлет двенадцать торпедоносцев капитана 3 ранга Месси. Затем капитан 3 ранга Макс Лесли повел на взлет свои семнадцать пикирующих бомбардировщиков. Бомбардировщики набрали высоту, сделали круг над «Йорктауном» и заняли место позади торпедоносцев. Последними в 9.05 вылетели шесть истребителей капитана 3 ранга Тэча. Когда авиагруппа легла на заданный курс, экипажи кораблей 17-го оперативного соединения долго махали им вслед, а прожектор тяжелого крейсера «Астория» промигал: «Хорошей охоты и счастливого возвращения».

Через пять минут после вылета Джон Тэч был ошеломлен видом гигантского взрыва, поднявшегося из воды прямо под его истребителем. Это могла быть только бомба, случайно сброшенная кем-то из бомбардировщиков. Высоко над истребителями Тэча капитан 3 ранга Макс Лесли сжал кулаки в бессильной ярости. Он дал сигнал своей эскадрилье поставить бомбы на боевой взвод, но, когда сам включил новый электроконтактор взвода, то из-за какой-то неисправности в цепи сработал сбрасыватель, и бомба упала в океан. Лесли посоветовался со своим стрелком Биллом Галлахером: может быть, вернуться и подвесить новую бомбу? Галлахер, как всякий матрос, не очень любил нагоняи, поэтому ответил командиру, что на авианосце вряд ли придут в восторг от их

возвращения. Лесли согласился, и они продолжали полет. Через минуту еще один пилот эскадрильи, пытаясь использовать новый контактор, также потерял бомбу. Лесли решил пойти на нарушение радиомолчания и предупредил пилотов, чтобы те не пользовались новыми контакторами. К счастью, Лесли не знал, что еще два пилота его эскадрильи потеряли свои бомбы и что из семнадцати бомбардировщиков вооруженными остались тринадцать. Но у Лесли и без этого хватало переживаний. Он — командир и единственный профессиональный военный эскадрильи, чья вся предыдущая жизнь была подготовлена к этому дню, идет в бой без бомб. Однако, Лесли и на секунду не приходило в голову выйти из боя. Эскадрилья пикирующих бомбардировщиков — это очень тонкий механизм, требующий исключительной точности в управлении. И Лесли решил, что поведет свою эскадрилью в любом случае и первым спикирует на цель так, как будто ничего не случилось.

Самолеты «Йорктауна» продолжали полет, летя поэскадрильно, на разных высотах, Ниже всех, на высоте тысяча пятьсот футов, шли торпедоносцы, несколько выше — пикирующие бомбардировщики, выглядевшие крошечными черточками на высоте шестнадцать тысяч футов.

В 10.00 с торпедоносцев заметили три клуба дыма, поднимавшихся в небо далеко, в северо-западной части горизонта, на дистанции примерно тридцать-сорок миль. Торпедоносцы немедленно повернули в том направлении, слегка увеличив высоту для лучшего наблюдения. Заметив поворот

торпедоносцев, повернули и истребители с бомбардировщиками, хотя визуально они еще ничего не обнаружили. Лесли снова рискнул нарушить радиомолчание, запросив Месси, обнаружил ли тот противника. Ответа не было, но в 10.05 Лесли потерял из видимости торпедоносцы, но зато теперь мог очень хорошо их слышать. Месси включил радио и отчаянно вызывал истребительное прикрытие. Его торпедоносцы уже шли над кораблями дальнего кругового охранения Нагумо, которые находились примерно в пятнадцати милях от авианосцев. Именно в этот момент они и были перехвачены истребителями. Как всегда, «Зеро» появились внезапно и прежде чем один из пилотов, главстаршина Уильям Эсдерс, понял, что происходит, пули прошили его кабину, взорвав пожарный огнетушитель. Кабина заполнилась пеной и газом. Открыв фонарь, Эсдерс жадно глотнул свежего воздуха. Между тем, Месси стремительно пошел вниз. Главстаршина Эсдерс и уорент-офицер Гарри Корл вели свои машины вслед за командиром, образовав ведущее звено эскадрильи. За ними звеньями по три машины шли остальные самолеты. «Зеро» не оставляли их ни на секунду, делая заход за заходом на неуклюжие «Девастейторы».

Эскадрилья шла теперь на нижнем пределе своего потолка — на высоте всего сто пятьдесят футов. Месси выбрал ведущий авианосец — самый северный из всех — и разделил свои торпедоносцы так, чтобы с каждого борта в атаку зашло по шесть машин. Когда до японского авианосца оставалось около мили, самолет капитана 3 ранга Месси

был подбит. Все еще летя рядом, главстаршина Эсдерс видел, как его командир, теряя высоту, шел на обрубке крыла. Затем пламя внезапно охватило ведущий торпедоносец, и он рухнул в море. Эсдерс понял, что теперь он должен вести эскадрилью. Уже было невозможно передать командование следующему по званию офицеру.

В семистах ярдах от авианосца Эсдерс сбросил торпеду и резко бросил самолет вправо, проскочив почти буквально над самым авианосцем. Он заметил, как четыре других «Девастейтора» также сбросили торпеды и один из них врезался в воду почти у самого авианосца. Эсдерс не знал, что случилось с остальными. Он знал только, что в ходе этой атаки десять из двенадцати самолетов 3-й торпедоносной эскадрильи были сбиты, и вернуться на авианосец удалось только ему и Корлу.

Находясь на тысячу футов выше, Джон Тэч мало чем мог помочь торпедоносцам. Он слышал сигнал Месси о помощи, но как раз в этот момент целая орда «Зеро» набросилась на его истребители. «Было такое впечатление, — вспоминал позднее Тэч, — что мы угодили в осиное гнездо». Истребителям пришлось защищать самих себя, предоставив торпедоносцы собственной судьбе.

* * *

Лейтенант Огава, кружась в боевом воздушном патруле над авианосцем «Акаги», чувствовал, как он устал за это утро. Особенно трудными были две последних атаки торпедоносцев противника. Они лучше маневрировали, сбить их было сложнее, и для борьбы с ними пришлось стянуть

вниз все воздушное прикрытие соединения. Теперь уже никого не осталось для патрулирования на больших высотах.

Строй авианосцев снова нарушился. С мостика «Акаги» капитан 1 ранга Аоки долгое время не мог разглядеть авианосец «Хирю» — тот был где-то в туманной дымке не горизонте. «Кага» и «Сорю» хотя и были в поле видимости, но дистанция между ними увеличилась с предписанных тысячи пятисот ярдов до шести тысяч. В 10.10 ударное соединение получило приказ идти на восток, но через минуту флагманский авианосец «Акаги» вынужден был изменить курс на северо-запад, уклоняясь от новой атаки торпедоносцев. Строй соединения окончательное пришел в беспорядок. При этом, все как-то забыли о рыскавшей вокруг подводной лодке противника, первое донесение о которой поступило с эскадренного миноносца «Араси» еще в 9.10. Эсминец стал преследовать лодку, сбрасывая глубинные бомбы, и теперь потерялся из вида где-то за горизонтом.

Однако, это утро вполне можно было назвать удачным. В 10.15 последняя группа атакующих торпедоносцев была почти полностью уничтожена, как и все предыдущие, и тем самым была отбита уже восьмая атака американской авиации. А между тем, все работы по перевооружению и заправке самолетов подошли к концу. Девяносто три готовых к вылету машины, ожидая сигнала, стояли на полетных палубах. Удар по американскому флоту было решено нанести, как и планировалось, в 10.30.

В 10.20, до того, как была отбита последняя

атака торпедоносцев, адмирал Нагумо отдал приказ начать подъем самолетов в воздух. Огромные корабли начали разворачиваться под ветер.

На авианосце «Кага» главстаршина Моринога стоял с группой пилотов на полетной палубе, позади центрального самолетоподъемника. Они все должны были принять участие в предстоящем ударе по американскому флоту, но, пока время их вылета еще не наступило, им было приказано с мостика взять на себя роль наблюдателей. Теперь пилоты внимательно изучали небо — чистое, лишь местами усеянное облаками.

Никто не мог сказать, кто из них увидел это первым. Внезапно пилоты, как по команде, принялись указывать в одном и том же направлении. Их внимание привлекло нечто, что падало с голубого неба наподобие крошечных бусинок, сорвавшихся с нитки. В один голос они закричали на мостик: «Пикирующие бомбардировщики противника!!!»

ГЛАВА 8

«НЕ ДАЙТЕ ЭТОМУ АВИАНОСЦУ УЙТИ!»

У Тони Шнейдера горячее было на исходе, в бензобаках Билла Питтмана его оставалось только для возвращения на «Энтерпрайз». Нервы у всех пилотов были напряжены до предела, но капитан 3 ранга Уэйд Макклуски упрямо продолжал полет. Он был уверен, что японцы где-то здесь,

хотя он по-прежнему ничего не видел. Было 9.55. Все понимали, что, если ничего не будет обнаружено в течение ближайших пяти минут, Макклуски должен будет повести их обратно — или они вообще не вернутся на авианосец.

Внезапно далеко внизу Макклуски увидел одинокий корабль, идущий полным ходом на северо-восток. Макклуски решил, что этот корабль выполняет роль связного в условиях радиомолчания между силами вторжения и ударным соединением Нагумо. Капитан 3 ранга изменил свой курс согласно курсу обнаруженного корабля, остальные пикировщики последовали за ним.

В действительности замеченный корабль не был связным — это был эскадренный миноносец «Араси» из состава охранения авианосцев Нагумо. Отделившись от соединения для преследования американской подводной лодки, эсминец сбросил на нее несколько глубинных бомб и сейчас пытался догнать соединение. Хотя капитан 3 ранга Макклуски слегка ошибся в определении задачи корабля, его вывод был правилен на 100% — курс корабля выводил бомбардировщики прямо на авианосцы Нагумо.

В 10.05 младший лейтенант Питтман, летевший рядом с Макклуски, не отрывая взгляда от расходомера горючего, заметил жест командира, показывающего вперед. Там, на расстоянии примерно тридцать пять миль, немного левее их курса, он заметил белые кильватерные следы. Летевший дальше сзади лейтенант Билл Робертс также увидел их — на первый взгляд, они выглядели «из-

вивающимися белыми змеями на голубом ковре».

Для младшего лейтенанта Шнейдера это была особенно приятная картина. Он был уже без горячего и полагал, что эти корабли свои. Это, действительно, казалось вполне логичным: самолеты «Энтерпрайза» находились в воздухе уже три часа, и было вполне естественно, что капитан 3 ранга Макклуски, не обнаружив противника, привел их домой. В этот момент мотор Шнейдера сделал последний хлопок и заглох. Начав планирование вниз прямо на корабли, младший лейтенант с удивлением заметил среди них линкор. Американцы не имели линкоров в районе боя. Тони Шнейдер не нуждался в дальнейших разъяснениях. Он резко развернул бомбардировщика к югу, надеясь теперь сесть на воду как можно дальше от этих кораблей.

Теперь капитан 3 ранга Макклуски уже хорошо видел все соединение противника. Оно шло строем огромного круга с четырьмя авианосцами в центре. Двое из них были достаточно близко друг от друга... третий — восточнее... четвертый — далеко от них, в северной части горизонта. Более всего интриговало Макклуски то обстоятельство, что его бомбардировщикам никто не мешал. В воздухе не было истребителей, не было и заградительного огня зенитной артиллерии; но было видно, что все корабли японского соединения отчаянно маневрируют.

Макклуски вел свои бомбардировщики слишком высоко, чтобы увидеть, что корабли противника уклоняются от атаки торпедоносцев, действу-

ющих далеко внизу. Но факт оставался фактом: бомбардировщикам никто не мешал. Такой момент упустить было нельзя. Макклуски, нарушив радиомолчание, доложил о контакте на «Энтерпрайз» и распределил цели между своими двумя эскадрильями. 6-я разведывательная эскадрилья лейтенанта Эрла Галлахера шла справа, немного выше его, а 6-я бомбардировочная эскадрилья лейтенанта Ричарда Беста — немного ниже, сзади. Приближаясь с юго-запада, Макклуски имел два авианосца противника прямо по курсу своего движения. Ближайший из них — тот, что был слева, — он решил атаковать вместе с эскадрильей Галлахера. Второй же, что был справа — отдать Диду Бесту. Однако, по каким-то причинам, Бест не услышал приказа командира, и, будучи замыкающим строй, он полагал, что его эскадрилья должна атаковать ближайшую цель, как обычно практиковалось. Приняв такое решение, Бест отдал соответствующий приказ своей эскадрилье. Но теперь Макклуски не услышал этого сообщения. Обе эскадрильи приближались к точке выхода в атаку, готовясь нанести удар по одному и тому же авианосцу.

Когда серией сверкающих молний самолеты лейтенанта Беста ринулись вниз, Макклуски с 6-й разведывательной эскадрильей вначале последовал за ними, но, поняв, что его план атаки нарушен, вышел из пике и просигналил самолетам Галлахера, чтобы они сделали то же самое и шли на следующий авианосец, который был восточнее. Однако, сигнал Макклуски приняли и летчики эскадрильи Беста. В итоге, 2-е и 3-е звенья этой эскадрильи

также последовали за командиром авиагруппы, оставив в распоряжении Ричарда Беста всего пять машин, в то время, как за стремительно пикировавшим вниз Макклуски шло двадцать пять пикировщиков. Какие-то невероятные секунды казалось, что авианосец не замечает их. Огромный корабль шел против ветра, по-видимому, готовясь к выпуску самолетов. Бомбардировщик капитана 3 ранга Макклуски был уже на высоте две тысячи футов, когда его наконец заметили. Тогда с авианосца раздалось несколько очередей зенитных автоматов, но это было все, что японцы успели сделать.

На высоте тысяча семьсот футов Макклуски рванул бомбосбрасыватель и стал резко выводить машину из пики. Один за другим все двадцать пять пикирующих бомбардировщиков делали то же самое, и, казалось, под ними разверзся ад. Море огня, летящие во все стороны осколки, обломки разбитых самолетов — каждый пилот вынес из боя свои собственные впечатления в тот момент, когда он сбрасывал свою бомбу. Но через мгновение уже другой летчик выходил в точку сбрасывания, и новый взрыв совершенно менял предыдущую картину. Никто не видел всего целиком, и не было двух человек, которые бы впоследствии рассказали бы одно и то же.

Капитан 3 ранга Макклуски, пикировавший первым, видел совершенно не поврежденную полетную палубу с самолетами, стоявшими в полной готовности к вылету на корме. Эрл Галлахер, пикировавший четвертым, заметил столбы воды от двух близких разрывов и взрыв собственной бомбы,

разорвавшейся среди стоявших на палубе самолетов. Младший лейтенант Клайс, пикирующий седьмым, видел уже море огня, бушевавшего на корме авианосца, но совершенно не поврежденный центр полетной палубы с нарисованным на ней красным кругом. Именно в этот круг и угодила его бомба.

Так все и продолжалось до младшего лейтенанта Голдсмита, пикировавшего последним. Голдсмит ясно видел, как авианосец, который теперь представлял из себя пылающий остов, пытался маневрировать в отчаянной попытке избежать дальнейших попаданий.

В этот же момент Дик Бест атаковал второй авианосец. За ним шли только пять самолетов его собственного звена, но сделать уже ничего было нельзя. «Ребята! Не дайте этому авианосцу уйти!» — крикнул Бест по радио и кинул машину в крутое пике. Несколько восточнее он заметил третий авианосец, а дальше, на севере — четвертый. Бесту показалось, что третий авианосец также находится под ударом, но убедиться в этом не было времени. Все его внимание сосредоточилось на том авианосце, что был под ним. Бест был прямо над целью. Невероятно, но атака Макклуски, казалось, нисколько не взволновала японцев. Зенитного огня не было, авианосец держался на своем прежнем курсе, идя под ветер и готовясь к выпуску самолетов. Сколько раз Бест мысленно представлял себе этот момент, и вот он, наконец, настал — в виде стремительно приближающейся желтой полетной палубы с большим красным кругом посередине. Лейтенант следил за полетной палубой в прицел,

наметив точку, захватывающую мостик и центр полетной палубы. На высоте три тысячи футов он заметил, как в линзе прицела проскочил самолета — взлетающий внизу истребитель. За Бестом неслись в атаку четыре самолета его звена.

Позднее его летчики рассказывали, что никогда не видели более стремительного и крутого пикирования, чем то, что демонстрировал тогда Дик Бест. Они даже беспокоились, сможет ли Бест вывести машину из такого пике. Но Бест продолжал пикирование, пока точно не понял, что не промахнется. Тогда, в последнюю секунду, он сбросил бомбу. Затем лейтенант резко, со скольжением и сносом в сторону, начал выводить машину из пике, чтобы иметь возможность наблюдать за происходящим внизу. Он всегда мечтал, что не пропустит момент попадания своей первой бомбы, и увидел, как сброшенная им бомба разорвалась на полетной палубе рядом с островной надстройкой. Две другие попали в корму авианосца, одна разорвалась рядом с бортом. Бест ясно видел, как на охваченных пламенем самолетах, стоявших на полетной палубе авианосца, начали рваться подвешенные бомбы и бензобаки. Это было фантастическое зрелище, подобное извержению вулкана. И снова не нашлось двух человек, которые бы рассказали одно и то же. Сам Бест «ясно и определенно видел», что островная надстройка атакованного им авианосца находилась с правой стороны, однако, пикировавший пятым Билл Робертс с полной уверенностью утверждал, что «остров» был слева.

Выходя из атаки, Бест снова поймал взглядом

третий авианосец, на который он обратил внимание еще перед пикированием. Беста ошеломило то, что и этот авианосец был охвачен пламенем и представлял из себя окутанную огнем и клубами дыма развалину. Кто-то здорово потрудился, потроша его!

* * *

Капитан 3 ранга Макс Лесли направил свой самолет на самый восточный из всех трех авианосцев, на которые он вывел свою 3-ю бомбардировочную эскадрилью. Самолеты с «Йорктауна» уже пятнадцать минут как обнаружили японский флот, но Лесли медлил, пытаясь установить связь с торпедоносцами Месси, чтобы скоординировать с ними всю атаку. Месси не отвечал. Тогда в 10.25 Лесли похлопал себя по голове — обычный сигнал, означающий «за мной!» — и ринулся вниз с высоты четырнадцать тысяч пятьсот футов. Он шел прямо на цель, и можно не сомневаться относительно тех чувств, которые его охватили, — ведь он пикировал на противника без бомбы. Но еще оставались пулеметы, и с высоты десять тысяч футов он открыл огонь, целясь в мостик авианосца. Но на высоте четыре тысячи футов пулеметы заклинило. Теперь Лесли остался совершенно безоружным, но продолжал пикирование. Это было лучшее пикирование за всю его службу, и, только поняв, что дальше вниз уже идти нельзя, Лесли вышел из атаки, показав своим летчикам, с какого места им следует сбрасывать бомбы.

Лейтенант Хоммберг, пикирующий вторым, решил, что большой красный круг в центре полетной

палубы авианосца является великолепной точкой наводки, и он не спускал с него взгляда. Авианосец все еще держался своего курса, и с высоты две тысячи пятьсот футов Хоммберг нажал кнопку электросбрасывателя, а для большей уверенности рванул и рукоятку ручного сброса бомбы. Выходя из пикирования, лейтенант услышал в наушниках ликующий рев своего стрелка-радиста Лепланта, кричавшего, что их бомба попала в цель. Хоммберг сделал разворот влево и взглянул вниз. Огромные клубы оранжевого, черного и грязно-серого дыма поднимались из центра полетной палубы корабля.

Один за другим пилоты 3-й эскадрильи пикировали, сбрасывали бомбы и выходили из пикирования. И каждый из них видел внизу что-либо свое, непохожее на то, что видели другие. Многие видели разлетающиеся обломки полетной палубы и самолетов. Было ясно, что этот авианосец, по крайней мере, в этом бою, уже никому не причинит беспокойства. Видя охваченный с носа до кормы пламенем авианосец, последние четыре пилота 3-й эскадрильи решили не тратить на него бомбы. Поэтому двое из них атаковали «крейсер» (в действительности, эсминец), а двое — идущий сзади авианосца линкор.

Выйдя из боя, капитан 3 ранга Лесли направился в точку сбора для возвращения на авианосец. Он покружил там минут десять, ожидая других самолетов, но появился только один из них. Остальные, вероятно, отправились домой самостоятельно. Ожидая своих летчиков, Лесли с удовольствием наблюдал, как взрывы продолжают состря-

сать авианосец, атакованный его 3-й эскадрильей. Затем, внезапно, он увидел, как примерно в 10-12 милях западнее пылают, окутанные клубами черного дыма, еще два корабля, похожие на авианосцы. Кто-то основательно над ними потрудился!

Пилоты пикирующих бомбардировщиков с «Энтерпрайза» и «Йорктауна» еще долго будут спорить, кто нанес противнику первый удар в сражении у атолла Мидуэй. Летчики этих двух авиагрупп, которые подошли с разных направлений и не подозревали о присутствии друг друга, рассказывают примерно одну и ту же историю. Каждая из этих авиагрупп обнаружила авианосцы Нагумо совершенно невредимыми. Каждая атаковала в течение примерно одних и тех же шести минут. Выйдя из атаки, каждая из них обнаружила — неожиданно для себя — присутствие другой. Так что решить спор пилотов просто невозможно. Никто никогда точно не узнает, как все произошло на самом деле.

* * *

Главстаршина Морианага видел, как приближается бомба, сброшенная бомбардировщиком противника. Первые три бомбы упали рядом, по левому борту «Кага», но относительно четвертой, никаких сомнений не было — она шла прямо на полетную палубу авианосца. Морианага бросился на палубу, закрыв глаза и зажав руками уши. Бомба взорвалась, сея вокруг осколки, рядом с кормовым самолетоподъемником. Подняв голову, Морианага огляделся вокруг — только трое из большой группы пилотов, стоявших рядом с ним, были еще живы.

Командир авианосца капитан 1 ранга Окада,

вероятно, даже не успел понять, что произошло. Почти в следующее мгновение он был убит другой бомбой, упавшей прямо впереди мостика и взорвавшей цистерну с горючим, временно поставленную там для обслуживания самолетов, вернувшихся с Мидуэя. Цистерна взорвалась морем огня, ударив по мостику струей горячего бензина. Все находившиеся на мостике погибли.

Стоявший немного сзади на посту управления авиацией капитан 2 ранга Амагаи успел уклониться от потока огня. Ничего не зная о цистерне с бензином, он предположил, что весь этот ад произошел «от какой-то ужасной новой бомбы, которую выдумали янки».

Другим попаданием несколько человек были сброшены за борт, а командир авиатехнического дивизиона капитан 2 ранга Яасаки — разорван на куски. Казалось, что бомба попала прямо в него, а с начала налета прошла вечность — в действительности все закончилось в течение пары минут. Когда последний из темно-голубых самолетов противника вышел из пике, «Кага» уже имел, по меньшей мере, четыре прямых попадания, а может быть, и больше, поскольку, в грохоте рвущихся самолетов и боеприпасов никто не мог поручиться за точность подсчетов.

На «Акаги» кинооператор Таичи Макисима не отрывал взгляда от окуляра кинокамеры, пытаясь заснять все страшные подробности агонии авианосца «Кага». В тот момент, когда над мостиком авианосца метнулся столб желтого пламени, у Макисима кончилась пленка. Нырнув в штурман-

скую рубку, Максима быстро вставил в кинокамеру новую кассету. Вернувшись на мостик, он услышал пронзительный крик сигнальщиков: «Пикирующие бомбардировщики!» Это невероятно, но все на «Акаги» были захвачены врасплох. Адмирал Кусака наблюдал за началом взлета самолетов для удара по американскому флоту. Капитан 1 ранга Аоки сконцентрировал свое внимание на последних американских торпедоносцах. Несколько торпедоносцев еще кружились вокруг.

На линейном корабле «Кирисима», идущем примерно в пяти тысячах ярдов от авианосца, также заметили самолеты над «Акаги». Старший офицер линкора схватил трубку радиотелефона, но, пока он пытался передать предупреждение, было уже поздно.

Максима, увидев идущие в крутом пике самолеты противника, направил на них объектив своей кинокамеры. Он успел снять три первых бомбардировщика, которые приближались с каждой секундой. Потом кинооператор решил, что с него достаточно (в конце концов, он был гражданским человеком), и упал на палубу.

Капитан 2 ранга Футида наблюдал за приближением бомбардировщиков немного дальше. Внезапно он увидел какие-то темные капли, отделившиеся от крыльев бомбардировщиков, и тоже решил, что наблюдать достаточно, укрывшись за броневым щитком. Затем последовал оглушительный взрыв, потрясший весь корабль — это бомба, порвав радиоантенну, взорвалась всего в пяти ярдах от левого борта. Огромный столб грязной черной воды, поднявшись до клотика мачты,

обрушился на стоящих на мостике офицеров.

Сразу же после этого — некоторые говорят, что даже немного раньше, — вторая бомба угодила в полетную палубу напротив мостика. На этот раз взрывной удар был не так силен, но только потому, что бомба, легко пробив центральный самолетоподъемник, взорвалась внизу на ангарной палубе. Там она смела все: самолеты, цистерны с бензином, бомбы, торпеды, людей.. Начались пожары, которые перекинулись на самолеты, находившиеся на полетной палубе.

Третья бомба угодила прямо в корму корабля, превратив стоявшие там самолеты в груды обломков. Что еще хуже, она заклинила руль настолько, что авианосец больше не мог управляться. Затем наступила внезапная тишина, и на какой-то момент не было слышно никаких звуков, кроме шума огня. Глядя с мостика вниз на пылающие обломки самолетов, капитан 2 ранга Футида зарыдал.

Капитан 2 ранга Хисаси Охара, стоя на штурманском мостике авианосца «Сорю», также наблюдал за атакой на «Кага». Бомбы уже попали в авианосец, и он мог видеть пламя, бушующее на палубе «Кага». Внезапно он услышал пронзительный крик сигнальщиков своего корабля: «Пикирующие бомбардировщики противника — в просветах облаков!» Охара взглянул вверх как раз вовремя, чтобы увидеть дюжину самолетов, стремительно приближавшихся к «Сорю». В следующее мгновение первая бомба попала в левую сторону полетной палубы, впереди самолетоподъемника, затем вторая — прямо в мостик. Вспышка взрыва блеснула

в каких-нибудь пяти ярдах позади Охара, но он каким-то чудом уцелел. После того, как третья бомба попала в корму, вся полетная палуба оказалась охваченной пламенем.

Третье попадание, по рассказам, было самым тяжелым — самолеты и боеприпасы взлетели на воздух в одном чудовищном взрыве. Это случилось настолько быстро, что многие на «Сорю» вообще не успели понять, что же произошло. Главстаршина Мори находился внизу, в помещении для инструктажа, вместе с другими пилотами, вернувшимися после удара по Мидуэю. Летчики сидели, развалившись в больших кожаных креслах, жевали шарики риса и пытались понять, чем вызвана эта таинственная возня на мостике. Затем включилась боевая трансляция, и усиленный динамиком голос объявил, что «Кага» находится под атакой. Некоторые молодые пилоты побежали смотреть, но Мори остался в помещении: когда он понадобится, его позовут. Он все еще вел непринужденную беседу с дюжиной других летчиков, когда внезапно раздался страшный скрежет и грохот, корабль резко накренился на правый борт, очевидно, производя критический поворот влево. В следующее мгновение одна из переборок помещения для инструктажа с треском раскололась, и в помещение ворвалось пламя. Пилоты устроили сумасшедшую давку у единственных дверей. Применяв известные ему приемы регби, Мори вырвался из помещения одним из первых. Другой пилот из этой группы, Отава, выбравшись на полетную палубу, обнаружил, что она представляет собой море огня. Отава

не успел даже очухаться, как близко раздавшимся взрывом его сбросило за борт.

* * *

На «Хирю» лейтенанты Томонага и Хасимото весь последний час были заняты подготовкой удара по американскому флоту. Теперь уже все, казалось, было готово, и Хасимото забежал перевести дух в помещение для инструктажа эскадрильи торпедоносцев. Через несколько минут в помещение ворвался лейтенант Ясухиро Сигемацу и закричал: «Быстро наверх! «Акаги» — поврежден, «Кага» и «Сорю» — горят! Только наш корабль не получил попаданий!»

Не веря тому, что он услышал, Хасимото быстро поднялся на полетную палубу. Было слишком далеко, чтобы увидеть много: в течение утреннего маневрирования «Хирю» ушел далеко от трех других авианосцев, и сейчас они были примерно в десяти тысячах ярдов за его кормой. Но все-таки лейтенант Хасимото смог увидеть пламя и три отдельных столба дыма, поднимавшихся высоко в небо на горизонте.

Старший офицер авианосца «Хирю» капитан 2 ранга Канозэ наблюдал за развивающимися событиями с ходового мостика. Самым ужасным было то, что все, казалось, произошло одновременно и так неожиданно.

* * *

Лейтенанта Хоммберга уже почти ничто не заботило. Если даже он и не вернулся на «Йорктаун» — не беда: задача выполнена! Хоммберг считал, что зенитный огонь перебил ему бензосистему

и он скоро упадет. Бензин разбрызгивало по всей кабине. Лейтенант ожидал, что мотор вот-вот заглохнет, но тот продолжал работать, и приборы показывали, что все в порядке. В итоге, летчик понял, что ничего плохого с его мотором на случилось: это была всего-навсего гидравлическая система, работающая на шасси и закрылки. Продолжая полет, Хоммберг вскоре соединился с другими самолетами 3-й бомбардировочной эскадрильи, и они вместе направились к «Йорктауну», радуясь, что их не атаковали японские истребители.

Однако, так везло отнюдь не всем. Будучи далеко внизу, срывая атаку американских торпедоносцев, «Зеро» не могли помешать атаке пикирующих бомбардировщиков, но они находились в прекрасной позиции для удара по выходящим из пике машинам. Разъяренные видом трех горящих авианосцев, они жаждали реванша.

Пушечно-пулеметная очередь всплеснула воду вокруг самолета Уэйда Макклуски, когда, прижимаясь к воде, командир авиагруппы выходил из боя. Два «Зеро», сделав разворот, спикировали на него. Макклуски резко развернул машину прямо на одного японца. Это уменьшало площадь попадания и давало его юному стрелку Челосеку шанс продемонстрировать свое мастерство, всего месяц назад полученное в школе воздушных стрелков. Около пяти минут три самолета носились в смертельной карусели. Затем очереди японских пулеметов настигли самолет Макклуски. Левая сторона его кокпита была изрешечена, а сам капитан 3 ранга почувствовал, будто по его левому плечу

ударили кузнечным молотом. Макклуски подумал, что все уже кончено, но атаки неожиданно прекратились. Макклуски вызвал своего стрелка по СПУ, но ответа не было. Несмотря на раненое плечо, Макклуски повернулся назад. Человек был на месте — невредимый, с готовым к действию пулеметом. Выяснилось, что он подбил один «Зеро» и «убедил» другой оставить их в покое. «Донтлес» командира авиагруппы продолжал полет, неся на себе многочисленные сувениры прошедшего боя. Бомбардировщик имел пятьдесят пять пробоин только от японцев, не считая тех, которые он получил от собственного стрелка. Молодой человек, зная, что спаренные стволы его пулеметов имеют между собой расстояние восемь дюймов, считал это расстояние вполне достаточным, чтобы вести огонь одновременно по обе стороны хвостового стабилизатора. К счастью, от стабилизатора осталось достаточно, чтобы вернуться домой.

Старшина Адкинс, стрелок-радист в самолете младшего лейтенанта Питтмана, сражался с собственными пулеметами, которые соскочили со станины во время пикирования бомбардировщика. Адкинс умудрился подхватить пулеметы, чтобы их не успело за борт. Более того, он ухитрился вести из них огонь, держа на весу, отогнав при этом «Зеро», заходивший на бомбардировщик снизу. Никто не мог понять, как это ему удалось. Когда они вернулись на «Энтерпрайз», Адкинс, будучи очень хрупким юношей, даже не мог приподнять пулеметы, весившие сто восемьдесят фунтов!

Так, один за другим пикирующие бомбардировщики уходили после своей блестящей атаки, увертываясь от огня орудий горящих авианосцев через стену заградительного огня кораблей охранения, удирая от свирепо рычащих «Зеро». Это удалось не всем, но те, кому удалось, снова могли почувствовать жизнь, направляясь обратно к родным авианосцам.

* * *

Чувство мрачного разочарования охватило Стена Ринга, командира авиагруппы с «Хорнета», когда после бесполезного поиска на юге он повел свои самолеты обратно на авианосец. Несброшенные бомбы виднелись под крыльями всех бомбардировщиков. Хуже всего было то, что многие бомбардировщики 8-й эскадрильи не могли поймать сигнал приводной радиостанции «Хорнета» и шли на ощупь, расходуя последние капли горючего. К счастью, сам Мидуэй был на расстоянии всего семьдесят миль, и командир эскадрильи Раф Джонсон принял решение совершить там посадку, дозаправиться горючем, а затем продолжать полет. У некоторых горючего оставалось настолько мало, что они не смогли дотянуть даже до Мидуэя. Младший лейтенант Гвеллори сел на воду в сорока милях от атолла, младший лейтенант Вуд — в десяти милях, а младший лейтенант Айман спланировал с заглохшим мотором прямо в лагуну Мидуэя. Остальные одиннадцать бомбардировщиков подходили с большой осторожностью, справедливо подозревая, что гарнизон Мидуэя был более чем начеку. На подходе самолеты «Хорнета» сбро-

сили свои бомбы на рифы, надеясь, что это будет истолковано как дружеский жест, но эффект был совершенно противоположным. Полковник Шаннон был убежден, что перед высадкой десанта японцы обязательно взорвут проходы в коралловых рифах. Поэтому самолеты были встречены дружным зенитным огнем, повредившим три машины. Затем чьи-то зоркие глаза опознали знакомые силуэты «Донтлесов», и все кончилось благополучно.

Лейтенант Стен Райлоу, ведущий обратно на «Хорнет» 8-ю эскадрилью истребителей, не решился сесть на Мидуэе. Большие столбы дыма, поднявшиеся над атоллom, могли означать все что угодно, в том числе и то, что Мидуэй уже захвачен противником.

Истребители продолжали полет. Летели минуты, горючего становилось все меньше, и в конце концов первый истребитель сел на воду. Затем второй. Райлоу наблюдал, как его истребители шли вниз один за другим — некоторые одни, некоторые парами — пока в итоге не остались только младший лейтенант Пат Митчелл, лейтенант Джим Грей и он сам. Затем Митчелл и Грей тоже сели на воду. Теперь Райлоу остался один. Поняв, что с ним все равно через несколько минут произойдет то же самое, Райлоу развернулся и посадил свой истребитель на воду рядом с Митчеллом и Греем. Вместе веселее! В 11.00 8-я эскадрилья истребителей перестала существовать.

Было только одно утешение: примерно полчаса назад Райлоу на большом удалении обнаружил то, что они безуспешно искали все утро — японс-

кий флот. Конечно, было обидно обнаружить противника в тот момент, когда их бензобаки были пустыми, но картина была все-таки приятной: было видно, что три авианосца горят. Некоторые другие американцы могли наблюдать эту картину с гораздо более близкого расстояния. Не считая трех сбитых пилотов, которых японцы подняли на свои корабли, за горящими авианосцами наблюдали младший лейтенант Тони Шнейдер, посадивший свой «Донтлес» на воду, и младший лейтенант Джордж Гей — единственный уцелевший из эскадрильи Вальдрона.

Гей плавал прямо среди кораблей японского соединения, но его так и не заметили. Он же наблюдал всюду. Гей видел, как «Зеро» садилось на авианосец, обратив внимание на то, что у японцев аэрофинишеры находятся ближе к корме, чем у американцев, и процедура захода на посадку у них другая. Когда появились пикирующие бомбардировщики, Гей видел все подробности их атаки. Он хлопал в ладоши и вопил от восторга при каждом попадании.

* * *

Капитан 1 ранга Рюсаку Янагимото прилагал все усилия, чтобы спасти «Сорю». Однако, отдавать приказание не было никакой возможности — из строя вышли переговорные трубы, телефоны и машинный телеграф.

Несмотря на сильные ожоги, капитан 2 ранга Охара пытался возглавить борьбу с пожаром. Связи с мостиком не было. Он спустился на палубу с поста управления авиацией, собирая людей на борьбу с огнем. Но все было бесполезно — средства

пожаротушения вышли из строя. В конце концов Охара потерял сознание от ожогов и то ли сам упал, то ли был сброшен взрывом за борт. Придя в себя, Охара увидел, что находится в воде. Какой-то матрос поддерживал его и бил по лицу, чтобы он снова не потерял сознание.

В 10.40 обе машины авианосца встали, весь корабль был объят пламенем. Огонь добрался до погреба, где хранились торпеды, и страшный взрыв, чуть не перевернув «Сорю», разорвал полетную палубу. В 10.45 тяжело раненный капитан 1 ранга Янагимото отдал приказ покинуть корабль. Когда этот приказ был отдан, главстаршина Мори с группой других пилотов, вырвавшихся из помещения для инструктажа, находился на крошечном отрезке шлюпочной палубы под мостиком. Они стояли там так тесно, что никто не мог пошевелить рукой. Когда же стали прибывать другие люди, загнанные сюда огнем, пришлось карабкаться на плечи друг друга, чтобы всем хватило места.

А тем временем пламя подбиралось все ближе к этому месту. Была сделана попытка спустить катер. Однако, ничего не получилось — шлюпбалки заело, один конец талей оборвался. Вскоре многие стали прыгать в море. Рассчитав момент, Мори прыгнул с палубы и схватился руками за тали пустой шлюпбалки, надеясь по ней спуститься в воду. Но второй конец талей оказался не закрепленным, а просто перекинутым через блок, и Мори, сорвавшись, упал в воду. Он вынырнул и начал отплывать от корабля. В следующее мгновение шлюпка, сорвавшаяся откуда-то сверху, шлепнулась

в воду недалеко от него. Она упала вверх дном, но Мори с помощью других моряков поставил ее на ровный киль и стал вычерпывать из шлюпки воду с помощью своего летного сапога. Они все вскарабкались в шлюпку и начали отгрести от авианосца. Это происходило очень медленно, так как у них было только одно весло.

* * *

Пожар на «Кага» становился таким сильным, что капитан 2 ранга Амагаи не мог больше оставаться на посту управления авиацией. Никто ничем не распорядился, и Амагаи по собственной инициативе попытался организовать борьбу с огнем.

Гигантские взрывы грохотали по всему кораблю, убивая людей и разбивая вдребезги самолеты. Амагаи пытался проникнуть на ангарную палубу, но там пожар был еще хуже, и все вокруг выглядело подобно аду. Услышав крики, что ангарная палуба в огне, главстаршина Морианага бросился к своему бомбардировщику, но ситуация была уже безнадежной. Все средства пожаротушения бездействовали. В отчаянии Морианага организовал бригаду с ведрами, которые обычно использовались в гальюнах, расположенных по бортам ангарной палубы. Как и ожидалось, результаты оказались жалкими. Огонь и взрывы неуклонно распространялись, и в конце концов Морианага оказался загнанным на крошечный отрезок еще чистой палубы под островной надстройкой. Вверху уже все было охвачено огнем, нужно было спуститься на следующую палубу. Ступеньки ведущего туда трапа

накалились докрасна. К счастью, Морианага заметил катер, принайтованный к борту корабля. Брезент катера был туго натянут, но Морианага стал карабкаться вниз, цепляясь за него пальцами. Он сам удивлялся, как ему это удалось, но он добрался до следующей палубы. Наконец старшина почувствовал себя на какой-то момент в безопасности, но здесь было много народа. Капитан 2 ранга Амагаи собрал тут большинство пилотов. Он понял, что пожар погасить не удастся, и теперь был одержим идеей спасти как можно больше своих летчиков для будущих операций. Амагаи не слышал приказа оставить корабль, но сейчас это уже не имело значения. По собственной инициативе он отдал приказ: «Прыгайте в море!»

Морианага рванул с себя легкий комбинезон, сапоги и даже свой «сеним бари». Оставшись в одних шортах, он прыгнул с палубы так далеко, как мог. Сам Амагаи последовал за своими пилотами и, отплывая от горящего авианосца, обратил внимание на то, что краска на правом борту «Кага» уже начала гореть.

* * *

— Все, кто не занят, вниз! — закричал капитан 3 ранга Масуда в момент страшной суматохи на мостике флагманского авианосца «Акаги». Необходимо было собрать как можно больше людей для борьбы с огнем.

Капитан 2 ранга Футида был слишком слаб после аппендицита, чтобы участвовать в борьбе с пожаром, и он спустился в помещение для инструктажа. Туда же спустился и Макисима — осно-

вательно помятый и без кинокамеры. Но в помещении для инструктажа передохнуть не удалось. Оно было переполнено пострадавшими, в нем стояла невыносимая жара, постепенно становилось трудно дышать от прибывающего дыма. Футида и Максима вернулись на пост управления авиацией.

Командир дивизиона живучести капитан 2 ранга Добаси делал все, что мог, чтобы остановить огонь. Он развернул пожарные шланги, но подающие воду насосы не работали из-за отсутствия энергии. Добаси попытался затопить хотя бы погреба боеприпасов, но клапана затопления оказались поврежденными. В бессильной ярости капитан 2 ранга решил погибнуть вместе с кораблем по древней традиции.

Штурман авианосца капитан 2 ранга Миура понял, что корабль не управляется. Бомба, попавшая в корму, заклинила положенный влево руль, и теперь «Акаги» мог только совершать циркуляции. Миура поставил машинный телеграф на «стоп», но машины продолжали работать. Поскольку все переговорные трубы и телефоны были разбиты, пришлось послать рассыльного в машину узнать, что там случилось. Выяснилось, что с машинами все в порядке, но вся машинная вахта погибла — люди задохнулись раскаленными газами, проникшими через систему вытяжной вентиляции. Что-то сверхъестественное было в продолжающейся работе машин с мертвыми механиками. Пришлось перекрыть пар, и в 10.42 авианосец остановился. Пламя тут же с ревом устремилось вперед. В 10.43 огонь подобрался к истребителю, стоявшему на

полетной палубе прямо под мостиком. Раздался взрыв, и пламя, охватив мостик, зализало иллюминаторы флагманской рубки. Жара внутри адмиральского помещения становилась невыносимой.

Адмиралу Кусака было ясно, что «Акаги» больше не может служить флагманским кораблем. Корабль не управлялся и потерял ход, пожар становился все яростнее, радио вышло из строя, а руководить боем с пылающего мостика с помощью семафора и сигнальных флагов было невозможно. Он настаивал, чтобы адмирал Нагумо перешел на другой корабль. Нагумо отказался, тогда командир авианосца капитан 1 ранга Аоки со слезами на глазах сказал командующему: «Адмирал, вы должны перенести флаг, оставьте «Акаги» на меня». Нагумо снова отказался. Кусака продолжал настаивать. Самурайский дух — это хорошо, но пылающий флагманский корабль — не место для руководства боем. «Вы командующий соединением, — резко сказал он своему шефу. — И ваш долг — продолжать бой!» Долгое молчание, затем едва заметным кивком головы Нагумо дал согласие.

Нельзя было терять ни секунды. На находящийся поблизости эскадренный миноносец «Новакки» семафором передали приказ спустить шлюпки и приготовиться принять адмирала. В то же время флаг-офицер капитан 3 ранга Нисибаси получил приказ разведать все выходы и найти лучший путь отступления из этого пекла. Нисибаси вскоре вернулся — все проходы внизу были в огне.

Спасти можно было только через иллюминаторы. В 10.46 они открыли один с подветренной

стороны, выкинули через него пару концов и начали спускаться. Первым спустился Нагумо. Он проделал это с легкостью и грацией — пригодилась спортивная подготовка в молодости, когда адмирал был чемпионом флота по дзюдо. Для расплывшегося адмирала Кусака этот спуск оказался более тяжелым. Он сорвался с конца и тяжело упал на палубу, растянув обе лодыжки. Однако, в тот момент он этого даже не заметил. Взрывались боеприпасы, вокруг со свистом летали осколки, бушевало пламя. Хуже, что при падении начальник штаба потерял сапог. Какое-то мгновение он колебался — тратить время на надевание сапога или же догонять других в одном сапоге, прыгая по раскаленной палубе. Весь штаб был уже на баке, крича своему начальнику, чтобы тот поторопился. Кусака побежал на бак — то бегом, то прыгая на одной ноге.

Катер с эсминца «Новаки» подошел под нос авианосца, все они спустились в него и направились к легкому крейсеру «Нагара», куда Нагумо в последний момент решил перенести флаг. Когда катер отвалил от горящего авианосца, взрывы продолжали сотрясать флагманский корабль. Во все стороны в воздух взлетали обломки.

В 11.30 с крейсера «Нагара» подали штормтрап, и Нагумо вместе со своим штабом вскарабкался на борт, где его встретил контр-адмирал Кимура — командующий 10-й эскадрой эсминцев охранения.

— Кимура, как вы думаете, сможет ли «Нагара» буксировать «Акаги»? — были первые слова

Нагумо, когда он поднялся на борт крейсера.

— Это, наверное, будет трудно осуществить, — ответил контр-адмирал Кимура, стараясь выбирать наиболее тактичные слова, — если принять во внимание то состояние, в котором находится «Акаги».

Поднявшись на мостик крейсера, Кусака немедленно приказал поднять на мачте флаг Нагумо. Но оказалось, что вице-адмиральского флага на крейсере нет. Тогда Кусака взял контр-адмиральский флаг Кимуры, который отличался от вице-адмиральского лишь красной полосой, идущей через нижнюю часть полотнища. Эту полосу отодрали, а остатки подняли на мачте. Флаг Нагумо, поднятый на крейсере «Нагара», был немного в лохмотьях, но, конечно, потрепан в гораздо меньшей степени, чем само соединение.

Адмирал Исороку Ямамото чувствовал себя гораздо лучше. Легкое несварение желудка, которое мучило его за день перед этим, прошло, и адмирал с огромным аппетитом съел свой обычный завтрак: суп миссо, рисовую кашу, яйца и вяленую рыбу.

Когда Ямамото появился на мостике, штабные удивленно переглянулись. Все они были одеты в повседневную форму или в обычные рабочие куртки, но главным образом появился в накрахмаленной белой форме и в белых перчатках.

Стоя на флагманском мостике чудовищного линкора «Ямато», адмирал, выслушивая доклады штабных, осматривал в бинокль восемнадцать кораблей своих главных сил. Он не особенно волновался. Нагумо все еще строго придерживался ра-

диомолчания, и на «Ямато» знали только то, что удавалось перехватить из сообщений летчиков. В штабе Ямамото поняли, что американские летающие лодки обнаружили авианосцы Нагумо, что Томонага потребовал второго удара по Мидуэю, что самолеты с Мидуэя пытались атаковать авианосцы. Они слышали доклад гидросамолета с «Тонэ», что американский флот уже появился на сцене.

Поскольку все их планы базировались на совершенно противоположных предположениях, адмирал и его штаб приняли к сведению новую ситуацию с легким удивлением. Но это несколько не заставило их встревожиться. Напротив, новость о появлении американского флота привела всех в восторг. Если американский флот уже появился, с ним просто будет покончено быстрее, чем планировалось. А когда самолет с «Тонэ» доложил об обнаружении авианосца противника, возбуждение на мостике «Ямато» возросло еще больше. Капитан 1 ранга Куросима уверял всех, что Нагумо, конечно, предусмотрел такую возможность и наверняка имеет в запасе резервную волну торпедоносцев. «Все идет так, как мы этого хотели», — доложил Куросима адмиралу. В последующие два часа не случилось ничего, что изменило бы это мнение. За это время Нагумо отказался от радиомолчания и дважды выходил на прямую связь с Ямамото. Суть его сообщений была весьма оптимистичной: он нанес много ударов, он не имеет никаких повреждений, он преследует флот противника...

Затем, примерно в пол одиннадцатого, из радиорубки поступило совершенно неожиданное

сообщение. Капитан 2 ранга Ватанабе услышал его через переговорную трубу — так из радиорубки передавалось на мостик все, что удавалось перехватить в эфире. Взволнованный голос радиста доложил: «Пожар на «Акаги»!» Ватанабе немедленно передал сообщение адмиралу Ямамото. Главком спросил у капитана 1 ранга Куросима, есть ли возможность получить подтверждение, что авианосцы, действительно подняли самолеты для удара по американскому флоту. Если это еще не сделано, то дело может кончиться плохо. Капитан 1 ранга Куросима был уверен, что требовать подтверждения нет никакой необходимости. Конечно же, ударная волна поднята. Ведь все это было предусмотрено планом операции!

Затем была принята еще одна программа: пожары на «Кага» и на «Сорю». Но в штабе Ямамото все еще не беспокоились. Не было причин полагать, что повреждения серьезны: корабли, идущие в бой, могут получить попадания, «Хирю» совершенно цел, настоящий бой только начинается.

В 10.50 на мостик поспешно поднялся рассыльный, передав новое сообщение начальнику связи главкома капитану 2 ранга Вада. Вада кинул взгляд на сообщение и молча передал его начальнику штаба Объединенного флота адмиралу Угаки. Тот взглянул на него и также молча передал его главнокомандующему.

Сообщение было от заместителя Нагумо контр-адмирала Абэ, державшего свой флаг на тяжелом крейсере «Тонэ». Абэ автоматически вступил в командование соединением, пока Нагумо переносил

свой флаг на крейсер «Нагара». В радиограмме говорилось: «В результате атак береговой и авианосной авиации противника на «Акаги», «Кага» и «Сорю» начались пожары. Намерены бросить в бой против американского авианосца «Хирю». В настоящий момент отходим к северу, перегруппировывая силы...»

Ямамото вернул радиограмму, не сказав ни слова. Лицо его оставалось невозмутимым — даже бровь не дрогнула.

Одновременно с донесением главнокомандующему адмирал Абэ радировал контр-адмиралу Ямагути на «Хирю», который к тому времени почти скрылся за горизонтом в северном направлении: «Атакуйте авианосец противника!»

Ямагути не нуждался в напоминаниях. К этому он стремился все утро. Бросив взгляд на клубы дыма, поднимавшегося далеко за кормой, он начал отдавать приказы, просигналив в ответ Абэ: «Поднимаем в воздух все самолеты с целью уничтожения авианосца противника».

Матросы трудились на палубах «Хирю», продолжая перевооружение самолетов. Если среди экипажа авианосца и был кто-нибудь, кто недостаточно осознавал серьезность обстановки, он вскоре услышал об этом. Громкоговорители кратко сообщили о повреждениях трех других авианосцев и возвестили, что теперь на «Хирю» ложится вся тяжесть борьбы во славу великой Японии.

Командир авиационной боевой части капитан 2 ранга Кавагучи составил план атаки. Идеальным,

конечно, было бы послать вместе пикирующие бомбардировщики и торпедоносцы для координированного удара. Но для этого потребовался бы час, чтобы подвесить торпеды под самолеты, вернувшиеся после удара по Мидуэю, а этого часа уже терять было нельзя. В такой рискованной игре главным становился фактор времени. Пикирующие бомбардировщики готовы — они пойдут одни. Торпедоносцы последуют за ними позднее. Самым важным было быстрее нанесение удара по врагу!

Лейтенант Мичио Кабаяси понимал все это очень хорошо. Он должен был вести пикирующие бомбардировщики в бой. Высокий, молчаливый, Кабаяси был ветераном Перл-Харбора, участвовавшим во всех боевых подходах соединения. Прекрасный летчик, он сохранял хладнокровие в любой обстановке. Беда состояла лишь в том, что Кабаяси имел только восемнадцать пикирующих бомбардировщиков в своей маленькой авиагруппе.

Еще хуже дело обстояло с истребителями сопровождения. Они так много потеряли их, пытаясь прикрыть авианосцы во время утренних атак, что для сопровождения пикировщиков удалось выделить только шесть «Зеро».

В 10.50 все было готово. Пилоты пикирующих бомбардировщиков, выйдя из инструкторской, поспешили к своим машинам. Однако, им неожиданно приказали построиться на полетной палубе под мостиком, откуда к ним обратился адмирал Ямагути. Адмирал подчеркнул, что они — это все, что осталось. Следовательно, все зависит от их усилий, хладнокровия и мастерства.

Восемнадцать летчиков заняли свои места в бомбардировщиках, когда моторы уже работали. Импульсивно Кавагучи кинулся к своему однокурснику по академии лейтенанту Конда — командиру дивизиона пикировщиков — и обнял его.

В 10.54 первые «Зеро» взмыли с полетной палубы, а в 10.58 в воздухе уже была вся ударная группа. Летчики не стали тратить времени на набор высоты и традиционные круги над авианосцем, сразу же взяв курс на восток. Следя за ними с поста управления авиацией, капитан 2 ранга Кавагучи молился о реванше.

ГЛАВА 9

КОНТРУДАР И АГОНИЯ

Прошло только два часа с тех пор, как Уэйд Макклуски повел в бой пикирующие бомбардировщики «Энтерпрайза», однако, они показались вечностью для всех оставшихся на авианосце. Все понимали, что Макклуски сильно запаздывал. Он должен был выйти на японцев в 9.20, теперь же было 10.00, а от Макклуски еще не было ни слова. Радиоприем был отвратительный — сплошные помехи. К тому же какой-то дурак с Алеутских островов постоянно забивал каналы связи своими бессвязными сообщениями, а штаб командующего флотом в Перл-Харборе почему-то считал нужным ретранслировать эту чепуху на «Энтерпрайз».

В 10.05 долгое ожидание кончилось. Через треск помех пришло сообщение от Макклуски,

докладывавшего о контакте с противником. Сообщение было настолько тихим и невнятным, что радисты хотели еще запросить у Макклуски подтверждение. Однако, неугомонный Майлс Браунинг выхватил у радиста микрофон и в 10.08 бешено проорал сквозь треск помех: «Атакуйте! Немедленно атакуйте!»

На эсминце «Бэлч» сообщение о контакте не было принято вообще. Первый намек на то, что Макклуски обнаружил противника, был в веселом американском голосе, внезапно закричавшем по радио: «Ребята, смотрите, какой мы устроили пожар!»

В радиорубке крейсера «Астория» радисты слушали пикирующие бомбардировщики Макса Лесли с «Йорктауна». Никаких сообщений о контакте принято не было, но через помехи прорвался ликующий крик: «Смотри, как мы им врезали, Джо!»

Снова полетели минуты томительного ожидания. Затем около 11.00 какие-то черточки появились в западной части неба. Они оказались возвращающимися истребителями Джима Грея. Злой и разочарованный, Грей не мог сказать ничего нового о результатах атаки пикирующих бомбардировщиков.

Наконец около 11.50 начали возвращаться бомбардировщики Макклуски. Пикировщики шли без всякого строя: по трое, по двое, по одному... Капитан 3 ранга Макклуски был среди них, с трудом дотягивая машину до авианосца: во-первых, он был ранен, а во-вторых, «Энтерпрайз» оказался на шестьдесят миль дальше той точки, где его надеялись обнаружить. Теперь Макклуски шел на посадку, имея в бензобаках всего пять галлонов бензина.

С трудом совершив посадку, Макклуски поднялся на мостик авианосца и доложил о результатах атаки адмиралу Спрюэнсу: три авианосца получили прямые попадания и горят, четвертый — остался неповрежденным. Неожиданно доклад Макклуски был прерван криком старшего офицера авианосца капитана 2 ранга Буна: «Боже мой, Мак, вы ранены!» В горячке Макклуски забыл об этом, но кровь, просочившись через его куртку, начала капать на палубу. В лазарете, куда командир авиагруппы был немедленно направлен, насчитали у него пять ран на плече и в левой руке. В суматохе доклад Макклуски о четвертом авианосце был как-то упущен из вида. Так же было и с подробным рапортом Дика Беста, который, совершив посадку пятью минутами позже, докладывал о результатах атаки капитану 1 ранга Браунингу.

На палубах встревоженными взглядами пересчитывали самолеты в эскадрильях, когда они возвращались на «Энтерпрайз». Занятие было не из веселых. Кроме ужасающих потерь в 6-й эскадрилье торпедоносцев, огромный урон понесли и пикирующие бомбардировщики — восемнадцать из тридцати двух. Такие большие потери у пикирующих бомбардировщиков отчасти объяснялись тем, что у многих пилотов не хватило горючего дотянуть до авианосца, и им пришлось садиться на воду. Некоторые из них были подобраны только через сутки.

На «Хорнете» царила еще более мрачная атмосфера. Стен Ринг привел на авианосец после безрезультатного поиска на юге 8-ю разведывательную эскадрилью и один бомбардировщик из 8-й

бомбардировочной. Не вернулись все остальные самолеты 8-й бомбардировочной, а также ни одного самолета из 8-й торпедоносной и 8-й истребительной эскадрилий. Тридцать девять самолетов исчезли без следа. Немного позднее появился истребитель с «Йорктауна», тяжело поврежденный в бою с «Зеро». Он пошел на посадку на первый увиденный им авианосец. Когда он тяжело плюхнулся на полетную палубу, его пулеметы случайно дали длинную очередь, прошив островную надстройку и убив несколько человек. Это тоже не способствовало поднятию настроения.

А техсостав 8-й торпедоносной эскадрильи все еще продолжал на что-то надеяться. Адъютант эскадрильи Джордж Флин хорошо знал, что торпедоносцы могли держаться в воздухе пять часов двадцать минут, но еще долго по истечении этого времени он продолжал обшаривать взглядом небо, надеясь, что какое-нибудь чудо поможет торпедоносцам Вальдрона вернуться назад. И когда не оставалось уже никакой надежды, он все еще продолжал хранить ужин 8-й эскадрильи, оставленный в баках.

На «Йорктауне» обстановка была спокойнее. Его самолеты вылетели на час позже и, не считая одного истребителя, совершившего вынужденную посадку на «Хорнет», все самолеты без труда вернулись на авианосец, который оказался точно в том месте, где он и обещал быть перед вылетом.

В 11.15 пикирующие бомбардировщики Макса Лести были уже над «Йорктауном», но в последний момент было решено пропустить первыми на посадку истребители Тэча, поскольку у них конча-

лось горючее. Бомбардировщики продолжали кружиться над авианосцем, но хорошие новости невозможно долго держать при себе. Один из «Донтлесов» просигналил фонарем Элдайса о потоплении ими авианосца противника. Аплодисменты и крики восторга загремели на всех кораблях 17-го оперативного соединения. Тут же с молниеносной быстротой корабли обошел совершенно фантастический слух: японские летчики после гибели авианосца совершили посадку на Мидуэ и сдались в плен.

Адмирал Флетчер, однако, не разделял общего ликования. Он все еще знал только о двух японских авианосцах, а в течение пяти часов от летающих лодок не поступило больше ни одного сообщения. Адмиралу так и не удалось до сих пор составить ясную картину разворачивающегося боя. В 11.20 адмирал решил послать на северо-запад еще десять из семнадцати пикирующих бомбардировщиков, которые он держал в резерве все утро.

В 11.45, после некоторой задержки, вызванной сменой боевого воздушного патруля, начали посадку истребители Тэча. Посадив самолет, Тэч поспешил на флагманский мостик, доложив Флетчеру, что три японских авианосца определенно выведены из строя, а ход боя, по-видимому, складывается «в нашу пользу». Теперь Флетчер знал, по крайней мере, о трех авианосцах противника. Но был ли среди них четвертый? Тэч не мог этого сказать. Он видел только три, и все они горели. Был ли там еще один, комэск сказать не мог.

В этот момент на «Йорктауне» прозвучал сигнал воздушной тревоги. С радарной станции

доложили, что большое количество неизвестных самолетов приближаются с запада. Теперь Флетчеру стало ясно, что где-то поблизости действует и четвертый авианосец противника. В 11.52 с радарного поста доложили, что неизвестные самолеты находятся уже на расстоянии тридцати двух миль от авианосца. Они шли на такой высоте, что становилось совершенно ясно, что это пикирующие бомбардировщики противника, а поскольку «Йорктаун» был первым на линии их движения, он и должен был стать их целью.

Эскадренные миноносцы охранения придвинулись ближе, крейсера «Астория» и «Портленд» встали с правого борта, заняв позицию между авианосцем и надвигающейся атакой. «Йорктаун» повернул на юго-восток, подставив самолетам противника корму. Авианосец увеличил скорость с 25 до 30,5 узлов.

«Йорктаун» был полностью готов к бою. Из трубопроводов выкачали топливо и заполнили их углекислым газом. Небольшая передвижная цистерна с горючим, находившаяся на полетной палубе, была выброшена за борт. Расчеты зенитных орудий и пулеметов заняли свои места, следя за западным направлением. Аварийные команды разбежались по своим боевым постам. На пунктах первой помощи в полной готовности находились врачи и санитары.

Первой линией обороны «Йорктауна» был его боевой воздушный патруль. Как только раздался сигнал тревоги, капитан 3 ранга Педерсон сразу же повел свои двенадцать истребителей на

перехват бомбардировщиков противника.

* * *

Лейтенант Сигемацу не смог побороть искушения. Шесть его «Зеро» должны были прикрыть пикирующие бомбардировщики Кабаяси, но далеко внизу лейтенант заметил группу американских бомбардировщиков, которые возвращались домой после атаки. Сигемацу решил расправиться с ними, а затем вернуться к своим бомбардировщикам. «Зеро» спикировали на идущие внизу «Донтлеса», но не только не смогли их сбить, но сами получили настолько сильные повреждения, что два истребителя вынуждены были вернуться на «Хирю». Сигемацу догнал свои бомбардировщики, но теперь он имел четыре истребителя вместо шести.

Пикирующие бомбардировщики лейтенанта Кабаяси продолжали полет. Гидросамолетам № 4 и 5 с тяжелого крейсера «Тикума» было приказано указать им дорогу, но Кабаяси, пристроившись к одной группе, следовал за ней.

Незадолго до полудня, в тридцати милях по курсу, лейтенант Кабаяси увидел то, к чему стремился. Там, в разрыве облаков, окруженный ошестинившимися крейсерами и эсминцами, шел огромный авианосец. Кабаяси включил передатчик и приказал своим восемнадцати пикирующим бомбардировщикам построиться для атаки.

Затем откуда-то сверху — совершенно внезапно — на небольшую группу Кабаяси обрушилась дюжина американских истребителей, расколов японский строй и почти одновременно уничтожив шесть бомбардировщиков.

Лейтенант Гринбеккер, наблюдавший за воздушным боем с поста управления авиацией на «Йорктауне», был уверен, что ни одному японцу не удастся уцелеть, но восемь самолетов противника каким-то чудом прорвались через цепь истребителей. Они шли к «Йорктауну», вытянувшись широкой дугой, один за другим.

Командир авианосца капитан 1 ранга Букмастер находился на ходовом мостике, а адмирал Флетчер во флагманской рубке продолжал работать со своими картами. Штабной офицер, подойдя к командующему, вежливо доложил:

— Противник приближается, сэр.

— Что же я могу поделать, — ответил адмирал, — только надеть каску.

Кружащиеся в ожидании разрешения на посадку пикирующие бомбардировщики Макса Лесли вообще ничего не знали о приближении японских самолетов. Когда сам Лесли начал заходить на посадку, то следовавший за ним лейтенант Хоммберг увидел, как командир эскадрильи получил запрещающую отмашку. Это удивило Хоммберга, потому что Лесли всегда садился с первой попытки. Хоммберг пошел на посадку сам и тоже получил отмашку. Недоумевая, лейтенант прошел близко вдоль левого борта авианосца, высунувшись из кабины, стараясь понять, что случилось. Неожиданно он вздрогнул от грохота пяти зенитных орудий авианосца. Стремительно набирая высоту, Хоммберг стал удаляться от «Йорктауна», когда радио корабля передало на бомбардировщики запоздалое

предупреждение: «Уходите — нас атакуют!»

Разрывы зенитных снарядов усеяли небо, но японские самолеты продолжали приближаться. Вскоре их можно было видеть без бинокля. Взрыв зенитного снаряда попал в одного из них — самолет вспыхнул и упал, но остальные семь продолжали полет. Теперь они были почти над «Йорктауном».

Сигнальщик Уильям Мартин наблюдал за приближением японцев с прожекторной площадки на дымовой трубе авианосца. Когда ведущий самолет, упав на крыло, начал пикирование, Мартин направил на него луч прожектора, надеясь ослепить пилота.

Захлебываясь, вели огонь все зенитные орудия и пулеметы корабля. Ливень снарядов и пуль разорвал японский бомбардировщик на две части. Но когда он уже разваливался, от него оторвалась бомба и стала падать прямо на «Йорктаун». Угодив в полетную палубу позади островной надстройки, бомба взорвалась в яркой вспышке красно-желтого пламени. Ее осколки вымели все вокруг, убив тридцать четыре человека из числа расчетов зенитных орудий. На ангарной палубе взрывом подожгло три самолета, на одном из которых была подвешена 1000-фунтовая бомба. Однако, спринклерная система орошения быстро сбила пламя. Все обратили внимание, что японские пикировщики действуют гораздо острее американских. В то время, как бомбардировщики американской морской авиации обычно сбрасывали бомбы с высоты две тысячи футов, японцы делали это с тысячи футов и, выходя из пикирования, едва не

задевали верхушки мачт.

Второй японский пикировщик, прорвавшись через шквальный заградительный огонь, сбросил бомбу, которая наискосок прошла через полетную палубу... через ангарную палубу... через вторую палубу... и наконец взорвалась в шахте дымовой трубы, глубоко внутри корабля. Эта бомба, действительно, наделала дел. Дым и пламя были повсюду: в котельном отделении, в канцелярии старшего помощника, в фотолаборатории, в строевом отделе, в прачечной, в лаборатории исследования воды и топлива, в офицерском камбузе, в кают-компании, в радиолокационной рубке. Взрывом была разбита и покорежена на большой площади дымовая труба.

Сигнальщик Мартин был сброшен со своей прожекторной площадки, смонтированной на дымовой трубе. У него было какое-то странное ощущение, что он плавно парит в воздухе над всеми кораблями оперативного соединения. Он был уверен, что уже мертв, но секундой позже пришел в себя, вися на поручнях другой платформы, которая находилась под его прожекторным постом. Невероятно, но у него не было даже царапины.

Далеко не так повезло старшему матросу Вэйсу, которого подбросило так высоко в воздух, что, как острили позднее, он смог схватить за крыло выходящий из пикирования японский бомбардировщик. Вэйс упал на палубу без сознания, с проломленным черепом.

Тяжелые клубы черного дыма поднялись над «Йорктауном», скорость авианосца упала почти

до шести узлов. Но это было еще не все. Еще одна бомба настигла авианосец и, пройдя через носовой самолетоподъемник, взорвалась в помещении хранения ветоши. Возник сильный пожар, что было очень опасно, поскольку вблизи находились погребов снарядов.

Когда японские бомбардировщики, выйдя из пикирования, стали уходить, прижимаясь к воде, крейсера и эскадренные миноносцы охраны, развернувшиеся вокруг «Йорктауна», встретили их морем огня. Один бомбардировщик противника повернул прямо на крейсер «Астория», летя почти на уровне мостика. Зенитные автоматы крейсера вели непрерывный огонь — самолет стал разваливаться и, с ревом пройдя вдоль правого борта крейсера, упал у него за кормой.

Примерно в двадцати милях к юго-востоку с кораблей 16-го оперативного соединения внимательно всматривались вдаль, пытаясь угадать, как проходит бой. Видно было немного — главным образом, черные шапки зенитных разрывов. Затем появилось тяжелое грязно-черное пятно. Оно не сносилось ветром: подобно зенитным разрывам, оно висело над горизонтом, устойчивое и злое. Адмирал Спрюэнс понял, что «Йорктаун» получил попадание.

Спрюэнс приказал крейсерам «Пенсакола» и «Винсенсенс» с двумя эсминцами идти на помощь 17-му оперативному соединению, отдавая дань общему недовольству тем, что «Йорктаун» ведет бой, а они ему ничем не помогают. Особенно недовольны были летчики-истребители, кружившиеся в

воздушном патрулировании над «Энтерпрайзом» и «Хорнетом».

Когда японские бомбардировщики прорвались через истребительное прикрытие «Йорктауна», лейтенант Роже Меле запросил разрешения вести свои двенадцать истребителей на помощь «Йорктауну». Ему было приказано оставаться на месте и выполнять свои обязанности по прикрытию «Энтерпрайза». Вынужденный подчиниться приказу, Меле тем не менее постоянно увеличивал круг барражирования, неуклонно приближаясь к месту боя. Так же поступили и истребители «Хорнета». Однако, когда они приблизились к месту боя, было уже поздно — им удалось сбить только один японский бомбардировщик, вышедший из атаки.

Неожиданно наступила тишина. Люди протирали глаза, вертели головами, не в силах поверить наступившей тишине. Огненный шквал, казалось, длился вечность, хотя было только 12.16 — прошло всего одиннадцать минут с того момента, когда орудия кораблей открыли огонь. Адмирал Флетчер и его штаб стояли над палубе, изгнанные из флагманской рубки пожаром, бушевавшим в островной надстройке. Рядом с ними невозмутимо, как всегда, стоял английский наблюдатель, капитан 1 ранга Королевского флота Лэйнг, размышляя о результатах атаки.

Лишь семи из восемнадцати японских бомбардировщиков удалось выйти в атаку, и три из них добились попадания — поразительный результат для такого небольшого количества машин. Свою

дань собрали даже близкие промахи. Одна бомба упала прямо за кормой, убив и ранив много матросов, стоящих на корме. Другая прошла так близко, что заставила спикировать в поисках укрытия самого адмирала Флетчера. Он ударился обо что-то головой и продолжал работать, окропив кровью свои карты.

Корабль понес большие потери, но и отплатил за это. По мнению матросов авианосца, ни одному из атакующих самолетов не удалось уйти.

* * *

«Авианосец противника горит!» — радировал в 12.45 на «Хирю» один из летчиков ударной группы. Его бомбардировщик шел теперь к месту сбора, надеясь соединиться там с остальными, уцелевшими после атаки.

Это сообщение несколько подняло настроение на «Хирю», но одновременно породило и чувство досады. Сообщение исходило не от лейтенанта Кабаяси и даже не от командиров дивизионов, а от какого-то унтер-офицера, фамилию которого никто даже не мог вспомнить. А это означало, что все пилоты-офицеры погибли в этой атаке. Цена оказалась слишком дорогой.

Так оно и было, но все-таки не все самолеты погибли, как полагали американцы. Пять пикировщиков и один истребитель вернулись на «Хирю», на котором в бешеном темпе готовили торпедную атаку на американский авианосец. Теперь уже на палубе в полной готовности стояли девять торпедоносцев с «Хирю» и один (успевший перелететь) с пылающего «Акаги» — всего десять. Их должны

были сопровождать пять истребителей — четыре с «Хирю» и один, перелетевший с горящего «Кага». Подготовка других оставшихся машин требовала времени, а адмирал Ямагучи не мог себе этого позволить. Хотя самолет-разведчик сообщил только об одном американском авианосце, адмирал сейчас очень сильно в этом сомневался. Один авианосец не мог сделать все то, что было сделано с «Акаги», «Кага» и «Сорю». Где-то должен быть второй американский авианосец. Один уже выведен из строя, — значит, силы уравнились.

* * *

Капитан 3 ранга Кларенс Эдрич, казалось, одновременно был повсюду. Как командир дивизиона живучести «Йорктауна» он имел достаточно работы — три попадания в различных местах и четыре серьезных пожара. Особенно беспокоил пожар в помещении для хранения ветоши вблизи от цистерн с топливом и погребов боезапаса. Эдрич распорядился затопить погреба, а цистерны заполнить углекислым газом.

Другая партия боролась с огнем в островной надстройке, а аварийная команда заделывала дыры в полетной палубе. Самая большая пробоина шириной двенадцать футов требовала сверхизобретательности. Поперек нее были положены деревянные балки, на них четвертьдюймовая стальная плита, а сверху — новые стальные плиты, которые своим весом прижали и закрепили всю эту конструкцию. Через двадцать минут «Йорктаун» снова имел полетную палубу, пригодную к приему и выпуску самолетов. Но корабль не имел

хода. Бомба, взорвавшаяся в дымовой трубе, разбила два котла и погасила огонь в других. Тяжелый черный дым наполнил кочегарно-котельные отделения. Люди задыхались, делая все возможное, чтобы скорее вернуть авианосцу ход.

Но адмирал Флетчер не мог больше ждать. Он руководил боем, а корабль, неподвижно покачивающийся на волнах, не был лучшим местом для этого.

Кроме того, радио авианосца вышло из строя, а дым от пожаров затруднял флажную и прожекторную сигнализацию. Примерно в 12.30 с «Йорктауна» передали приказ на крейсер «Астория» приготовиться принять адмирала. В 13.00 вельбот с «Астории» подошел к борту авианосца. С полетной палубы «Йорктауна» на вельбот были сброшены концы с узлами, и штабные офицеры Флетчера быстро спустились вниз. Адмирал хотел последовать за ними, но в последний момент передумал. В конце концов, ему было пятьдесят шесть лет. Тогда матросы связали беседку и опустили командующего на вельбот, который отвалил от авианосца в 13.13. Эти минуты казались вечностью для экипажа крейсера. Плавающие вокруг пустые гильзы от снарядов напоминали перископы подводных лодок, а «Астория» стояла без хода в самом центре Тихого океана. Когда в 13.24 Флетчер поднялся на борт и крейсер дал ход, все облегченно вздохнули.

Самолеты «Йорктауна» получили приказ сесть на другие авианосцы, дозаправиться горючим и ждать дальнейших распоряжений. До этого семнадцать пикирующих бомбардировщиков Макса Лесли, кружившиеся неподалеку, обстреливались

и своими, и чужими. Один японский пилот, выходя из атаки на «Йорктаун», пошел прямо на «Донтлесы», ведя огонь из пулеметов. Откуда-то появившийся американский истребитель сбил его, а затем атаковал «Донтлесы». Истребитель отвернул в сторону в последнюю секунду, когда кто-то пронзительно заорал по радио: «Ты, безмозглый ублюдок! Разве не видишь белые звезды?!»

Воздушная мешанина была ужасной, так что ошибка американского истребителя была вполне объяснима. Самолеты с одного авианосца садились на другой, боевые воздушные патрули лезли в чужие сектора, истребители отзывались на посадку и взлетали снова. Эфир был переполнен запросами и ответами, передаваемыми на сочном летном жаргоне. Один из японских летчиков, настроившись на частоту станции наведения истребителей «Энтерпрайза», услышал, как капитан 3 ранга Доу вызывает на авианосец трехсамолетный дивизион истребителей, чтобы те дозаправились топливом. Это, по-видимому, подало японцу мысль: а почему бы вообще не очистить небо от американских истребителей? Включив передатчик, японец сказал по-английски:

— Всем истребителям вернуться на авианосец, всем истребителям вернуться на авианосец!

— Не выполняйте этот приказ, — истошно кричал в микрофон Доу. — Это японец работает на нашей частоте! Оставайтесь в воздухе!

Японец повторил свой ложный приказ.

— Этот ублюдок использует нашу частоту, ребята! — орал Доу. — Слушайте меня, я перехожу

на нецензурщину!

Доу начал отдавать команды, используя сочные нецензурные выражения, которые японец, изучавший английский язык в каком-нибудь университете, конечно, не мог знать. Это был первый случай в ходе войны на Тихом океане, когда японцы пытались применить радиообман.

Между тем, пикирующие бомбардировщики Макса Лесли стали садиться на «Энтерпрайз» и «Хорнет». Сам капитан 3 ранга Лесли хотел уже заходить на посадку, когда его стрелок Билл Галлахер увидел что-то странное внизу. Они полетели разузнать, что это такое, а Хоммберг послушно вел свой самолет за машиной командира. Пролетев миль десять, они обнаружили внизу тонущий американский торпедоносец, экипаж которого дрейфовал неподалеку на резиновом плоту. Лесли сообщил об этом на эсминец «Хэмман» и повернул обратно к авианосцам. Но горючее уже подходило к концу, и было ясно, что до «Энтерпрайза» не дотянуть. Лесли решил сесть на воду у крейсера «Астория».

Летчики 3-й бомбардировочной эскадрильи, вспоминая Лесли, утверждают, что это был самый лучший и самый педантичный пилот в мире. Эскадрильская легенда гласит, что он посадил бомбардировщик так близко к «Астории», что просто шагнул с крыла на трап крейсера. В действительности, Лесли посадил самолет в пятидесяти ярдах от крейсера. Когда Билл Галлахер вылез из кабины и сбросил в воду надувную лодку, он заметил, что командир еще находится на своем месте.

Думая, что Лесли был оглушен при посадке на воду, Галлахер вскарабкался в кабину, чтобы вытащить своего командира. Но в этом не было необходимости. Педантичный Лесли задержался, потому что прежде, чем покинуть свой тонущий «Донтлес», ставил все переключатели и тумблеры в положение «выключено».

* * *

Лейтенант Райт Огава бесцельно кружился над горящим «Акаги». Летая в боевом воздушном патруле, он израсходовал уже почти все горючее, а места для посадки на было. Три авианосца внизу горели, и «Хирю» был слишком далеко. Огава взглянул на расходомер горючего — пять галлонов. Еще несколько минут — и он свалится в океан. Лейтенант направился к крейсеру «Тикума», идущему полным ходом на север вслед за «Хирю». Два других самолета дивизиона Огавы последовали за своим командиром — они находились в таком же положении. Снижаясь, Огава покачиванием крыльев дал понять на крейсер, что садится на воду. С «Тикумы» просигналили: «Имеем важное задание — не можем вас подобрать». Но крейсер все-таки повернул под ветер, создавая спокойную полосу воды для посадки. В 11.50 лейтенант Огава со свойственным ему мастерством легко и спокойно посадил свой «Зеро» на воду. Также поступили и два других пилота его звена. Они выбрались из тонущих самолетов и присоединились к другим, ищущим спасение в волнах.

Масса людей боролась за жизнь в воде около горящего «Сорю». Некоторые были сброшены за

борт взрывами, другие прыгнули вниз сами, спасаясь от огня. Неожиданно над ними, на семафорной площадке правого крыла мостика, появился командир авианосца капитан 1 ранга Янагимото. Он громко поблагодарил плававших внизу людей и крикнул: «Да здравствует Император!» Около тридцати человек, плававших прямо под мостиком, прокричали в ответ здравицу в честь Императора, и Янагимото вновь исчез в огне и дыму.

Многие моряки из экипажа «Сорю» столпились на полубаке, который был еще свободен от огня. Некоторые бросали концы матросам, находящимся в воде, и вытаскивали их назад на этот небольшой безопасный участок палубы. Среди вытасканных назад был и страдающий от ожогов старший помощник командира капитан 2 ранга Охара. В полубессознательном состоянии он лежал на палубе, уже мало заботясь о том, что произойдет дальше. Как будто сквозь сон, Охара слышал, как артиллерийский офицер приказал сигнальщику передать семафором на «Акаги»: «Командир погиб, старпом без сознания. Что делать дальше?»

С флагманского корабля ничего не ответили — там было достаточно своих забот. После того, как Нагумо покинул корабль, капитан 1 ранга Аоки и несколько его офицеров оставались на мостике до 11.20, но затем нестерпимая жара заставила их опуститься на полетную палубу и пробраться в нос, на подветренный борт корабля. Они стояли там, не зная, что делать дальше. Хотелось курить, но у них было только две сигареты на всех. В конце концов, офицеры пустили сигарету

по кругу. Капитану 2 ранга Миура это напомнило слова из популярной песни «Боевые товарищи»: «Мы с тобой разделим одну сигарету...» Миура процитировал эти слова, что вызвало короткую вспышку мрачного смеха.

Около 11.35 пламя достигло погребов хранения бомб и торпед. Страшный взрыв, казалось, расколол авианосец пополам. Пламя забушевало еще пуще, и капитан 1 ранга Аоки со своими офицерами перебрался на полубак, где собралось уже много уцелевших моряков, отступивших из различных помещений корабля. В 12.03 совершенно неожиданно начали снова работать машины авианосца, и огромный корабль стал разворачиваться вправо. Никто не мог представить себе, как это могло случиться, — ведь вся машинная команда погибла на своих боевых постах, задохнувшись газами. Младший лейтенант Акияма был послан попытаться выяснить, что случилось с машинами, но он не вернулся, и никто так ничего и не узнал. К 13.38 обстановка настолько ухудшилась, что пришлось предпринять самый тяжелый шаг — висевший в кают-компании портрет Императора был передан на эсминец «Новаки».

Также поступили и на «Кага», на котором все утро шла безнадежная борьба с пожарами. Лейтенанту Кунисада, руководившему тушением пожара на ангарной палубе, начало в какой-то момент казаться, что огонь затихает. Но тут загорелась краска, распространяя вокруг густой маслянистый дым, который чуть не задушил всех. Кунисада распорядился открыть жалюзи бортовых портов

ангарной палубы, но начавшийся сквозняк еще более усилил пламя. Жалюзи закрыли, но вскоре их пришлось открыть снова, поскольку дышать было уже совсем нечем. Пламя охватило практически всю ангарную палубу, и людям оставалось только одно — покинуть корабль. Все проходы были уже блокированы огнем, но, когда снова открыли жалюзи бортовых портов, семь человек, включая лейтенанта Кунисада, вылезли на узкий привальный брус, который шел вдоль борта авианосца примерно в двадцати футах над водой. Этот брус был шириной всего в фут и на половине своей ширины плавно закруглялся вниз, но на нем можно было стоять, прижавшись спиной к борту. Конечно, с бруса легко было сорваться в воду, что и произошло с несколькими матросами, напуганными выстрелами зенитных орудий одного из эсминцев охранения, открывшего огонь по какой-то воображаемой цели. Однако, вскоре на брусѣ собралось человек двадцать. Лейтенант Кунисада успел прихватить с собой блок сигарет и теперь раздал их матросам, надеясь, что курение поднимет настроение этих измученных и напуганных людей.

— Торпеда справа, 45 50 0, — неожиданно пронзительно закричал кто-то из стоявших на брусѣ.

И, действительно, примерно в тысяче ярдов от корабля шла торпеда, оставляя за собой белый след. Она прошла под носом авианосца. Небольшой интервал — и все увидели новую торпеду, которая на этот раз прошла под кормой «Кага». Еще интервал — и снова белый след — третья торпеда шла прямо в борт авианосца.

Капитан 3 ранга Билл Брокман приказал уходить на глубину. Было 14.05, и американская подводная лодка «Наутилус» только что выпустила третью торпеду в поврежденный японский авианосец, находившийся в двух тысячах семистах ярдах. Для Билла Брокмана и его подчиненных это было концом почти семичасового подкрадывания к цели.

Все началось еще 28 мая, когда «Наутилус» занял свое место в веерообразной завесе подводных лодок к западу от Мидуэя. Первые дни прошли в полном безделье, экипаж привыкал к обстановке. Перед рассветом 4 июня «Наутилус» находился на своей позиции, идя на перископной глубине. Радио лодки было настроено на волну летающих лодок, и в 5.44 четко и ясно прозвучало сообщение, переданное открытым текстом: «Много самолетов идет к Мидуэю». Лодка немедленно направилась к месту, указанному «Каталинами».

В 7.10 прильнувший к перископу Брокман заметил на горизонте дым и разрывы зенитных снарядов. Он изменил курс, и «Наутилус» направился к месту боя. В 7.55 по курсу появились верхушки мачт. Вскоре лодка наткнулась на японское охранение, была обстреляна истребителем и забросана глубинными бомбами. Брокман ушел на глубину, а затем снова всплыл под перископ, чтобы оглядеться.

На этот раз он подвсплыл прямо в центре японского ордера и был немедленно обнаружен. Брокман увидел, как на линейном корабле взвился флажной сигнал, после чего линкор открыл огонь по тому месту, где находился «Наутилус». В

8.25 Брокман выпустил две торпеды в линкор или, по крайней мере, считал, что выпустил, поскольку почти сразу обнаружилось, что торпедный аппарат № 1 поврежден и торпеда из него не вышла.

От второй торпеды линкор увернулся, а крейсер начал преследование «Наутилуса», загнав его на глубину сто пятьдесят футов. Хуже всего, что поврежденный торпедный аппарат пропускал воздух. А это означало, что над лодкой на поверхности поднимаются пузырьки воздуха, выдавая ее позицию и давая возможность крейсеру прицельно сбрасывать глубинные бомбы.

Атака продолжалась долго, бомбы рвались вокруг, сотрясая лодку, и только в 10.26 Брокману удалось вновь подвсплыть под перископ и оглядеться. Корабли противника исчезли — вдалеке виднелось лишь несколько мачт, но из-за горизонта поднимались клубы серого дыма. Брокман направился туда и в 11.45 с расстояния примерно в восемь миль ясно опознал горящий авианосец. Сближение с целью было мучительно долгим. Идя средним ходом в подводном положении, «Наутилус» мог дать только четыре узла — скорость идущего пешком человека. А это была жаркая восьмимильная прогулка. Для уменьшения шума была выключена система вентиляции воздуха в отсеках. В 12.53 они были уже достаточно близко, чтобы разглядеть некоторые подробности. Два «крейсера» (в действительности, эсминцы) держались поблизости от авианосца, на котором, казалось, уже ликвидировали пожар. Брокман видел, как матросы авианосца работают на полубаке. Ему показалось,

что они заводят буксирный конец. Вместе со своим помощником лейтенантом Бенсоном Брокман стал листать справочник, чтобы определить тип авианосца. Они решили, что это «Сорю».

В 13.59 Брокман выпустил первую торпеду... затем вторую, и наконец, в 14.05 — третью. Брокман и все пять офицеров, находящихся в центральном посту, были уверены, что все торпеды попали в корабль. Лодка быстро ушла на глубину, готовясь уклоняться от новой атаки глубинными бомбами, которую подводники считали неизбежной.

* * *

— Прыгайте в воду! — закричал лейтенант Кунисада, когда к авианосцу «Кага» устремилась третья американская торпеда. Но матросы, стоящие вместе с ним на привальном бруске горящего авианосца, не могли даже пошевелиться от ужаса и оцепенения. Тогда Кунисада прыгнул сам, и за ним попрыгали все, отчаянно пытаясь отплыть как можно дальше от корабля. Кто-то крикнул, что торпеда попала, и Кунисада весь напрягся в ожидании взрыва, но ничего не произошло. Чудо — торпеда не взорвалась. Когда она ударилась о борт «Кага», ее боевая часть отломалась от корпуса и затонула. Корпус же торпеды всплыл на поверхность недалеко от Кунисада. Матросы с авианосца подплыли к торпедой. Несколько человек пытались использовать остатки торпеды как плот, но большинство, придя в ярость, стали бить по торпедой кулаками, рыча страшные проклятия. Американская торпеда послужила своего рода материальным воплощением причины всех их бед.

Находящийся в нескольких милях севернее авианосец «Хирю» продолжал вести бой. В полдень его пикирующие бомбардировщики нанесли удар по противнику, а к 12.45 десять оставшихся торпедоносцев уже были приведены в полную боевую готовность. Они должны были вылететь двумя группами — по пять самолетов в каждой: одна под командованием лейтенанта Томонага, вторая — лейтенанта Хасимото. Обычно оба лейтенанта летали вместе, но теперь их, имеющих офицерское звание, осталось только двое, и считалось, что они добьются большего, ведя каждый свою группу.

Выйдя на полетную палубу, Томонага обнаружил, что механики еще не починили левый бензобак его машины, поврежденный во время бомбардировки Мидуэя. «Не беспокойтесь, — остановил их Томонага, — заправьте правый бак. Этого будет достаточно». Хасимото побледнел. С одним баком Томонага уже не мог вернуться на авианосец. Он начал уговаривать своего друга сменить машину, но все было бесполезно — Томонага уже принял решение. Лейтенанты поднялись на мостик и были ошеломлены новостью, которой с ними поделился адмирал Ямагути. Недавно возвратившийся специальный скоростной разведывательный самолет, посланный с «Сорю» рано утром, сообщил о наличии в районе боя не одного и не двух, а трех американских авианосцев. Кроме того авианосца, по которому нанесли удар пикирующие бомбардировщики, поблизости находятся два других. Пилот с «Сорю» обнаружил авианосцы противника в 11.30, но у него вышло из строя радио. Спешно

вернувшись назад, летчик увидел, что корабль обхвачен пламенем и лишь в 12.50 отыскал «Хирю». Он только что сбросил пакет с донесением. В 13.00 было получено подтверждение этого сообщения.

Дал показания летчик сбитого самолета с «Йорктауна», поднятый из воды на японский эсминец. Командир 4-й флотилии эскадренных миноносцев капитан 1 ранга Арита радировал на «Хирю»: «По показаниям пленного, соединение противника состоит из авианосцев: «Йорктаун», «Энтерпрайз» и «Хорнет». Охранение: шесть крейсеров и около десяти эсминцев. «Йорктаун» действует отдельно с двумя крейсерами и тремя эсминцами охранения». Это меняло дело. До сих пор адмирал Ямагути полагал, что после вывода из строя одного американского авианосца «Хирю» ведет бой один на один с другим. Теперь выяснилось, что соотношение сил — два к одному. Что еще хуже — «Хирю» отправлял в бой последние самолеты. «Необходимо, — подчеркнул адмирал, инструктируя Томонага и Хасимото, — нанести удар по тем авианосцам противника, которые еще не получили повреждений».

Снова пилоты построились на полетной палубе под мостиком и снова адмирал Ямагути обратился к ним: они — последняя надежда — должны сделать все, что в их силах во имя Японии. Затем адмирал спустился вниз и обнял лейтенанта Томонага. Как и все на авианосце, адмирал знал, что Томонага вылетает на самолете, которому уже не суждено вернуться назад. Обняв офицера, Ямагути поблагодарил его за все, что тот сделал, и, пожимая ему

руку, сказал: «Я с радостью последую за вами!»

Пилоты заняли свои места, торпедоносцы стояли на палубе, подогревая моторы. В этот момент вернулись пикирующие бомбардировщики. Они не могли сесть, пока не взлетят торпедоносцы, но один из них сбросил на палубу вымпел с донесением. В донесении указывалась новая позиция американского соединения — несколько южнее, чем предполагалось. Зная, что Хасимото обычно был штурманом у Томонага, и забыв, что на этот раз они летели в разных самолетах, капитан 2 ранга Кавагучи передал полученную информацию Хасимото. Прежде, чем Кавагучи вспомнил, что Томонага летит в другом самолете, торпедоносцы начали взлет с палубы «Хирю».

В 13.31 торпедоносцы уже были в воздухе: Томонага — ведущий, Хасимото — замыкающий. Когда они развернулись и направились на восток, адмирал Ямагути молча следил за ними, стоя без движения, погруженный в свои мысли.

ГЛАВА 10

«ОСТАВИТЬ КОРАБЛЬ!»

Сигнальщики на эсминцах охранения заревели от восторга, наблюдая за тем, как неподвижно стоящий «Йорктаун» в 14.02 спустил желтый флаг: «Не имею хода» и вместо него поднял новый: «Имею ход пять узлов». Механикам авианосца

удалось снова ввести в действие три котла, и они полагали, что через некоторое время они доведут скорость «Йорктауна» до двадцати узлов, достаточной для взлетно-посадочных операций.

Между тем, пожары были локализованы, и в 13.50 капитан 2 ранга Эдрич доложил на мостик, что условия на полетной палубе являются уже достаточно безопасными для заправки топливом самолетов. В тот момент, когда авианосец дал ход, капитан 1 ранга Букмастер, столь же хороший психолог, как и моряк, приказал поднять на мачте «Йорктауна» новый огромный американский флаг. Не было человека, видевшего эту картину, который бы ее забыл. Позднее младший лейтенант Джон Лоренц писал: «Я на всю жизнь запомнил эту картину развевающегося на ветру нашего национального флага... Флаг был огромным, его яркие цвета были прекрасны в солнечном свете... Может быть, впервые я по-настоящему понял, что означает флаг — это все мы — миллионы американцев, вся наша страна!»

Передышка оказалась короткой. В 14.20 радары сообщили о новой волне японских самолетов, приближающихся с северо-запада. По всем боевым постам снова прозвучал сигнал воздушной тревоги. Корабли охранения придвинулись ближе, формируя компактный ордер вокруг авианосца, а на «Йорктауне» изо всех сил старались увеличить ход. В 14.18 авианосец давал уже восемь узлов, затем десять узлов, двенадцать узлов... и в 14.28 уже пятнадцать узлов. В этот момент радары эсминца «Бэлч» засекли японцев всего в тридцати

семи милях от соединения.

* * *

Лейтенант Хасимото знал, что противник должен быть уже близко. Было 14.28. Прошло около часа с тех пор, как они вылетели с «Хирю», и американские корабли должны были уже появиться в поле зрения. Двумя минутами позже он увидел их — крошечные белые следы по пеленгу 80 50 0 на расстоянии тридцать миль — плотный круг кораблей с авианосцем в центре. Авианосец выглядел совершенно не поврежденным, а в последнем сообщении пикирующих бомбардировщиков говорилось, что они добились многочисленных попаданий и авианосец противника «объят пламенем». Так что, по-видимому, это уже другой авианосец. «Объятый пламенем» корабль не может войти в строй так быстро. Подлетев к лейтенанту Томонага, Хасимото указал ему на корабли противника и вернулся на свое место. Томонага в крутом вираже повернул на юго-восток и в 14.32 приказал своим самолетам построиться для атаки.

Разделившись на две группы, торпедоносцы планировали приблизиться вместе, затем разделиться — Томонага зайдет с правого борта авианосца, Хасимото — с левого. Шесть истребителей лейтенанта Мори начали набирать высоту для лучшего прикрытия.

В десяти милях от цели обе группы были перехвачены американскими истребителями. Спикировав сверху, они мгновенно отправили в океан целый дивизион из группы Томонага. Затем шесть «Зеро» лейтенанта Мори врезались в американский

строй, завязав яростный воздушный бой. Это помогло торпедоносцам прорваться, и они ринулись к авианосцу, приближаясь с кормового курсового угла левого борта.

В 14.40 все корабли охраны открыли огонь. Огонь оказался гораздо плотнее, чем ожидал Хасимото. Шрапнель барабанила по крыльям его самолета, как град по железной крыше.

Авианосец тяжело развернулся вправо, и Хасимото внезапно обнаружил, что находится с его левого борта, а не с правого, как планировалось. Еще хуже пришлось Томонага — он остался теперь за кормой корабля. Строй его группы распался, и торпедоносцы пытались выйти в атаку по одному, прорываясь через заградительный огонь кораблей охраны. Хасимото решил не делать другого захода, а атаковать авианосец с того направления, на котором он оказался. Он никогда не делал лучшего захода на цель, чем этот, идя на высоте сто пятьдесят футов над водой. Хасимото видел, как стремительно приближается левый борт авианосца, ощетинившийся вспышками зенитного огня. С дистанции восемьсот ярдов лейтенант сбросил торпеду.

Капитан 1 ранга Букмастер наблюдал за вспенившимися белыми следами, стремительно приближающимися к «Йорктауну». Если бы авианосец имел хоть немножко большую скорость! Во время боя в Коралловом море, уклоняясь от японских торпедоносцев, Букмастер вызвал всеобщее восхищение, великолепно управляя 19 000-ю тоннами

стали. Но тогда «Йорктаун» имел тридцать узлов хода, а сейчас — только девятнадцать. Еще хорошо, что удалось увернуться от двух первых торпед. Но в 14.44 в воде появился третий вспенившийся след, направляясь на этот раз прямо в левый борт авианосца, чуть в нос от миделя. Стоя на левом крыле ходового мостика, сигнальщик Адамс видел, что торпеда идет прямо в то место, над которым он стоял. Матрос схватился руками за дверь рубки, сжавшись в ожидании взрыва.

Взрыв был страшный. Казалось, огромный авианосец был подброшен в воздух и с большой высоты снова рухнул в море. В памяти многих остались мгновенные впечатления — разлетающийся в щепки настил полетной палубы... поручни ограждения левого борта, скрученные, как гнилой забор... фонтан топлива из разбитых цистерн... едкий желтый дым и огромный фонтан воды, повисший над левым бортом. Авианосец накренился влево, но все еще шел вперед.

Затем — второе попадание торпеды, пришедшее в тот же левый борт, но дальше в корму, напротив помещения главных генераторов. Взрывом убило всех в помещении главных генераторов, сами генераторы были разбиты, руль заклинило под углом на левый борт, нарушилась связь, погасло освещение. Огромное облако серо-белого дыма повисло над кораблем. «Йорктаун» остановился с креном почти 18 градусов на левый борт.

Какое-то болезненное чувство охватило всех на крейсере «Портленд», когда они наблюдали за тем, что делается с «Йорктауном». Крейсер вел

шквальный заградительный огонь из всех орудий, включая 8-дюймовые орудия главного калибра, в надежде не допустить удара по авианосцу. И было что-то ужасное в этих самолетах, которые упорно продолжали свой путь, несмотря на все усилия, прилагаемые с тем, чтобы их уничтожить. Эти самолеты выглядели подобно «каким-то гигантским хищным птицам, которых не заставить свернуть в сторону, когда они видят добычу».

Как и крейсер «Портленд», вели огонь все корабли охранения. Снаряд с крейсера «Пенсакола» попал в подвешенную под одним самолетом торпеду — самолет исчез в ослепительной вспышке взрыва. Другой торпедоносец, сбросив торпеду в «Йорктаун», пронесся над крейсером «Винсенсенс» и, изрешеченный зенитным огнем, рухнул в воду в пятидесяти ярдах от носа крейсера. Третий, так и не сумевший выйти в точку сброса торпеды, попал под убийственный огонь орудий эсминца «Бэлч» и, развалившись на куски, упал в море.

В отчаянных усилиях спасти авианосец, американские истребители смело входили в зону зенитного огня своих кораблей. Когда раздались сигналы воздушной тревоги, «Йорктаун» начал выпуск своих истребителей, заправлявшихся топливом на полетной палубе. Восьмым и последним самолетом, успевшим взлететь с «Йорктауна», оказался истребитель Милтона Татла, который служил на авианосце всего шесть дней после окончания училища. Идя в свой первый неучебный полет, младший лейтенант Татл взлетел, сцепился с японским самолетом, сбил его, сам получил попадание

от собственных зениток, выбросился с парашютом, опустился в море и был подобран эсминцем «Андерсон» — все в течение пятнадцати минут.

Затем наступила тишина. Японцы ушли так же быстро, как и появились. В 14.52 последним из всех прекратил огонь крейсер «Портленд», а всего за двенадцать минут до этого он первым открыл его. Люди падали около своих орудий в полном изнеможении. Напряжение боя спало: теперь все почувствовали нечеловеческую усталость. Многие плакали, глядя на неподвижно стоящий накренившийся «Йорктаун». Было лишь одно удовлетворение: снова все считали, что ни одному японцу не удалось уйти после атаки.

* * *

— Заходите в атаку с носа! — кричал лейтенант Хасимото, когда его торпеда уже шла к цели.

Унтер-офицер Такахаси, следующий за ним, сбросил свою торпеду с еще более низкой высоты, скользя над самой водой и идя прямо на авианосец противника. Зенитный огонь был слабым — по видимому, американские зенитки не могли действовать на таких малых высотах.

«Мы попали?» — спросил по радио Такахаси. Хасимото, набирая высоту, смотрел вниз. Он увидел, как около борта авианосца поднялся огромный гейзер воды — такой огромный, что лейтенант мог отчетливо видеть его. Хасимото буквально завизжал от радости. Но радость Хасимото быстро угасла. Придя в точку сбора, он надеялся соединиться с самолетами Томонага, но ни один из них не появился. Сам Томонага и не мог

вернуться с одним бензобаком, но оказались уничтоженными и все пять торпедоносцев его группы. Но все пять самолетов Хасимото уцелели, а также, и три из шести истребителей лейтенанта Мори. Правда, три торпедоносца были настолько сильно повреждены, что их дальнейшее боевое использование не представлялось возможным, но дело свое они сделали. Хасимото был абсолютно уверен, что они атаковали другой авианосец, а не тот, который повредили пикирующие бомбардировщики. Уже на подлете он радировал на «Хирю» радостную новость: «Два точных торпедных попадания в авианосец типа «Энтерпрайз». Это не тот авианосец, о котором докладывали пикирующие бомбардировщики.

* * *

«Йорктаун» находился в критическом положении. Через пять минут после окончания атаки кренометр на мостике авианосца показывали крен 26 50 0 на левый борт. Капитан 1 ранга Букмастер позвонил в машину по безбатарейному телефону, но услышал только плохие новости. Старший механик капитан 3 ранга Дилени доложил, что все котлы погасли — корабль остался без энергии. Вспомогательный генератор цел, но все электроцепи разбиты. Затем на мостик пришло сообщение от командира дивизиона живучести капитана 2 ранга Эдрича. Он докладывал, что без энергии нет возможности пустить насосы для контр-затопления отсеков и перекачки топлива или сделать что-либо другое для выравнивания крена. На мостике казалось, что «Йорктаун» вот-вот перевернется.

На протяжении нескольких минут капитан

I ранга Букмастер, мучительно размышляя, молча ходил взад и вперед, по мостику. Офицеры, стоявшие вокруг, молча ждали решения командира. В конце концов Букмастер принял решение оставить корабль. «Йорктаун» выглядел обреченным, и впоследствии Букмастер заметил:

— Я не видел никакого смысла топить вместе с авианосцем две тысячи человек.

В 14.55 был отдан приказ: «Оставить корабль!» Семафором его сообщили на корабле охранения, голосом и по безбатарейным телефонам передали экипажу авианосца. Из машинных отделений, с аварийных постов, из бесчисленных помещений гигантского корабля, спотыкаясь в кромешной темноте нижних коридоров, скользя на облитых горячим трапах, на полетную палубу хлынул поток людей. Крен, темнота, разлитый кругом мазут — все затрудняло подъем наверх. Ни одно учение по оставлению корабля не было похоже на то, с чем пришлось столкнуться в действительности. Были забыты или игнорировались все правила, связанные с оставлением корабля. На мостике был оставлен вахтенный журнал, в шифровальной рубке остался открытым сейф, вокруг лежали шифровальные книги и папки с секретными документами, в помещениях для инструктажа было разбросано более семидесяти комплектов авиашифров для боевой радиосвязи.

Внизу, в лазарете, врачи и санитары, подсвечивая себе ручными фонарями, пытались организовать подъем наверх шестидесяти раненых. Раненых приходилось тащить на носилках по накренившимся,

скользящим палубам и поднимать наверх по разбитым трапам. Все в полной темноте или в свете ручных фонарей. А в операционной старший врач авианосца капитан 1 ранга Дэвис и хирург капитан 3 ранга Френч продолжали оперировать тяжело раненного при свете аккумуляторного фонаря, ничего не зная о приказе оставить корабль.

Сотни людей столпились на полетной палубе, совершенно не представляя себе, что делать дальше. Некоторые ожидали спуска на воду шлюпок и катеров, забыв, что отсутствие электроэнергии не позволяет это сделать. Некоторые были мрачны, кое-кто плакал, но, как ни странно, слышались также шутки и смех. Было чуть больше 15.00. Эскадренные миноносцы подошли ближе, готовясь принять из воды экипаж авианосца. Собираясь покинуть корабль, матросы снимали ботинки, и постепенно целый ряд ботинок выстроился на полетной палубе — все они аккуратно стояли носками в сторону борта.

Дюжина концов с узлами была сброшена с поручней вниз, и сначала первые смельчаки, а затем уже непрерывный поток людей начали спуск. Лейтенант Уильям Криншоу вспомнил, как в училище инструктор учил их лазить по канату, объясняя, что при спуске самое главное — тщательно перехватывать руки. Однако, между теми канатами, что висели в спортивных залах Аннаполиса, и теми, что свисали с поручней «Йорктауна», была большая разница — в училище канаты не были покрыты грязью, маслом и мазутом. Поэтому, когда Криншоу попытался использовать полученные в

училище знания, он сорвался с каната и упал в воду.

Матрос Мелвин Франц начал спуск вполне благополучно, но ему на голову упал кто-то спускающийся сверху. Они вместе упали в воду. Боцман Бриггс также сорвался с каната и, погружаясь в воду, подумал о том, что ему уже не выплыть, несмотря на спасательный жилет. Не считая обычной формы, боцман натянул сапоги, тяжелый свитер и пояс с двумя пистолетами. Но все-таки спасательный жилет выбросил его на поверхность.

Капитан 2 ранга Рэй спускался вниз, зажав в зубах свою неизменную трубку, показывая пример своим хладнокровием. Один юный матрос сказал, что с первого дня службы мечтал нырнуть в воду прямо с полетной палубы авианосца, но это категорически запрещалось. Он воспользовался случаем и осуществил свою мечту.

Хлынувшее из пробитых цистерн топливо толстой пленкой покрыло поверхность воды вокруг авианосца. Людей тошнило и рвало, пока они доплывали до чистой воды.

Экипаж уже почти полностью покинул авианосец, а внизу, в операционной, Дэвис и Френч, все еще не зная ничего, продолжали оперировать раненого матроса. Когда операция закончилась, Дэвис вышел и позвал санитаров, чтобы те унесли раненого. Никто не отозвался. Тогда Дэвис спросил пробежавшего мимо какого-то матроса (какого-то матроса, пробежавшего мимо), куда девались санитары, и только тогда узнал, что уже давно отдан приказ оставить корабль. Дэвис и Френч вынесли раненого на полетную палубу. Затем Дэвис

снова спустился вниз, чтобы проверить, не остался ли кто-нибудь в лазарете. В полной темноте это было трудно сделать, он крикнул несколько раз и, не получив ответа, снова поднялся на палубу. На корабле уже не было никого, и Дэвис, спускаясь вниз по канату, был уверен, что покидает авианосец последним.

Но на мостике еще находились капитан 1 ранга Букмастер и старший помощник командира капитан 2 ранга Кайфер. Букмастер приказал старпому покинуть «Йорктаун». Немного поколебавшись у борта, Кайфер начал спускаться по канату. Сорвавшись, старпом ударился о корпус корабля и сломал себе ногу, но это не помешало ему отплыть на безопасное расстояние от авианосца.

Завершив последний обход корабля, капитан 1 ранга Букмастер спустился по канату вниз. Он подплыл к одному из спасательных плотиков, но тот оказался переполненным ранеными, и командир авианосца плыл, держась за леер плотика.

Шлюпки и катера с эсминцев подводили переполненные людьми плотики к бортам своих кораблей. За борт были спущены грузовые сети, и сотни мокрых, измазанных мазутом людей начали подниматься на палубы эскадренных миноносцев. Количество спасенных было слишком большим даже для семи эсминцев. Один только «Бэлч» принял на борт семьсот двадцать человек. В 16.46, когда эскадренные миноносцы последний раз обследовали район вокруг оставленного авианосца, на их борту находилось две тысячи двести семьдесят человек. Одним из последних на борт эсминца

«Бэнхэм» был поднят английский наблюдатель, капитан 2 ранга Королевского флота Великобритании Лэйнг. Мокрый и измазанный мазутом, но в фуражке, англичанин вскарабкался на палубу эсминца, отдал честь флагу и сказал: «Боже, храни короля! Боже, храни флот Соединенных Штатов!»

Адмирал Флетчер следил за действиями торпедоносцев противника с мостика тяжелого крейсера «Астория». Никогда он не чувствовал себя таким беспомощным. Японцы точно знали, где найти «Йорктаун», а он до сих пор понятия не имел, где их четвертый авианосец. Три часа уже прошло с тех пор, как 5-я разведывательная эскадрилья вылетела на поиск на северо-запад, но от нее все еще не поступало никаких сообщений. Флетчер уже обдумывал возможность посылки гидросамолетов крейсера на Мидуэй, чтобы попросить тамошнее командование произвести новый поиск летающими лодками. Адмирал еще не знал, что четвертый японский авианосец уже обнаружен.

Лейтенант Сэм Адамс, один из пилотов 5-й эскадрильи, ведя за собой два самолета своего звена, осматривал самый западный сектор района поиска. В течение трех долгих часов полета обнаружить ничего не удавалось. В 14.30 Адамс повернул назад и, уже будучи на полпути от американских авианосцев, неожиданно увидел внизу целую гирлянду белых следов. Осторожно приближаясь, Адамс пересчитал следы — их было десять. Вскоре лейтенант смог опознать четыре эсминца, три крейсера, два линкора и... Вот он — четвертый авианосец! Все соединение противника шло на се-

вер с скоростью двадцать узлов. Адамс определил позицию противника, доложил о ней голосом по микрофону, а для верности приказал своему стрелку-радисту дублировать это сообщение морзянкой.

Сообщение пришло на «Йорктаун», когда еще отбивалась атака торпедоносцев. Его хотели передать по внутриэскадренной связи на 16-е оперативное соединение, но не успели этого сделать, поскольку корабль лишился энергии. Тогда сообщение передали прожектором на крейсер «Астория» для ретрансляции Спрюэнсу. Адмирал Флетчер облегченно вздохнул — наконец обнаружен последний авианосец противника! В 15.08 это сообщение было принято на «Энтерпрайзе». Штаб Спрюэнса начал подсчитывать имеющиеся в распоряжении силы. Торпедоносцев уже не было вообще, истребителей едва хватало для воздушного патруля. Пришлось создать сборную «команду» из трех различных эскадрилий пикирующих бомбардировщиков. 6-я бомбардировочная и 6-я разведывательная эскадрильи насчитывали вместе одиннадцать «Донтлесов». К ним добавили и четырнадцать пикировщиков, перелетевших с «Йорктауна». Возглавить авиагруппу должен был лейтенант Эрл Галлахер. В помещениях для инструктажа смертельно усталые летчики ждали команды, стараясь не смотреть на пустые кресла тех, кто не вернулся из боя. В 15.15 заработали телетайпы, сообщая данные об обстановке, а в 15.30 громкоговорители разнесли по авианосцу команду: «Пилоты! По самолетам!» «Энтерпрайз» повернул под ветер, и Галлахер повел на взлет свою пеструю авиагруппу.

Один из бомбардировщиков сразу же вернулся назад, но остальные двадцать четыре «Донтлеса», продолжая полет, развернулись навстречу послеполуденному солнцу.

Когда пикировщики «Энтерпрайза» уже скрылись за горизонтом, на «Хорнете» произошло чудо. К 15.30 экипаж уже перестал надеяться, что вернутся самолеты исчезнувших эскадрилий. Однако, минут через десять были замечены приближающиеся с юга самолеты. Противник? Нет, это были «Донтлесы». Уныние сменилось буйной радостью, когда одиннадцать бомбардировщиков 8-й эскадрильи Раффа Джонсона совершили посадку на авианосец. Эскадрилья заправилась горючим на Мидуэе и вернулась на корабль, чтобы продолжать бой. Самолеты быстро подготовили к вылету, и в 16.03 вслед за самолетами «Энтерпрайза» вылетели шестнадцать пикирующих бомбардировщиков «Хорнета», ведомые лейтенантом резерва Эдгаром Стиббинсом.

«Авиагруппы 16-го оперативного соединения вылетели для удара по авианосцу противника, о котором доложил ваш разведывательный самолет», — просигналил адмирал Спрюэнс Флетчеру и добавил: «Имеете ли какие-нибудь приказы для меня?» Флетчер немедленно ответил: «Нет. Действуйте по собственному усмотрению». Это было очень разумное решение. Флетчер командовал всеми американскими силами в этом районе, но он потерял свой авианосец, а Спрюэнс имел их два. Поэтому Флетчер поступил совершенно правильно,

устранившись от руководства боем. С этого момента судьба сражения перешла полностью в руки контр-адмирала Раймонда Спрюзенса.

* * *

— Сражение еще можно выиграть, — сказал адмирал Ямагути командиру «Хирю». — В самом худшем случае, мы ведем сейчас борьбу один на один. Действительно, если учесть, что один американский авианосец был поврежден бомбами, а второй — торпедами, силы снова уравнились. Адмирал немедленно приказал лейтенанту Хасимото, только что вернувшемуся после торпедной атаки, возглавить третью ударную волну против американского флота.

Беда была в том, что уже почти не оставалось самолетов. В лучшем случае, могли вылететь только пять пикирующих бомбардировщиков и четыре торпедоносца. Истребителей с ними уже нельзя было послать — шесть оставшихся «Зеро» должны были прикрывать авианосец. Кроме лейтенантов Хасимото и Сигемацу, уже не осталось летчиков-офицеров. Все смертельно устали. Сам Хасимото не вылезал из самолета с самого рассвета, а ему предстоял еще один боевой вылет. Приняв все это во внимание, адмирал Ямагути решил отложить вылет до шести часов, чтобы летчики могли хоть немного отдохнуть и что-нибудь поесть — ни у кого во рту не было крошки с самого завтрака. Кроме того, эта отсрочка позволяла нанести удар по американцам в сумерки, что давало столь малому количеству японских самолетов лучшие шансы в борьбе с американскими истребителями.

Лейтенант Хасимото не мог даже есть, настолько он устал. Свалившись на диван в помещения для инструктажа, он тут же забылся в тяжелом сне.

На полетной палубе механики готовили к вылету опытный скоростной разведывательный самолет, который перелетел с «Сорю». Он должен был лететь впереди остальных, чтобы вывести их на американские авианосцы. На посту управления авиацией капитан 3 ранга Кавагучи жадно совал себе в рот шарики риса. Было ровно 17.03, когда раздался испуганный крик сигнальщика, прокричавшего страшные слова: «Прямо над нами пикирующие бомбардировщики противника!»

ГЛАВА 11

ПОРТРЕТ ИМПЕРАТОРА

На этот раз противник был обнаружен легко. Примерно в 16.45 Эрл Галлахер заметил предательские кильватерные следы в тридцати милях на северо-западе. Несколькими минутами позже он опознал авианосец и полдюжины других кораблей, идущих на запад. Снизившись до девятнадцати тысяч футов, Галлахер описал круг над японским соединением, чтобы атаковать его из-под солнца. Далеко внизу корабли противника шли прежним курсом, даже не подозревая о присутствии американцев.

В 16.58, четко построившись по эскадрильям и дивизионам, пикирующие бомбардировщики камнем ринулись вниз. Выходя на цель, Галлахер

передал приказ: самолетам «Энтерпрайза» — атаковать авианосец, группе «Йорктауна» — ближайший линкор. Затем, как обычно, совершенно внезапно откуда-то сверху появились «Зеро». Они налетели настолько стремительно и настолько не давали перевести дух американским летчикам, что точно определить их количество было просто невозможно. Японские истребители дрались за свою последнюю полетную палубу, и это придавало им ярости. Их первой жертвой стала отставшая от строя машина младшего лейтенанта Вебера. Сам Галлахер подвергся атаке, когда вышел из строя, чтобы начать пикирование. Какую-то долю секунды истребитель противника несся прямо на него, а затем исчез, когда Галлахер со скольжением на крыло пошел в боевой разворот. В следующее мгновение с диким криком ярости он пошел вниз, ведя свою «сборную» эскадрилью на последний находящийся в строю японский авианосец.

Заметив наконец опасность, авианосец в отчаянной попытке избежать попаданий стал тяжело разворачиваться влево. Галлахер уже не мог откорректировать свое пикирование. Тогда он стал резко выходить из пике, не сбросив бомбы, надеясь сделать это прямо над кораблем. Такие трюки иногда удавались, но на этот раз ничего не вышло. Сначала сам Галлахер, а затем несколько других пилотов 6-й бомбардировочной эскадрильи положили бомбы за кормой авианосца.

Видя это, лейтенант Дэйв Шамвей, ведущий группы с «Йорктауна», перенацелил свои бомбардировщики, которым было приказано атаковать

линкор, на авианосец. Его самолеты ринулись вниз, совершенно смешавшись с бомбардировщиками Дика Беста. Это был один из тех моментов, который мог бы довести до припадка любого преподавателя в училище морской авиации в Пенсаколе.

«Зеро» продолжали свои атаки, с великолепным мастерством демонстрируя сложнейшие фигуры высшего пилотажа. Один истребитель сделал заход на бомбардировщик младшего лейтенанта Гобса, проскочил над ним, перевернулся через крыло и молниеносно совершил второй заход — и все это за то время, пока Гобс пикировал на цель. Другой «Зеро» штопором стал падать вниз, напоминая сорванный с дерева лист, чтобы не выпустить из прицела бомбардировщик лейтенанта Боттомлея. Было видно, как, объятые пламенем, рухнули в море машины лейтенанта Вайсмана и Батлера.

Казалось, авианосец сможет избежать попаданий. Его искусное маневрирование, яростные атаки «Зеро», шквальный зенитный огонь должны были сорвать атаку пикирующих бомбардировщиков. Младший лейтенант Хенсон видел, как несколько пилотов, пикировавших перед ним, промахнулись. Затем, едва не воя от злости, он наблюдал, как и его собственная бомба прошла мимо цели. Выходя их атаки, Хенсон уныло поглядел вниз, и его настроение мгновенно переменилось. Одна... две... три бомбы попали в авианосец одна за другой. Кому принадлежат лавры этих попаданий — неизвестно. Обе авиагруппы пикировали вместе, и до сих пор спорят о том, кто именно

уничтожил последний авианосец Нагумо. Разобраться в этом, конечно, невозможно. Но в любом случае дело было сделано, причем настолько хорошо, что два последних самолета снова перенацелились на линкор. Уже казалось излишним тратить бомбы на авианосец — его полетная палуба была разбита вдребезги.

* * *

Стекла брызнули во все стороны из иллюминаторов ходовой рубки авианосца «Хирю». Первое попадание пришлось в платформу носового самолетоподъемника и разрушило полетную палубу от носа почти до островной надстройки. Взрывной волной капитан 2 ранга Кавагучи был сброшен с поста управления авиацией на полетную палубу. Чудом уцелевший, он вскочил на ноги и снова был сбит с ног еще одним попаданием в район мостика.

Глубоко внизу, в машинном отделении авианосца, лейтенант Мандаи почувствовал, как тяжело трянуло корабль. Освещение погасло, пришлось перейти на аварийное. В помещение начал поступать дым. Когда двое мотористов, посланные за обедом, открыли люк, вслед за ними в машинное отделение ворвалось пламя.

В помещении для инструктажа спавший на диване лейтенант Хасимото проснулся от страшного грохота. Он выскочил на полетную палубу и, застыв на месте, увидел невероятную картину: прямо напротив мостика вверх была задрана платформа носового самолетоподъемника. Из-за этого с мостика ничего нельзя было видеть по курсу корабля. Машины были в порядке, авианосец все

еще давал тридцать узлов, но эта проклятая платформа, совершенно закрывая обзор с мостика, не давала возможности маневрировать. Однако, ход был, а основная пожарная система продолжала работать. Капитан 3 ранга Каноз, приказав затопить боевые погреба, быстро организовал матросов для борьбы с огнем.

Капитан 2 ранга Кавагучи стоял недалеко от островной надстройки, наблюдая за тушением пожара. Командиру авиационной боевой части ничего не оставалось делать — начиная от носа, полетная палуба на треть своей длины представляла собой огромный кратер. Затем Кавагучи увидел, как несколько огромных столбов воды поднялись примерно в пятидесяти ярдах от корабля. Кавагучи взглянул вверх. В просвете облаков он с удивлением увидел величественный строй летающих крепостей. Как будто они мало уже получили, их еще бомбили «летающие крепости».

* * *

Шесть тяжелых бомбардировщиков B-17 майора Джорджа Блэки получили приказ перелететь с Гавайских островов на Мидуэй, с тем, чтобы еще более усилить ударную мощь атолла. Пробыв в воздухе около семи часов, они уже на подлете к Истерн-Айленду получили с Мидуэя приказ, не садясь, атаковать японское соединение. Майор Блэки провел короткое совещание по радио. Достаточно ли у них горючего? Мидуэй передал, что противник находится в ста семидесяти милях северо-западнее — туда и обратно выходило чуть больше четырехсот миль полета. Это означало,

что они будут вынуждены выйти в атаку на высоте три тысячи шестьсот футов. Абсурдно низко, но делать было нечего — майор Блэки отдал приказ об изменении курса.

Чуть позднее, в 18.00, капитан Найк Уайткер, ведущий трехсамолетного дивизиона, заметил прямо по курсу далеко на горизонте клубы черного дыма. Приблизившись, он опознал горящий авианосец, окруженный многочисленной компанией крейсеров и эсминцев. Но не все молодые пилоты, «зеленые» выпускники летных училищ, могли действовать так отчетливо, как капитан Уайткер.

Лейтенант Чарльз Кройвел, 2-й пилот в одном из Б-17, даже понятия не имел, что там внизу был противник. Когда поступил приказ приготовиться к сбросу бомб, лейтенант полагал, что самолет заблудился и просто освобождается от лишнего груза. Заблуждение, однако, продолжалось недолго. Когда летающие крепости повернули на авианосец, появились «Зеро», и все корабли внизу открыли огонь. Зенитный снаряд повредил крыло одного бомбардировщика, осколки разбили носовой колпак другого, сбив с ног бомбардира. Но тяжелые бомбардировщики прорвались через все преграды. Отбиваясь от истребителей, они, ревя моторами, сбросили свои бомбы и ясно видели взрыв на палубе авианосца.

Примерно в это же время над японским соединением появились еще четыре летающих крепости полковника Суини, взлетевшие с Мидуэя. Авианосец внизу был поврежден, и они занялись тяжелым крейсером. Несколько позднее с Мидуэя взлетел

капитан Уайтейл с двумя тяжелыми бомбардировщиками. Авианосец противника еще горел, но Уайтейл на всякий случай решил атаковать его, а второй Б-17 сбросил бомбы на линейный корабль.

Между тем, к месту боя подошел лейтенант Стиббинс, ведя за собой пикирующие бомбардировщики с «Хорнета». Он также решил, что с авианосцем покончено, и атаковал два корабля охранения, один из которых с это же время бомбил полковник Суини.

Путаницы и неразберихи было много, но это уже не имело большого значения — атака была легкой. Последние японские истребители, израсходовав горючее, падали в море. У японцев уже оставалось мало средств продолжать борьбу.

Когда все американские летчики в конце концов повернули домой, оценка ими своих действий была столь же прекрасной, как и провожающий их Тихоокеанский закат. Лейтенант Стиббинс доложил о трех попаданиях в линкор и двух — в крейсер. Пилоты летающих крепостей были еще более самонадеянными: попадание в горящий авианосец, в линкор и в крейсер, потопленный эсминец плюс целый ассортимент близких смертоносных разрывов. Они и сейчас с трудом верят в то, что не добились ни одного попадания.

* * *

Старший офицер линейного корабля «Харуна» капитан 1 ранга Мичисо Цутсуми следил за двумя бомбардировщиками, идущими в крутом пике прямо на мостик линкора. Один из них, казалось, уже никогда не выйдет из пике, настолько он

снизился — Цутсуми мог ясно видеть лицо пилота. Затем, в какую-то последнюю секунду, бомбардировщик резко выровнялся уже на такой высоте, что задел хвостом за антенну линкора. Каким-то чудом бомба не попала в линкор, а с оглушительным грохотом взорвалась за кормой. В течение следующего часа все соединение подверглось атакам: в 17.30 пикирующие бомбардировщики атаковали тяжелый крейсер «Тонэ», в 17.40 «летающие крепости» — «Харуну», в 17.50 пикирующие бомбардировщики — тяжелый крейсер «Тикума», в 18.15 «летающие крепости» — авианосец «Хирю». Казалось, эти атаки никогда не закончатся. Но наконец измученные сигнальщики крейсера «Тикума» заметили, что последние атакующие самолеты противника уходят, и соединение имеет шансы передохнуть. Невероятно, но ни один корабль не получил попаданий. Близкие разрывы за кормой линкора «Харуна» погнули несколько листов обшивки и заклинили дальномер на башне главного калибра. Кроме того, один из низколетающих бомбардировщиков обстрелял палубу «Хирю», повредив зенитное орудие и убив несколько человек. Однако, для авианосца «Хирю» уже не имело значения, сколько он теперь имеет орудий. Капитан 1 ранга Каку отлично понимал, что его единственной надеждой на спасение был быстрейший уход из района боя. Если удастся выйти за пределы радиуса действия американской авиации, то, может быть, удастся зализать раны и вернуться в Японию.

Телефонная связь еще работала, и Каку вызвал на мостик своего старшего механика капитана

2 ранга Кунизо Айзо, приказав ему продолжать поддерживать скорость в тридцать узлов. Айзо доложил, что центральный пост управления машиной совершенно не пострадал, а пожар в машинном отделении № 4 потушен. До трех других машинных отделений он не смог добраться, поскольку все проходы были отрезаны огнем, но он говорил с ними по телефону, и из заблокированных отделений доложили, что у них все в порядке. Были жалобы только, что очень душно и дымно.

Айзо, по-видимому, был оптимистом. Пока он докладывал командиру обстановку, в машинном отделении № 4 лейтенант Мандаи взглянул на подволок и заметил, что белая краска на нем начала таять. Расплавленная краска стала капать вниз, обжигая людей, и даже стала причиной небольшого пожара. Когда краска исчезла, подволок стал накаляться и в конце концов раскалился докрасна. Никто об этом не говорил, но все понимали, что они отрезали от остальных огнем, бушующим наверху.

В нескольких сотнях ярдов от горящего авианосца, в надвигающихся сумерках, рассекал волны линейный корабль «Кирисима». Линкор имел приказ быть готовым к буксировке в случае, если на «Хирю» выйдут из строя машины. Когда стемнело, на линкоре поняли, какой опасности они подвергаются. Языки огня на «Хирю» время от времени вырывались высоко вверх, служа отличным маяком для подводных лодок противника. В конце концов командир «Кирисимы» капитан 1 ранга Ивабучи радировал адмиралу Нагумо, прося разрешение отойти от авианосца.

В 18.37 Нагумо передал на линкор приказ оставить «Хирю» и присоединиться к крейсеру «Нагара». «Кирисима» повернул на северо-запад, и, когда линкор стал медленно удаляться от горящего авианосца, старпом «Кирисимы» капитан 2 ранга Хонда задумчиво глядел на оставляемый «Хирю». Авианосец выглядел черным на фоне заката, а из каждого его бортового портика вырывались языки пламени напомнили ему фонарики — сотни бумажных фонариков, которые зажигают по праздникам у него на родине.

* * *

Глядя на тяжело накренившийся «Йорктаун», капитан 2 ранга Гартвиг с трудом подавил вздох. Почти два года его эсминец «Рассел» входил в состав охранения авианосца и стал как бы частью его. Теперь же его приходится бросить на произвол судьбы. После снятия экипажа с «Йорктауна» адмирал Флетчер приказал кораблям охранения идти на соединение с силами адмирала Спрюэнса. Приказ есть приказ, но от этого не становилось легче. В голове у Гартвига все время вертелась фраза из «Гамлета»: «Увы! Бедный Йорик, я так хорошо знал его!»

Очень многие считали оставление «Йорктауна» преждевременным. Авианосец держался на воде, пожар был потушен, крен не увеличивался, и крейсер «Портленд» был готов начать буксировку. Однако адмирал Флетчер, взвесив все факторы — возможность новой атаки, находящиеся где-то поблизости тяжелые корабли противника, подводные лодки, — приказал отходить. Наступала ночь, и

опасность быть пойманным у брошенного авианосца становилась вполне очевидной. В 17.38 Флетчер отдал приказ всем следовать на восток. Следующие тридцать пять минут «Йорктаун» один покачивался в надвигающейся темноте. Затем в 18.13 был передан новый приказ: «Эсминцу «Хьюджес» вернуться к авианосцу и остаться возле него».

Остальные корабли 17-го оперативного соединения двинулись на соединение со Спрюзэнсом, который еще принимал самолеты, возвращающиеся после завершающих ударов по противнику. Снова встревоженные взгляды пересчитывали возвращающиеся бомбардировщики, ища признаки повреждения или жертв. Но на этот раз напряжение было гораздо меньшим, чем утром, главным образом, благодаря радио. Эфир был заполнен радостными криками пилотов и шутками: «Эй! Им уже нечем нас сбивать, разве что помойными ведрами! Ого! В меня, кажется, летит помойное ведро!»

На этот раз на авианосец не вернулись три машины, а три других были тяжело повреждены. У самого Галлахера при выходе из пике открылась старая рана в спине. Боль буквально убивала командира авиагруппы. Он не в силах был даже нагнуться, чтобы выпустить посадочный гак. Однако, без выпущенного гака на авианосец совершить посадку было невозможно. Не могло быть и речи о посадке на воду — Галлахер отлично понимал, что со своей больной спиной он никогда не выберется из машины. Галлахер отвернул в сторону, выпуская на посадку остальных, отчаянно пытаясь выпустить посадочный гак. Теряя сознание от

боли, лейтенант все-таки ухитрился дотянуться до рукоятки выпуска гака и в 18.34 посадил свой самолет на палубу «Энтерпрайза».

* * *

Уныние царило на временном флагманском корабле адмирала Нагумо — легком крейсере «Нагара». Сам Нагумо вспоминал былые дни, когда он командовал эсминцем и говорил что-то невнятное о ночных торпедных атаках, которые следует навязать противнику с наступлением темноты. Начальник штаба соединения адмирал Кусака лежал на койке в маленькой каюте, мучаясь от растянутых сухожилий на ногах. Когда он был нужен на мостике, то один здоровенный матрос нес его туда, как свиную тушу. Это была смешная картина, в какой-то мере символизирующая беспомощность и бедственное положение всего соединения Нагумо.

А на мостике «Ямато» адмирал Ямамото наконец начал осознавать весь ужас положения, лихорадочно обдумывая план дальнейших действий. Еще в 12.20, узнав о выходе из строя трех авианосцев Нагумо, главком отдал новый четкий приказ по Объединенному флоту. Транспортам было приказано временно отойти. Подводным лодкам — занять позиции несколько южнее их линии. Адмиралу Какута — оставить Алеутские острова и спешить на юг с легкими авианосцами «Рюдзе» и «Джунье». Адмиралу Кондо отдавать приказы не было нужды — он уже спешил на север со своими линейными кораблями и авианосцем «Дзуйхо». Сам Ямамото продвигался на восток, ведя «Ямато», два других линкора и авианосец «Хосе». При благоприятных

обстоятельствах, эти соединения должны были соединиться с Нагумо в течение ночи.

Первым должен был появиться Кондо — его соединение находилось всего на расстоянии трехсот миль от Нагумо. Ямамото надеялся, что если все эти корабли построить вокруг «Хирю» и его мощного прикрытия, то этого будет достаточно, чтобы добить американский флот. Кроме того, оставалась и первоначальная цель операции — сам Мидуэй. Не собираются ли американцы превратить Мидуэй в непотопляемый авианосец и тем самым держать большую часть Объединенного флота под постоянными ударами своей авиации?

«Бог операций» капитан 1 ранга Куросима убеждал главкома, что авиабаза на Мидуэе должны быть уничтожены, даже в ущерб быстрейшему сосредоточению сил. Адмирал согласился и в 13.10 радировал Кондо: «Выделите часть сил для обстрела и уничтожения авиабазы противника на «АФ». Оккупация «АФ» и «АО» временно откладывается». Алеутская операция была вскоре возобновлена, но захват Мидуэя отложен по меньшей мере до тех пор, пока корабли адмирала Кондо не ослабят оборону атолла. Для выполнения этой операции Кондо выделил новейшие и самые быстроходные крейсера японского флота «Кумано», «Судзуйя», «Микума» и «Могами». Под командованием адмирала Такео Курита они ринулись на северо-восток со скоростью тридцать два узла.

Планирование дальнейших шагов было бы значительно легче, знай в штабе Ямамото хоть немножко больше о реальной обстановке. Но Нагумо

отправил им единственное короткое сообщение, описывающее утренний налет, и с тех пор от него не было ни слова. В 16.55 штаб главкома запросил Нагумо по радио, требуя дополнительной информации. Никто не подтвердил получение этой радиограммы — возможно, потому что она пришла в самое неудачное время, когда американские пикирующие бомбардировщики внезапно атаковали «Хирю».

Адмирал Ямамото оставался в неведении: с 11.30, почти шесть часов, он не получил никаких сообщений от Нагумо. Адмирал, начиная нервничать, беспокойно ходил взад и вперед по мостику, рассеяно поднимая свой бинокль и смотря на восток, как будто таким образом можно было узнать что-то новое.

Как обухом ударило сообщение в 17.30 — «Хирю» горит в результате попадания бомб. Ямамото тяжело опустился в кресло, стоящее в центре флагманской рубки. Он не сказал ни слова. Несколько минут главнокомандующий Объединенным флотом сидел без движения, как мертвый.

А на крейсере «Нагара» адмирал Нагумо продолжал носиться со своей идеей ночной торпедной атаки эсминцами. По его схеме нужно было в определенный момент отойти на запад, затем вернуться на прежний курс и с наступлением темноты поймать американцев в ловушку, навязав им новый Ютландский бой. Разрабатывая свой план, Нагумо заметно оживился, и капитан 3 ранга Есиоко отметил: «Старый морской волк впервые за сегодняшнее утро выглядит бодрым». Однако, в 18.30 крейсер «Тикума» просигналил сообщение,

которое разбило все надежды адмирала: «Разведывательный самолет № 2 в 17.13 обнаружил четыре авианосца противника, шесть крейсеров и пятнадцать эсминцев в тридцати милях восточнее горящего и накренившегося американского авианосца. Соединение противника идет на запад».

Это меняло все дело. Нагумо полагал, что противник также понес тяжелые потери, а теперь выяснилось, что он повредил только один американский авианосец, а четыре других идут прямо на него. Втянуть противника в классическое морское сражение времени Ютланда — это, конечно, было бы неплохо, но ни сам Нагумо, ни его штаб не имели никакого желания связываться с такой воздушной армадой. Интересно, что никто не подверг сомнению полученное с «Тикумы» сообщение. Ошеломленные полученным ударом, офицеры Нагумо готовы были теперь поверить во что угодно. Учитывая события минувшего утра, они имели право даже на еще больший скептицизм, и ни у кого не возникло желания проанализировать это более чем сомнительное сообщение. Все поняли, что надо поскорее убираться из этого района. В 19.05 остатки соединения повернули назад и стали уходить полным ходом от опасности, надвигающейся с северо-запада.

На «Ямато» адмирал Ямамото делал все, что в его силах, чтобы поднять боевой дух своих подчиненных. Хотя главком и сам был потрясен не меньше других, хладнокровие являлось одним из лучших боевых качеств адмирала. В 19.15 Ямамото радировал всем командующим соединениями:

«Флот противника, который фактически разбит, отступает к востоку. Силы Объединенного флота, находящиеся в этом районе, готовятся к преследованию разбитых соединений противника и одновременно к захвату «АФ». Приказываю:

1. Главным силам к 3.00 5 июня быть в точке 32 50 008'с.ш. и 175 50 045'в.д. Курс 90 50 0, скорость двадцать узлов.

2. Ударному авианосному соединению, соединению вторжения (исключая 7-ю дивизию крейсеров) и соединению подводных лодок, взаимодействуя друг с другом, немедленно вступить в боевое соприкосновение с противником и завершить его разгром».

Неизвестно, как отреагировал на этот приказ адмирал Нагумо, поскольку одновременно пришло сообщение о том, что авианосец «Сорю» затонул.

Все послеполуденное время «Сорю» продолжал гореть, сотрясаясь от внутренних взрывов. Эсминцы охранения беспомощно кружили вокруг него. Перед заходом солнца, когда экипаж был уже снят с авианосца, на него был отправлен главстаршина Абэ с тем, чтобы попытаться спасти командира авианосца капитана 1 ранга Янагимото, который отказался покинуть корабль. Абэ был чемпионом флота на борьбе и имел приказ — в случае необходимости силой заставить Янагимото покинуть обреченный авианосец. Но капитан 1 ранга Янагимото отказался даже пошевелиться, а у Абэ не хватило духу поднять руку на своего командира. Со слезами на глазах он вернулся с авиа-

носца один. «Сорю» медленно погружался. На стоящем рядом эсминце «Макигумо» кто-то запел японский национальный гимн. Другие подхватили его. Когда величественная мелодия гимна взлетела над волнами, нос авианосца задрался вверх, а корма погрузилась в воду. На мгновение «Сорю» застыл в этом положении — и в 19.13 все было кончено.

Через двадцать минут наступила очередь авианосца «Кага». Все время после полудня корабль дрейфовал, лишившись хода, но оставшиеся на его борту люди продолжали бороться с огнем, пытаясь залить пожар ведрами. Это была безнадежная борьба, и перед заходом солнца эсминец «Хагикадзе» послал катер, чтобы снять с авианосца тех, кто еще оставался на борту. Матросы отказались покинуть корабль и отправили катер назад за ручной пожарной помпой. Катер вернулся на авианосец с письменным приказом, который предписывал всем покинуть корабль. На этот раз моряки подчинились. Один пожилой старшина, служивший на авианосце с момента его спуска на воду, плакал, как ребенок: слезы стекали с его седых усов. Через некоторое время в темноте прозвучали два оглушительных взрыва, и в 19.25 с авианосцем «Кага» было также покончено.

В этот же самый момент на «Акаги» капитан 1 ранга Аоки приказал всем уцелевшим собраться на полетной палубе. Потеряв надежду спасти корабль, Аоки поблагодарил своих подчиненных за проявленное мужество, попрощался с ними и приказал всем покинуть авианосец. Эскадренные миноносцы «Новаки» и «Араси» подошли к «Акаги»,

начав в 20.00 снимать с него экипаж. Адмиралу Нагумо была послана радиограмма, запрашивающая разрешения затопить «Акаги». Нагумо ничего не ответил, но тут вмешался сам Ямамото. Главкомандующий перехватил запрос и в 22.25 радировал в ответ короткий приказ: «Не топить «Акаги».

Частично этот приказ был вызван сентиментальностью адмирала. В дни молодости Ямамото служил несколько лет на авианосце, и «Акаги» был его любимцем. Штурман «Акаги» капитан 2 ранга Миура уже будучи на эсминце «Новаки», получил приказ Ямамото, которым он назначался командиром спасательной партии. Миура обошел на катере вокруг «Акаги», с трудом поднялся на борт и обнаружил командира, который, ожидая потопления авианосца, уже привязался к якорю. Сообщив о приказе главкома, Миура убедил своего командира перейти на эсминец и принять участие в спасении «Акаги». Капитан 1 ранга Аоки выглядел очень подавленным (в таком настроении он оставался до конца своих дней). Он кивнул и прыгнул в катер с «Новаки». Катер отошел, оставляя за собой черную громаду брошенного авианосца, покачивающегося в призрачном свете луны.

Пока «Новаки» и «Араси» снимали экипаж с «Акаги», другие эсминцы прочесывали район, подбирая плававших в воде людей. В основном, это были летчики боевого воздушного патруля, у которых кончилось горючее, а также, моряки, сброшенные взрывами с авианосцев. Так были спасены: лейтенант Огава с «Акаги», плававший на спасательном жилете, Татсута Отава с «Сорю»,

державшийся за деревянный брус, главстаршина Такаеси Моринага с авианосца «Кага», уцепившийся за плавающую койку, и другие. Вначале было много криков, чтобы привлечь внимание эсминцев, но, по мере приближения вечера их становилось все меньше. Наконец наступил тишина. Затемненные эсминцы, закончив поиск, пошли на северо-запад догонять остатки соединения.

Младший лейтенант Джордж Гей все еще плавал один под звездами ночного тихоокеанского неба. Перед закатом японский эсминец прошел так близко от него, что Гей мог разглядеть лица стоящих на палубе матросов. Гей попытался сделать еще меньше, прячась под своей черной подушкой. Японцы его не заметили, но легче от этого не становилось. Обожженная нога страшна болела, рука кровоточила, и Гей с ужасом стал думать об акулах. Затем он успокоился, вспомнив, как кто-то рассказывал, что акулы не выносят взрывов, а взрывов здесь было более чем достаточно. Морская вода настолько разъела ему глаза, что Гей уже почти ничего не мог видеть. Он держал глаза закрытыми, открывал их только иногда, чтобы кинуть короткий, быстрый взгляд на горизонт. Этого было достаточно для того, чтобы заметить, что японцы покидают район боя. Когда стемнело, Гей развернул свой желтый спасательный плот, надул его и, вскарабкавшись, наконец почувствовал себя лучше. Младший лейтенант лег на спину в полном изнеможении, временами забываясь в дремоте, временами наблюдая за пылающим далеко на севере заревом, где японцы еще пытались спасти

какой-то из своих разбитых кораблей.

Капитан 2 ранга Есида ловко подвел свой эсминец «Казагумо» к борту горящего «Хирю». Его матросы быстро работали в темноте, выгружая пожарное снаряжение и скромный ужин из сухарей и воды для экипажа авианосца. Эскадренный миноносец «Югумо» также приблизился к «Хирю», подав на авианосец мощные пожарные шланги, переброшенные с крейсера «Тикума». Два других эсминца стояли неподалеку, готовые оказать помощь, если она понадобится. Сам «Хирю» покачивался на волне без хода. Около 21.00 корабль лишился энергии. В машинное отделение № 4 позвонили с мостика и спросили капитана 2 ранга Айзо, смогут ли механики выбраться наверх. Айзо взглянул на раскаленный докрасна подволок и ответил отрицательно. Тогда наступила пауза, а затем с мостика спросили, есть ли у механиков какие-нибудь последние пожелания для передачи в Японию. Этот вопрос ошеломил старшего механика, приведя его в ярость. Он знал, что обстановка на корабле очень серьезна, но совсем не считал ее безнадежной, полагая, что авианосец вполне может дойти до базы. Со всей горячностью Айзо стал убеждать мостик не сдаваться, хотя и не был уверен, что его слышат — слышимость становилась все глуше, а затем пропала вообще.

Какой бы ни была в действительности ситуация в момент этого телефонного разговора, судьба корабля решилась в 23.58. В этот момент что-то со страшным грохотом взорвалось внизу. Огонь, уже почти затихнувший, вспыхнул опять, распро-

страняясь повсюду и выходя из-под контроля. Это поставило младшего лейтенанта Каваками перед необходимостью принять важное решение. На авианосце Каваками служил интендантом, и на время боя на него падала тяжелейшая ответственность — он назначался хранителем портрета императора. Обычно портрет висел в каюте командира, но перед боем его клали в специальный полированный футляр и уносили в хронометрическое помещение под броневой палубой. Считалось, что здесь портрет будет находиться в полной безопасности. Ведь никто не мог даже подумать, что придется оставить корабль. Каваками уже не мог связаться с мостиком и решил действовать самостоятельно. Терять время уже было нельзя. Взяв подчиненного ему старшину, Каваками пробился через пламя в хронометрическое помещение. Старшина завернул футляр с портретом в брезент, затем они вместе со своим сокровищем снова пробились через огонь на полетную палубу, где Каваками почтительно передал портрет Микадо на эсминец «Казагумо».

К этому времени авианосец уже накренился на 15 50 0, вода постоянно прибывала. Никто не мог сказать, сколько еще корабль продержится на воде. В 2.30 ночи 5 июня капитан 1 ранга Каку повернулся к адмиралу Ямагути и доложил: «Мы собираемся оставить корабль, адмирал».

Ямагути кивнул и приказал доложить об этом адмиралу Нагумо. Затем адмирал попросил капитана 1 ранга Каку собрать остатки экипажа на полетной палубе. Около восьмисот уцелевших

моряков сгрудились вокруг своих командиров, освещаемые зловещими отблесками пламени. Первым заговорил командир корабля, подчеркнув, что война еще не окончена и нужно продолжать борьбу. «Уцелевшие после этого боя, — сказал капитан I ранга Каку, — будут ядром личного состава нового, еще более сильного флота». Затем слово взял Ямагути, сказав морякам, что он восхищен их мужеством и чувством долга. «Я один, — закончил адмирал, — несу ответственность за гибель «Хирю» и «Сорю». Я останусь на авианосце, а вам приказываю оставить корабль и продолжать верно служить его величеству Императору». Затем все повернулись лицами в сторону Японии, и Ямагути трижды провозгласил банзай в честь императора. После этого с мачты «Хирю» были торжественно спущены военно-морской и адмиральский флаги. Когда флаг страны Восходящего Солнца соскользнул с гафеля мачты, ночную тишину разорвали звуки горнов, игравших сурово-торжественный национальный гимн.

Экипаж «Хирю» стал перебираться на эсминцы, а капитан I ранга Каку обратился к адмиралу Ямагути:

— Я собираюсь разделить судьбу корабля, адмирал.

Ямагути согласился, и затем они начали чисто японскую беседу, символизирующую неожиданное сближение и дружбу двух людей.

— Насладимся прекрасным светом луны, — предложил Ямагути.

— Как ярко она светит сегодня, — согласился

Каку, — должно быть, это ее двадцать первый день.

Слышавший эту беседу старший помощник командира капитан 2 ранга Каноз решил, что все старшие офицеры должны остаться на борту корабля. Он поднял этот вопрос перед ними, и все согласились. Однако, это совсем не растрогало командира «Хирю». Капитан 1 ранга Каку снова заявил, что остается на авианосце один и категорически приказал всем остальным покинуть корабль. Начальник штаба Ямагути капитан 2 ранга Ито попрощался с адмиралом и спросил, есть ли у него какие-нибудь последние пожелания.

— Передайте адмиралу Нагумо, — сказал Ямагути, — что я прошу ему случившееся, если он приложит все усилия для создания более мощного флота и возьмет реванш.

Затем командир отдал капитану 2 ранга Ито свою фуражку, чтобы тот передал ее семье Ямагути. После этого командующий 10-й флотилией эсминцев капитан 1 ранга Абэ получил личный приказ адмирала:

— Утопите «Хирю» торпедами.

Было 4.30 — первые лучи рассвета пламенели на востоке, когда весь экипаж «Хирю» перешел на эсминец охранения. Последним оставил авианосец капитан 2 ранга Каноз. Когда катер подходил к эсминцам, Каноз увидел Ямагути и Каку, которые махали руками с мостика.

В 5.10 капитан 1 ранга Абэ выполнил последний приказ адмирала. Эскадренный миноносец «Макигумо» повернул прямо на «Хирю» и выпустил две торпеды. Одна прошла мимо, другая — с

грохотом взорвалась. Больше терять времени было нельзя. Абэ повернул свои эсминцы на северо-запад и стал поспешно догонять остальные корабли соединения.

В 21.30 адмирал Нагумо радировал главнокомандующему о том, что на него идут четыре американских авианосца и что он отходит на северо-запад со скоростью восемнадцать узлов. Ответа не было, тогда Нагумо направил это донесение снова, слегка его изменив. На этот раз ответ пришел через пять минут: Ямамото отстранял Нагумо от командования, заменив его более агрессивным адмиралом Кондо, идущим с юга со своими линкорами и крейсерами. Нагумо пожал плечами, но штаб его реагировал на это событие очень болезненно. В горячке боя у них не было времени подумать о случившемся, сейчас же времени было с избытком.

Вечером старший офицер штаба капитан 1 ранга Оиси доложил адмиралу Кусака.

— Адмирал, мы, штабные офицеры, приняли решение покончить с собой посредством харакири, чтобы искупить свою личную ответственность за то, что произошло. Не будете ли вы настолько любезны информировать об этом адмирала Нагумо?

Кусака немедленно приказал собрать всех штабных офицеров и устроил им головомойку.

— Как вы вообще могли додуматься до этого? — разносил своих подчиненных адмирал, — Если при каждой неудаче мы будем делать харакири, то чем все это кончится?

Категорически запретив своим подчиненным даже думать о самоубийстве, Кусака доложил об

этом инциденте адмиралу Нагумо. Оказалось, что Нагумо тоже подумывает о харакири. Кусака начал горячо разубеждать командующего. Харакири ничего не докажет, кроме слабости, гораздо важнее вернуться в Японию, собрать новые силы и отомстить за сегодняшнее поражение. В конце концов, Нагумо согласился с доводами своего начальника штаба.

1-е авианосное ударное соединение, потеряв все свои четыре авианосца, продолжало идти через ночь, все дальше и дальше удаляясь от места событий этого ужасного дня.

ГЛАВА 12

ПОБЕДИТЕЛИ И ПОБЕЖДЕННЫЕ

На Мидуэе и в мыслях ни у кого не было, что все уже кончилось. Дело не могло ограничиться одним утренним налетом — японцы, без сомнения, вернуться. Капитан 1 ранга Симард, считая, что перед заходом солнца атолл подвергнется бомбардировке с моря, приказал рассредоточить самолеты, а часть «летающих крепостей» отправил обратно на Гавайские острова. В последних разведсообщениях указывалось, что силы вторжения противника все еще направляются к Мидуэю. В действительности же, если кто и направлялся морем к Мидуэю, то это были не японские корабли, а маленькая резиновая лодка, в которой находился младший лейтенант Томас Вуд и его стрелок-радист.

Когда бомбардировщики с «Хорнета» направлялись на Мидуэй для дозаправки горючим, Вуду пришлось сесть на воду — его бензобаки оказались пустыми в десяти милях от атолла. Перебравшись в спасательную лодку, Вуд и его радист направились к Мидуэю, ориентируясь на столб дыма, поднимающегося на горизонте. С наступлением темноты они добрались до рифов Мидуэя. До самих островов еще оставалось примерно пять миль, но это уже была тихая вода лагуны. Существовало только одно удобное место, где можно было перебраться через рифы, но это место «охранялось»... огромным морским львом. Он не желал освободить проход, не обращая внимания ни на крики, ни на угрозы. Пришлось его как следует огреть веслом по спине. Лев заревел и плюхнулся в воду, но не успокоился. Пока измученные летчики отдыхали на рифах, лев плавал вокруг, раздраженно лаял, всем своим видом демонстрируя сильное недовольство. В конце концов, Вуд и его стрелок добрались до Мидуэя, попав в самую гущу боевой активности.

Вечером уцелевшие пикирующие бомбардировщики морской пехоты вылетели для нанесения нового удара по противнику. Ничего не обнаружив, они вернулись обратно, потеряв своего нового командира майора Норриса, самолет которого неожиданно рухнул в море. По-видимому, Норрис потерял сознание от переутомления. Затем начали возвращаться летающие крепости, неся на себе «сувениры» многочисленных встреч с «Зеро». Скорее всего, их атаковали истребители с потопленных авианосцев

(в действительности, так оно и было), но нельзя было исключить возможность нахождения в этом районе и пятого авианосца противника.

Около 22.00 наблюдатели с береговой батареи морской пехоты увидели подводную лодку, идущую малым ходом в надводном положении примерно в двух милях от рифов. Не зная, что это за лодка, огонь открыть не решились, продолжая молча наблюдать, как в свете наполовину скрывшейся луны лодка плавно скользила вдоль берега, идя в юго-западном направлении. В 22.21 она исчезла в темноте. Надвигалась ночь, и все сильнее росло напряжение, вызванное неизвестностью.

Не меньшее напряжение царило и в Перл-Харборе. Рабочие продолжали дежурить с пулеметами на крышах цехов судоремонтного завода. Вся авиация находилась в состоянии полной готовности. Военские части и подразделения морской пехоты заняли позиции по периметру побережья.

Напряженная обстановка сохранялась и на западном побережье США. Все прибрежные дороги были закрыты — пропускались только военные автомашины. Губернатор Калифорнии Эрл Уоррен официально объявил, что над штатом нависла угроза нападения с моря и воздуха.

А далеко в море эскадренный миноносец «Хьюджес» одиноко стоял в охранении брошенного «Йорктауна». Командир «Хьюджеса» капитан 3 ранга Рамсей опасался, что под прикрытием темноты сюда подойдут японские тяжелые надводные

корабли и покончат и с ним, и с авианосцем. Существовала также реальная опасность появления подводных лодок противника, а с рассвета — и нового удара с воздуха. Рамсей имел приказ затопить авианосец торпедами, чтобы предотвратить возможный захват «Йорктауна» японцами, или в случае, если пожар на нем достигнет угрожающих размеров. Всю ночь эсминец ходил вокруг покинутого корабля. В темноте «Йорктаун» выглядел мрачно. На нем то и дело появлялись мерцающие огоньки, на эсминце казалось, что слышны голоса и какой-то странный шум. Рамсей уже собрался высадить кого-нибудь на борт авианосца для проверки, но затем передумал. Для этого нужно было останавливаться, спускать шлюпку, включать освещение, а это все было сопряжено с большой опасностью.

Нервное возбуждение царило и на авианосцах 16-го оперативного соединения. Правда, летчики были слишком уставшими и подавленными, чтобы о чем-нибудь думать. В кают-компаниях «Хорнета» никто не мог спокойно находиться — двадцать девять пустых кресел вызывали ужас. Младшего лейтенанта Чарльза Лайна, перелетевшего с «Йорктауна» на «Энтерпрайз», поместили в каюту пилота 6-й эскадрильи торпедоносцев, который не вернулся назад. Войдя в нее, Лайн увидел на столе фотографию семьи погибшего летчика и Библию. Это было невозможно вынести, и Лайн провел ночь на диване в кают-компаниях. В матросских кубриках царила такая же атмосфера. Стрелок-радист Сноуден из 6-й разведывательной эскадрильи ошеломленно смотрел на многочисленные

пустые койки, не в силах еще поверить тому, что погибло такое количество его близких друзей.

Наверху вахтенные офицеры внимательно всматривались в ночь. После возвращения самолетов, атаковавших «Хирю», 16-е оперативное соединение в 19.09 повернуло на восток и теперь уходило от противника. Многие офицеры из старого штаба Холси открыто выражали свое недовольство. Адмирал Холси никогда бы так не поступил! Он не упустил бы шанса разгромить остатки японского флота. Японская авиация в районе боя уничтожена, а раз так, то нужно начинать преследование противника, совершить ночную атаку торпедоносцами, а с рассветом бросить на японцев новую волну пикирующих бомбардировщиков.

Офицерам штаба казалось диким, что адмирал Спрюэнс этого не понимает. Но Спрюэнс это понимал. Ночная атака по деморализованным силам противника была большим соблазном, но адмирал был вынужден учитывать и другие факторы. Он уже полностью использовал развединформацию, полученную от Нимица, а сейчас никто не мог сказать точно, что японцы собираются делать дальше. Где-то в ночи еще идут армады линкоров и крейсеров адмирала Ямамото. Возможно, поблизости скрываются и другие авианосцы противника. Японцы имеют еще достаточно сил, чтобы, при благоприятном для себя раскладе, разгромить 16-е оперативное соединение и захватить Мидуэй.

В своем боевом рапорте адмиралу Нимицу Спрюэнс позднее писал: «Я не считал оправданным риск ночного боя с превосходящими силами

противника. С другой стороны, я не мог далеко уходить от Мидуэя. Поэтому я решил занять своими авианосцами такую позицию, с которой можно было бы и осуществить преследование противника, и сорвать попытку высадки десанта на Мидуэй...»

16-е оперативное соединение продолжало отходить на восток со скоростью пятнадцать узлов. Около двух часов ночи авианосцы повернули на север и шли на новом курсе сорок пять минут. Затем повернули на юг и на запад. Спрюэнс вел свои корабли по безопасному треугольнику. Он не хотел быть пойманным в ловушку: огромные японские линкоры и крейсера могли в настоящий момент идти прямо на него.

* * *

Линейные корабли и крейсера адмирала Кондо шли полным ходом через ночь, направляясь на северо-восток. В 23.40 Кондо доложил свой план главному: он будет в указанной позиции к трем часам, а затем проведет поиск в восточном направлении, надеясь поймать американцев в ловушку ночного сражения. В середине ночи Кондо снова вышел в эфир, давая всем своим подчиненным конкретные задания. Все его корабли должны были построиться строем фронта и следовать на северо-восток со скоростью двадцать четыре узла, «прочесывая» море в поисках американского флота. «Расческа» адмирала Кондо имела достаточно «зубцов» — двадцать один корабль, которые шли на расстоянии менее четырех миль друг от друга. Позади «расчески» шли линейные корабли «Конго» и «Хийя», готовые немедленно появиться на

сцене в случае необходимости. Все вместе корабли составляли линию длиной около семидесяти пяти миль. Этого было вполне достаточно, чтобы обнаружить противника.

В энергичных действиях Кондо было одно слабое место — уже не было времени для осуществления задуманного им плана. Пятью часами раньше — да, но теперь уже было поздно. Адмирал Ямамото понимал, что корабли Кондо не смогут выйти в указанную им позицию ранее трех часов ночи. Значит, у Кондо останется чуть больше часа на то, чтобы обнаружить американский флот и втянуть его в ночное сражение. А с первыми лучами рассвета самолеты с американских авианосцев вцепятся ему самому в горло.

Ничего не выходило и с планом обстрела Мидуэя тяжелыми крейсерами адмирала Курита. Им было приказано выйти на огневую позицию к двум часам ночи, но крейсера опаздывали, и уже становилось ясно, что они смогут подойти к Мидуэю перед самым рассветом, став превосходными целями для удара с воздуха. Штаб Ямамото лихорадочно обдумывал различные варианты действий. Но все они были как безнадежными, так и бессмысленными. Ямамото даже не снисходил до их рассмотрения.

— Но как мы оправдаемся перед Его Величеством за это поражение? — с нотками истерики в голосе спросил один из штабных офицеров.

— Оставьте это оправдание мне, — холодно ответил Ямамото, — только я буду оправдываться перед Его Величеством.

В 0.15 главнокомандующий Объединенным флотом отменил планы ночного сражения и приказал адмиралам Кондо, Нагумо и Курита соединиться с главными силами, назначив рандеву в 9.00 в точке, лежащей в трехстах пятидесяти милях северо-западнее Мидуэя. Отдав приказ крейсерам Куриты отставить бомбардировку Мидуэя, Ямамото совершенно забыл, что приказ обстрелять Мидуэй имела и подводная лодка «J-168». Капитан 3 ранга Танабэ рыскал вокруг атолла уже несколько дней и находился в прекрасной позиции для выполнения приказа. По плану он должен был открыть огонь и вести его до 2.00, пока его не сменят крейсера. Когда же крейсера Куриты были отозваны, никто не сообщил Танабэ, что ему надлежит делать в изменившейся обстановке. Танабэ подвсплыл, выбросил антенну, тщетно пытаясь услышать какие-либо дальнейшие инструкции. В 1.20 он всплыл и повел свою лодку на позицию открытия огня.

* * *

Короткая вспышка в темноте ночи и резкий грохот разорвал тревожную тишину на Мидуэе. Снаряд, просвистев в воздухе, упал в лагуну. Затем другой... В полной темноте люди разбежались по укрытиям. В 1.23 батарея «С» открыла ответный огонь осветительными снарядами, в 1.24 береговой прожектор обнаружил подводную лодку по пеленгу 110, а в 1.25 загрохотали еще три батареи морской пехоты. Артиллерийская дуэль продолжалась минуты три. Выпустив без всякой пользы восемь снарядов в лагуну, подводная лодка в 1.28 погрузилась и исчезла так же неожиданно, как и появилась.

Тяжелые крейсера адмирала Курита находились менее чем в восьмидесяти милях от Мидуэя, когда пришел приказ, отменяющий бомбардировку. Многие на крейсерах облегченно вздохнули. Задание обстрелять Мидуэй начинало выглядеть почти как самоубийство. Отряд повернул назад и, освещаемый тусклым светом луны, направился на северо-запад со скоростью двадцать восемь узлов. Кильватерный строй возглавлял флагманский крейсер «Кумано», вторым шел «Судзуя», затем «Микума» и замыкал колонну «Могами». Несколько сзади шли два эсминца охранения — «Арасио» и «Асасио».

Было 2.15 ночи, когда крейсер «Кумано» справа по носу обнаружил подводную лодку, идущую а надводном положении. При помощи маломощной сигнальной лампы направленного действия с флагманского крейсера на остальные корабли отряда передали сигнал о срочном повороте влево на 45 50 0. На мостике «Могами» штурман крейсера капитан 3 ранга Масаки Ямаути отстранил в сторону вахтенного офицера, желая выполнить этот сложный маневр лично. Повернув крейсер, Ямаути решил, что дистанция между «Могами» и его мателотом «Микума» несколько увеличилась. Тогда Ямаути изменил курс «Могами» немного вправо и тут, к своему ужасу, обнаружил, что вообще потерял из вида «Микуму», поскольку в его видимости находился только «Судзуя» — второй корабль кильватерной колонны. Поняв, что «Микума» теперь идет между ними поперек курса «Могами», капитан 3 ранга Ямаути скомандовал «Лево

на борт» и дал машинами полный назад. Но было уже поздно. Выбив снап искр, нос «Могами» врезался в левую скулу «Микума». Оба крейсера трянуло, затем они снова разошлись. «Микума» отделался сравнительно легко — у него оказалась пробитой только бортовая топливная цистерна, но «Могами» лишился носовой оконечности почти на сорок футов длины. Вся его палуба до башни главного калибра была искорежена. Теперь крейсер мог с трудом идти со скоростью двенадцать узлов. Это никак не устраивало адмирала Курита, которому было необходимо в условленное время соединиться с главными силами флота. Оставив «Микума» и оба эсминца для эскортирования поврежденного «Могами», Курита поспешил на северо-запад с «Кумано» и «Судзуя».

На мостике «Ямато», который шел полным ходом на восток к точке рандеву, адмирал Ямамото, казалось, совершенно не реагировал на сообщение о столкновении «Могами» и «Микума». Ничто не могло сравниться с тем шагом, который главнокомандующий был вынужден предпринять в 2.55. Поставленный перед лицом фактов, Ямамото радировал всем своим командующим: «Оккупация «АФ» отменяется». Когда капитан 2 ранга Ватанабэ спросил адмирала, не преждевременно ли его решение, Ямамото ответил: «Саси суги», что приблизительно означает: «Цена итак уже слишком высока». Перед восходом солнца Ямамото принял другое, не менее тяжелое решение. В 4.50 адмирал, снова поставленный перед лицом неумолимых фактов, приказал затопить свой любимый «Ака-

ги». На фоне этих событий столкновение двух его крейсеров выглядело уже не очень значительным.

Капитан 2 ранга Джон Мэрфи, командир подводной лодки «Тембор», повернул свой перископ, внимательно изучая два крейсера, за которыми он следовал по пятам. Всю ночь он никак не мог опознать их, но сейчас, с первыми лучами рассвета, все сомнения исчезли — характерные изогнутые трубы ясно говорили о том, что перед ним корабли противника. Приглядевшись, Мэрфи даже определил, что это были крейсера типа «Могами». Они шли на запад, и Мэрфи было трудно выйти в атаку, так что около пяти часов утра он передал сообщение: «Множество надводных кораблей на удалении восемьдесят девять миль от Мидуэя».

* * *

На Мидуэе были готовы к самому худшему. В донесении о контакте с противником, переданном подводной лодкой «Тембор», ничего не говорилось о курсе «большого количества кораблей», но дистанция восемьдесят девять миль выглядела очень вероятной. В 5.10 капитан Брук Аллен повел восемь «летающих крепостей» для первого удара по этим кораблям. Но рано утром туман, висевший над морем, был еще слишком густым, и «летающие крепости» ничего не обнаружили. До шести часов они бесцельно кружились над атоллom Куре.

Первая информация, определившая обстановку, пришла в 6.30 с одной из летающих лодок, которая доложила о «двух линейных кораблях, оставляющих за собой след вытекающего горючего»,

идуших на запад в ста двадцати пяти милях от Мидуэя. Стало ясно, что корабли противника отходят, и на Мидуэе облегченно вздохнули.

В 7.00 первыми в преследование противника были брошены пикирующие бомбардировщики морской пехоты. В составе 241-й авиагруппы оставалось только двенадцать машин. За два дня в ней уже сменилось три командира. На этот раз молодых пилотов вел в атаку капитан Маршалл Тайлер. Через сорок пять минут летчики морской пехоты обнаружили широкий след вытекшего мазута, ведущий прямо на запад. Еще через двадцать минут были обнаружены и сами цели — два больших корабля, уже оцетинившихся зенитным огнем. Один из этих кораблей оставлял след вытекающего мазута, у второго был поврежден нос. Неподалеку от них шла пара эсминцев.

В 8.08 бомбардировщики морской пехоты начали атаку. Первым пикировал Тайлер с шестью уцелевшими «Донтлесами», но не добился ни одного попадания. Затем подошел капитан Флеминг с «Виндикейторами», атаковав противника с пологого пикирования. Никто из них также не добился попадания. На подлете к цели самолет Флеминга начал гореть. Однако, капитан продолжал идти в атаку, выйдя на цель и сбросив бомбу. Затем, мелькнув в воздухе огненной кометой, капитан Флеминг врезался на своем горящем бомбардировщике в кормовую башню японского крейсера.

* * *

«Боже, какой герой!» — со смешанным чувством ужаса и восхищения подумал капитан 1 ранга

Акира Содзи, наблюдая с мостика «Могами», как американский бомбардировщик врезался в крейсер «Микума». «Могами» также пострадал от близких разрывов — некоторые из них прогрохотали буквально в десяти ярдах от борта. Осколки изрешетили мостик и дымовую трубу, но не причинили серьезных повреждений. Крейсеру «Микума» пришлось гораздо хуже. Когда самолет капитана Флеминга врезался в башню, на корабле вспыхнул сильный пожар, перебросившийся во внутренние помещения, захватив машинное отделение правого борта. Оба крейсера продолжали ковылять на запад со скоростью двенадцать узлов, но «Микума» уже не мог больше эскортировать поврежденный «Могами». Благодаря доблести капитана Флеминга, этому японскому крейсеру теперь приходилось заботиться только о самом себе.

* * *

Получив сообщение с подводной лодки «Тембор» о «множестве надводных кораблей в восьмидесяти девяти милях от Мидуэя», адмирал Спрюэнс сильно встревожился. Подобно многим другим, он считал возможность вторжения на атолл очень вероятной. В 5.20 он повернул свои авианосцы на юго-запад и направился прямо к Мидуэю со скоростью двадцать пять узлов.

Однако, к 9.30 стало ясно, что опасения Спрюэнса были беспочвенны. Поэтому соединение изменило курс на запад, чтобы занять хорошую позицию как для атаки поврежденных крейсеров противника, так и для преследования уцелевших кораблей Нагумо. В 8.00 летающая лодка сообщила

о горящем авианосце, прикрытом двумя линкорами, тремя крейсерами и четырьмя эсминцами. По некоторым причинам, это сообщение не дошло до 16-го оперативного соединения вовремя, но когда Спрюэнс получил его, он решил именно на нем остановить свой выбор. Авианосец противника в 8.00 находился на расстоянии двести семьдесят пять миль от соединения. Сейчас было 11.15, но шансы прикончить этот авианосец еще оставались.

* * *

Капитан 2 ранга Айзо решил, что необходимо попытаться как-то выбраться из машинного отделения авианосца «Хирю». Прошло уже много часов после последнего контакта с мостиком, часы в машине показывали 8.00. Как это ни парадоксально, но торпеда, попавшая в корабль, погасила пожар. Младший лейтенант Мандаи выбрался наверх, погасил еще несколько горящих мешков с рисом и крикнул вниз, чтобы они выбирались: «Хирю» тонет. Механики, возглавляемые Айзо, вылезли через люк и оказались в коридоре, где было крошечное отверстие от лопнувшего сварного шва. Через это отверстие можно было разглядеть пустую, странно выглядящую в потоках солнечного света ангарную палубу. Айзо понял, что их единственная надежда на спасение — пробить более широкое отверстие в этой переборке. Сталь переборки была тонкая, а просачивающийся через отверстие солнечный свет очень стимулировал желание спастись. Разыскав кувалды и зубила, моряки принялись за работу и достаточно быстро про-

били в переборке отверстие шириной в ярд. Протиснувшись через него, они очутились на пустой ангарной палубе. В носовой части ангарной палубы зияла огромная дыра — результат попадания бомбы в носовой самолетоподъемник, через которую и пробивался солнечный свет. Затем механики выбрались на полетную палубу и обнаружили, что она тоже пуста. Флага на мачте не было. Никаких сомнений в том, что корабль оставлен.

«Хирю» быстро оседал носом, морская вода уже заливала ангарную палубу. Ситуация казалась совершенно безнадежной, но тут появилась еще группа из пяти человек, которым еще раньше удалось выбраться из кормовых помещений. Когда они это сделали, эсминец только что отошел от авианосца. Матросы отчаянно кричали, размахивая руками, чтобы он снял их с обреченного корабля. Эсминец просигналил что-то в ответ прожектором. Что именно, они не поняли, но это могло означать, что их снимут позднее. Затем, около шести тридцати, над авианосцем пролетел японский самолет, причем, самолет колесный. Такой самолет мог взлететь только с авианосца «Хосе», а это означало, что адмирал Ямамото был где-то поблизости. Это сообщение придало всем силы — нужно попытаться спастись.

Спустившись на шлюпочную палубу, механики обнаружили за кормой авианосца два катера и большой гребной баркас, которые дрейфовали на довольно большом расстоянии от корабля. Капитан 2 ранга Айзо приказал прыгать в воду и попытаться добраться до баркаса. Корма авианосца

поднималась — он быстро погружался. Младший лейтенант Мандаи прыгнул в воду, а когда вынырнул, увидел, как над водой уже торчали огромные бронзовые винты авианосца. Мандаи быстро отплыл на безопасное расстояние и, снова обернувшись, увидел только пустое море. Это произошло где-то между 9.07 и 9.15. Затем тридцать девять человек, включая Айзо и Мандаи, перебрались в баркас. Айзо решил оставаться на месте гибели «Хирю» и ожидать подхода главных сил адмирала Ямамото, которого, конечно, должен был предупредить пролетающий над авианосцем самолет.

В действительности же, Ямамото и не думал идти к ним на помощь. Он получил донесение от «самолета с колесами» и был весьма шокирован — работа по затоплению «Хирю» была явно выполнена очень небрежно. Еще не хватало, чтобы «Хирю» захватили американцы! Ямамото радировал Нагумо, чтобы тот принял все меры для затопления авианосца. А между тем, внимание Ямамото привлек другой брошенный корабль. В 6.52 — всего за несколько минут до рапорта о «Хирю» — пришло интригующее сообщение с гидросамолета № 4 тяжелого крейсера «Тикума»: «Вижу накренившийся авианосец противника типа «Йорктаун». Авианосец дрейфует по курсу 111 50 0 на расстоянии двести сорок миль от точки моего взлета. В охранении один эскадренный миноносец».

Адмирал Ямамото немедленно приказал подводной лодке «J-168» прекратить патрулирование у Мидуэя, разыскать поврежденный авианосец противника и уничтожить его. Склонившись над

картой, капитан 3 ранга Танабэ начал рассчитывать свой новый курс. Он вычислил, что американский авианосец был всего в ста пятидесяти милях от него, так что достигнуть его было нетрудно. Танабэ решил подойти к этому месту с запада на рассвете. В этом случае авианосец хорошо бы вырисовывался на фоне восхода, в то время, как его лодка оставалась бы в темноте. Проложив курс и рассчитав скорость, Танабэ повернул свою подводную лодку прочь от Мидуэя, направившись на северо-восток.

* * *

На эсминце «Хьюджес» поймали радаром японский разведывательный самолет, но визуально его так и не увидели. Импульс на экране показывал, что самолет находится на дистанции примерно двадцать миль к западу. Через десять минут после обнаружения импульс на экране исчез. В 7.41 все на мостике «Хьюджеса» невольно вздрогнули, когда пулеметная очередь прочертила воду с левого борта «Йорктауна». Сигнальщик Питер Каретка, вскинув бинокль, стал обшаривать небо, считая, что их обстрелял какой-то подкравшийся японский самолет. Однако, небо было чистым, и что все это означало — никто понять не мог. Капитан 2 ранга Рамсей в какой-то момент подумал, что какой-нибудь пулемет на авианосце выстрелил сам, перегревшись от пожара.

Пулеметная очередь повторилась, и на эсминце все внезапно поняли, что стрелять мог только кто-то из еще оставшихся в живых на «Йорктауне». Действительно, с левого борта на полетной

палубе стоял человек, размахивая руками. Рамсей приказал спустить на воду вельбот, и вскоре моряки эсминца, поднявшись на борт «Йорктауна», обнаружили там лежащего без сознания возле пулемета матроса Нормана Пичета, тяжело раненного в живот. В 8.35 матроса доставили на эсминец, привели в чувство и узнали, что на борту авианосца есть еще один живой человек.

Снова вельбот подошел к борту «Йорктауна». На этот раз он вернулся с матросом Джорджем Вайсом, который проломил себе череп, когда взрывная волна сбросила его с платформы на дымовой трубе. Вайс смутно помнил звуки тревоги и команду оставить корабль. Он почувствовал, как корабль накренился и понял, что началась эвакуация раненых. Он позвал кого-то, чтобы вынесли и его. Затем ему или показалось, или он действительно услышал, как чей-то голос сказал: «Оставь его и пошли — он все равно умрет». Вайс помнил, как он сидел на койке и ругался страшными словами, а потом снова потерял сознание. Пичет был также брошен в лазарете, поскольку санитары решили, что его состояние безнадежно. Однако, он нашел в себе силы пробраться в полубессознательном состоянии через три палубы и дать несколько очередей из пулемета, чтобы вызвать помощь.

Матросы с вельбота считали, что на «Йорктауне» еще остались люди. Они доложили о странном глухом стуке, раздавшемся внутри авианосца. Рамсей снова направил вельбот к «Йорктауну», на этот раз с приказом обследовать все. Людей больше обнаружено не было, но на эсминец доставили

с авианосца большое количество секретных документов и шифровальных книг, брошенных в спешке.

Около 10.00 появился тральщик «Вирео», вызванный Рамсеем для буксировки авианосца. Заведя концы, они начали свой путь на восток, идя со скоростью два узла. «Йорктаун» страшно рыскал на курсе, казалось, он не желает оставлять сцену боя. Иногда авианосец даже тянул «Вирео» в обратном направлении. После полудня подошли два других эсминца: «Гвайн» и «Монегхен». На авианосец была высажена группа матросов, которые приступили к частичному демонтажу палубного оборудования, пытаясь выровнять крен «Йорктауна». Уверенный, что «Йорктаун» можно спасти, капитан 2 ранга Рамсей развил бурную деятельность. Он радировал в штаб Нимица и адмиралу Флетчеру, убеждая командование принять необходимые меры. Это было не простым делом. К утру 5 июня 17-е оперативное соединение находилось уже в ста пятидесяти милях восточнее «Йорктауна», а снятый с него экипаж был размещен на шести различных эсминцах. Необходимых для спасательных работ специалистов собрали на крейсере «Астория», а затем уже передали на эсминец «Хэммен», который отправился к «Йорктауну» только в 18.00. На борту «Хэммена» находился капитан 1 ранга Букмастер, а также, двадцать девять офицеров и сто сорок один матрос спасательной партии. Эскортируемый эскадренными миноносцами «Бэлч» и «Бэнхем», «Хэммен» подошел к «Йорктауну» около двух часов ночи 6 июня.

Далеко на западе адмирал Спрюэнс продолжал

преследование противника, но 5 июня стало днем сплошных разочарований. Контакт с японцами был ненадежным, преследование — долгим, и, когда ударная волна наконец была поднята в воздух, расстояние до цели еще составляло двести тридцать миль. В воздух были подняты тридцать два бомбардировщика с «Энтерпрайза» и двадцать шесть с «Хорнета». Прошло два часа полета, но бомбардировщики все еще ничего не обнаружили. Три часа — и снова ничего. Горючее кончалось... наступала темнота... летчики устали. Чей-то голос сказал по радио: «Кончай, ребята! Пошли домой».

Наконец в 18.20 кто-то обнаружил внизу одинокий кильватерный след корабля, идущего полным ходом в западном направлении. Цель была, конечно, ничтожной, но нужно было либо атаковать ее, либо возвращаться ни с чем на авианосцы. Было принято решение атаковать, и пятьдесят восемь пикирующих бомбардировщиков, ведомые Дэйвом Шамвеем, ринулись вниз на свою одинокую жертву. Казалось, столь неравный бой должен кончиться быстро, но ничего подобного не произошло. Корабль, оказавшийся эскадренным миноносцем, крутился и маневрировал с фантастическим мастерством. Пятьдесят восемь бомб со свистом устремились вниз, но ни одна из них не попала. Хуже того, зенитным огнем был подбит и упал в море самолет лейтенанта Сэма Адамса.

Возвращаться на авианосцы пришлось уже в полной темноте, а ни один из пилотов не имел опыта ночных посадок. Невзирая на очевидный риск, командир «Энтерпрайза» капитан 1 ранга

Джордж Муррей приказал включить палубные огни и подсветку аэрофинишера. Руководящий посадкой лейтенант Робин Линдси принимал на авианосец один самолет за другим, и, казалось, что этот парад никогда не кончится. Линдси повернулся к сигнальщику и спросил, как много самолетов будет еще. «Будь я проклят, если знаю, — ответил матрос. — Мы их уже приняли больше, чем имели». Оказалось, что пять самолетов с «Хорнета» сели у них. В свою очередь один бомбардировщик с «Энтерпрайза» сел на «Хорнет».

Лейтенант Раф Джонсон, ведущий 8-й бомбардировочной эскадрильи, вообще не мог обнаружить ни того, ни другого авианосца — у него вышел из строя радиоконпас, а баки были пустыми. Джонсон спросил своего стрелка-радиста Маккоу, умеет ли тот плавать. Маккоу ответил, что нет. К счастью, в последнюю минуту Джонсон обнаружил соединение и запросил «Хорнет», чтобы авианосец зажег посадочные огни. Воды, в которых находились авианосцы, были очень опасными, вокруг могли рыскать японские лодки, но пилоты были слишком драгоценны, чтобы капитан 1 ранга Митчер колебался хотя бы мгновение. Два прожекторных луча прорезали темноту, и Джонсон совершил посадку, не имея горючего даже для того, чтобы отъехать от аэрофинишера.

Этот день был столь же бесплодным и для «летающих крепостей». Утром восемь бомбардировщиков в конце концов обнаружили поврежденные японские крейсера. Выйдя на цель, B-17 бросили на противника тридцать девять бомб с высоты

двадцать тысяч футов, не добившись ни одного попадания. После полудня неугомонные «летающие крепости» вылетели снова, на этот раз — на поиск того самого «горящего авианосца», за которым охотился Спрюзенс. Конечно, они ничего не обнаружили, кроме одинокого эсминца, который только что отбил от пятидесяти восьми пикирующих бомбардировщиков. На этот раз на японский корабль обрушилось семьдесят девять бомб, но снова ни одна из них не попала в цель.

* * *

Капитан 2 ранга Мотоми Кацуми был мастером своего дела. Блестяще маневрируя своим эсминцем «Таникадзе», он умудрился уклониться от бесчисленного количества американских бомб. «Таникадзе» был отправлен адмиралом Нагумо проверить, затонул «Хирю» или нет. Ничего не обнаружив, эсминец повернул назад, когда на него набросились и пикирующие бомбардировщики, и «летающие крепости». Только одна бомба причинила повреждение эсминцу. Разорвавшись вблизи борта, она засыпала «Таникадзе» осколками, которые пробиты броню башни № 3, вызвав в ней взрыв, убивший всех находящихся там людей. Это не помешало эсминцу продолжать путь и после захода солнца соединиться с главными силами флота.

Отступающие на запад корабли японского флота со страхом и напряжением ожидали ударов американской авиации. В 14.30 радиоразведка предупредила о самолетах противника, идущих на большой высоте. Тревога оказалась ложной, но многим потрепала нервы. Затем, в 17.25, с крейсе-

ра «Нагара» сообщили о нескольких американских бомбардировщиках, идущих на запад. К счастью, облака надежно прикрыли корабли, и самолеты противника их не обнаружили. То, что американцы не смогли обнаружить в этот момент японский флот, просто невероятно. Армады кораблей адмирала Ямамото в этот момент уже соединились в трехстах пятидесяти милях северо-западнее Мидуэя. В этот момент все корабли стояли без движения, а катера перевозили подобранных из воды и снятых с авианосцев людей с эсминцев на линкоры «Харуна», «Кирисима», «Муцу» и «Нагато».

Весь остаток дня и всю ночь Ямамото уводил свой флот все дальше на запад, стараясь выйти из радиуса действия авиации противника. Рано утром 6 июня подошли крейсера Куриты — «Кумано» и «Судзюя». Большая часть флота была в безопасности, не считая крейсеров «Могами» и «Микума», которые вместе с двумя эсминцами остались далеко позади и должны были теперь сами о себе заботиться.

* * *

Всю ночь 5 июня и предрассветные часы 6 июня адмирал Спрюэнс продолжал идти на запад осторожным 15-узловым ходом. Поняв, что ему не удастся настигнуть главные силы японского флота, он решил заняться поврежденными крейсерами противника. В 5.10 «Энтерпрайз» выпустил восемнадцать разведчиков для 200-мильного поиска на западе, и в 6.45 противник был уже обнаружен. Одновременно «Хорнет» выпустил первую ударную волну — двадцать шесть пикирующих бомбардировщиков и восемь истребителей, которые в

9.30 уже настигли японцев. В 9.50 ведущий бомбардировщик «Хорнета» скомандовал по радио: «Атаки по готовности!», и бомбардировщики с ревом устремились вниз, нанеся удар по обоим крейсерам и эсминцу. Японцы яростно огрызались плотным зенитно-заградительным огнем, в результате которого был сбит один бомбардировщик. Авиагруппа с «Хорнета» отправилась на авианосец за новыми бомбами. После их ухода наступила очередь бомбардировщиков «Энтерпрайза».

В 10.45 лейтенант Велли Шорт повел в атаку тридцать один пикирующий бомбардировщик, двенадцать истребителей и три торпедоносца. Они быстро обнаружили японцев и 12.30 устремились на крейсера противника, вдохновляемые предыдущим триумфом, жадной крови и отсутствием смертоносных «Зеро». Когда в 14.45 вернулись бомбардировщики с «Хорнета», оба крейсера горели, а один из них оставлял экипаж. Эскадренный миноносец стоял у борта покидаемого крейсера, принимая людей. Заметив приближающиеся бомбардировщики, эсминец попытался отойти, но был накрыт попаданием с бомбардировщика лейтенанта Слайтона Фишера. Завершили атаку истребители, обстреляв с бреющего полета корабли противника. Когда лейтенант Сатерленд вел свой истребитель в атаку, он заметил на одном из крейсеров большое количество людей, которые сгрудились на корме, махая руками в бессильной ярости. Лейтенант внезапно почувствовал жалость к этим людям, оказавшимся в безнадежном положении. Возвращаясь на авианосец, он размышлял о том, как

могло случиться, что враг, которого он ненавидел, вызвал у него чисто человеческое сострадание.

До наступления темноты «Энтерпрайз» выслал еще два самолета на аэрофотосъемку разбитых японских крейсеров. Возглавлявший полет лейтенант Добсон обнаружил брошенный крейсер еще горящим с плавающими вокруг него матросами. Снизившись до ста футов, Добсон начал съемку. Объектив его кинокамеры запечатлел корабль во всей его агонии — надстройка и дымовые трубы крейсера были разбиты, матросы карабкались вниз по штурмтрапам, другие — плавали за кормой. Дальше на западе Добсон заметил еще один крейсер и два эсминца, уходящих прочь с возможной быстротой.

* * *

Плавая на плотках, экипаж «Микумы» наблюдал за гибелью своего корабля. Крейсер тонул быстро, но не быстрее, чем садилось солнце. Было уже совсем темно, когда «Микума», перевернувшись через левый борт, скрылся в волнах Тихого океана. Но и погибнув, «Микума» подтвердил свою репутацию одного из лучших крейсеров японского флота. Во время самой первой атаки разбило мостик, смертельно ранив командира — капитана 1 ранга Сакияма. Командование принял старший помощник капитан 2 ранга Такаги. Вторая атака прикончила крейсер — пять прямых попаданий и взрыв собственного торпедного погреба. Такаги приказал оставить корабль. Когда матросы начали прыгать за борт, лейтенант Нассао Коямо вынул кинжал и сделал себе харакири прямо

в носовой башне главного калибра. Эскадренный миноносец «Арасио» подошел к борту и начал принимать уцелевших, когда нагрянула третья атака. Бомбой, попавшей в корму эсминца, было убито немало перешедших с крейсера.

«Могами» также получил пять прямых попаданий, а близкие разрывы изрешетили левый борт крейсера — впоследствии на нем насчитали восемьсот пробоин. Девяносто человек было убито. Но капитан 1 ранга Содзи и его экипаж провели немыслимую борьбу за жизнь и спасли корабль. К заходу солнца пожар был потушен, переборки держали напор воды, и эскортируемый двумя поврежденными эсминцами «Могами» продолжал ковылять на запад к атоллу Уэйк.

* * *

Между тем, спасательная партия, возглавляемая капитаном 1 ранга Букмастером, приступила к работам на «Йорктауне». После короткой погребальной церемонии по убитым, которые еще лежали на своих боевых постах, матросы начали демонтаж различного оборудования для облегчения корабля. За борт полетели приготовленные во время боя бомбы и торпеды, а также, два поврежденных самолета. Эскадренный миноносец «Хэммен» пришвартовался к правому борту авианосца, обеспечивая «Йорктаун» энергией, передав ему ручные насосы и пожарные шланги. Внизу матросы быстро потушили еще тлевший пожар и начали приводить в порядок систему контрзатопления отсеков. Одно за другим за борт полетели пять 5-дюймовых орудий правого борта. К 13.00 крен авианосца

удалось практически выровнять — он составлял всего 2 50 0. Наступило время ленча, и с «Хэммена» передали на авианосец сэндвичи и фрукты. Пять других эсминцев малыми ходами кружили вокруг «Йорктауна», прослушивая гидролокаторами подводную опасность. Гидролокационные условия были очень плохими. Почти под самой поверхностью образовался «слой скачка», что часто бывает в этих водах, особенно в штилевую погоду.

Капитан 3 ранга Танабэ не отрывал взгляда от перископа. Американский авианосец находился теперь примерно в тысяче трехстах ярдах от него. Авианосец пытались буксировать, но двигался он очень медленно. Один эсминец все еще стоял около борта. Другие медленно кружили вокруг (ходили вокруг), но не было никаких признаков, говорящих о том, что они что-то подозревают. Гидроакустик лодки доложил Танабэ, что он не слышит работы гидролокаторов противника. Танабэ посмотрел на часы и усмехнулся: ну конечно, у американцев ленч.

Принимая все меры предосторожности, Танабэ продолжал подкрадываться все ближе. Он решил выстрелить своими четырьмя торпедами с углом раствора только 2 50 0 вместо шести. Это обеспечивало более концентрированный удар в середину авианосца, но требовало сближения на максимально короткую дистанцию. Последний раз взглянув в перископ, Танабэ скомандовал залп.

С мостика «Йорктауна» раздалась пулеметная очередь, предупреждающая об опасности. Наверху началась дикая суматоха — четыре белых торпедных

следа шли прямо на корабль. Одна торпеда прошла мимо... одна попала в «Хэммен»... две других, пройдя под эсминцем, угодили прямо в середину «Йорктауна». Снова грохот взрывов, сопровождаемый зубодробильным скрежетом, который бывает только при попаданиях торпед. Взрывом выбило заклепки треногой мачты и сбросило вниз корабельный колокол, разбив его вдребезги. Капитан 2 ранга Элдрич упал на палубу со сломанной рукой, а капитана 3 ранга Дэвиса, руководившего демонстрацией орудий, выбросило за борт.

Увидев следы торпед, командир «Хэммена» капитан 3 ранга Грэй отчаянно пытался отвести эсминец от авианосца. Командоры эсминца открыли огонь, пытаясь расстрелять торпеды в воде. Взрыв сбил Грэя с ног, бросив его на штурманский столик. Капитан 3 ранга сломал два ребра, у него перехватило дыхание, и в течение нескольких минут он не мог произнести ни слова.

Судьба эсминца была решена. Гидравлический удар от двух попаданий в «Йорктаун» проломил ему корпус, а прямое попадание почти разорвало корабль пополам. Через две минуты после взрыва эсминец уже погрузился в воду до уровня верхней палубы, и старший помощник лейтенант Ральф Илден приказал оставить корабль. Когда эсминец затонул, его глубинные бомбы, хотя и поставленные на предохранитель, неожиданно взорвались прямо среди плавающих моряков, убив большинство из них. Эскадренные миноносцы «Бэнхем» и «Бэлч» вытащили из воды тех счастливых, которым удалось уцелеть, и несколько

человек, сбитых взрывной волной с «Йорктауна». Позже всех на эсминец «Бэлч» был поднят командир «Хэммена» капитан 3 ранга Грэй. Плававшая среди обломков, Грэй поддерживал в воде в течение трех часов двух тяжело раненных матросов, забыв о своей контузии и сломанных ребрах.

На «Йорктауне» снова пришло время покидать корабль. Два новых попадания в правый борт прикончили авианосец. Он начал погружаться. Тральщик «Вирео» подошел к правому борту и снял с авианосца спасательную партию. Пока люди покидали «Йорктаун», эскадренные миноносцы «Гвайн», «Хьюджес» и «Монегхен» рыскали вокруг, пытаясь обнаружить подводную лодку. Эсминцы забрасывали район глубинными бомбами, но в течение пяти часов не было никаких признаков, говорящих о том, что им удалось достигнуть какого-либо успеха. Только в 18.45 с «Хьюджеса» внезапно увидели дым на горизонте. Через мощный дальномер удалось выяснить, что на расстоянии тринадцать миль в надводном положении, дымя дизелями, полным ходом идет подводная лодка, по-видимому, пытаясь быстрее покинуть район боя. «Хьюджес» и «Монегхен» ринулись в погоню и в 19.05 открыли огонь. Взятая в вилку разрывами снарядов, подводная лодка вскоре исчезла с поверхности моря. На эсминцах были уверены, что утопили ее. Спасенных не было.

* * *

Капитан 3 ранга Танабэ снова продемонстрировал свое блестящее мастерство. Погрузившись в дым собственных дизелей, он пошел прямо на

преследующие его эсминцы и прошел под ними. Они прогрохотали у него над головой и вскоре куда-то ушли. Танабэ облегченно вздохнул. Не считая короткого момента восторга и банзай во всех отсеках, когда торпеды поразили авианосец, все послеполуденное время было настоящим адом для подводников. Лейтенант Томита насчитал шестьдесят один взрыв глубинных бомб. Всплыв с наступлением темноты, Танабэ радовался о своем успехе адмиралу Ямамото.

На мостике «Ямато» адмирал Ямамото находился в глубокой задумчивости. Атаки на «Микума» и «Могами» говорили о том, что американские авианосцы все дальше уходят на запад. Может быть, их удастся поймать в ловушку? Около полудня Ямамото отправил на юг адмирала Кондо с авианосцем «Дзуйхо», шестью крейсерами и восемью эсминцами. Они должны были соединиться с «Могами» и «Микума», а затем попытаться втянуть американцев в ночное сражение. В 15.50 Ямамото повернул на юг, ведя за собой главные силы и все, что осталось от соединения Нагумо. Бомбардировщикам базовой авиации было приказано перелететь с Маршалловых островов на атолл Уэйк. Эти бомбардировщики плюс самолеты, оставшиеся на уцелевших легких авианосцах, должны были обеспечить Ямамото воздушную поддержку, а тяжелые корабли — сделать все остальное. Оставалось только поймать американцев в ловушку.

* * *

Адмирал Спрюэнс интуитивно чувствовал, что уже достаточно испытал свое счастье, продвигаясь

на запад. Он был в четырехстах милях от Мидуэя и уже входил в радиус действия японских самолетов, базирующихся на аэродромах атолла Уэйк. Топливо, особенно на эсминцах, было на исходе. Лучшие летчики были либо убиты, либо ранены, а оставшиеся в строю — измучены до предела. Поэтому вскоре после 19.00, когда вернулись самолеты, посланные на фотографирование гибели крейсера «Микума», 16-е оперативное соединение легло на обратный курс и направилось на восток. За кормой остались разбитые надежды японцев, а впереди ждала родная база и, конечно, отдых.

Для Мидуэя тоже все кончилось. Под занавес летчики «летающих крепостей» доложили о потоплении за пятнадцать секунд крейсера противника.

«Крейсер» оказался американской подводной лодкой «Грейлинг», которая спешно погрузилась, чтобы избежать бомб. На рассвете 7 июня на Мидуэе вновь воцарилось спокойствие.

* * *

В течение ночи авианосец «Йорктаун» снова накренился на левый борт. В 4.30 его полетная палуба опустилась в воду. На поверхности появился огромный пузырь, а внутри корабля раздался страшный треск ломаемых переборок. На сигнальных фалах авианосца все еще трепетал сигнал: «Мой ход пятнадцать узлов», поднятый перед атакой торпедоносцев. Огромный американский флаг, поднятый перед той же атакой, уже почти касался воды.

В 4.43 авианосец лег на левый борт, обнажая огромную пробоину в правом боку. Конец был близок, и в 4.54 все корабли приспустили флаги,

экипажи стояли с непокрытыми головами, вытянувшись по стойке смирно. Две патрульные летающие лодки появились над соединением, отсалютовав погибающему кораблю покачиванием крыльев. К 5.01 «Йорктаун», погружаясь кормой, медленно скрылся в пучине Тихого океана. Казалось, что он тонул спокойно, с величавым достоинством.

На эсминце «Хьюджес» сигнальщик Каретка пытался сдержать слезы. Он был очень юным, а хотел казаться взрослым. Когда же он увидел, что по щекам старослужащих — бывалых моряков — тоже текут слезы, то уже, не стесняясь никого, расплакался, как ребенок.

ГЛАВА 13

ПОСЛЕ БОЯ

Оставалось очень мало следов сражения: пустые снарядные гильзы... следы топлива... плавающие спасательные койки... черные резиновые плоты японцев, желтые — американцев... и разбросанные по океану одинокие фигурки полуголых, измученных людей, надеющихся на спасение...

Еще в ходе боя капитан 1 ранга Симард направил с Мидуэя сторожевые катера и летающие лодки разыскивать уцелевших. К полудню 4 июня сторожевой катер «РТ-20» уже вытащил из воды трех летчиков морской пехоты. 5 июня лейтенант Коул посадил свою летающую лодку в открытом море и принял на борт младшего лейтенанта

Джорджа Гея — единственного уцелевшего из 8-й торпедоносной эскадрильи авианосца «Хорнет». 6 июня лейтенант Брэдли доставил на Мидуэя четырех своих коллег с одной летающей лодки, сбитой японцами. Они провели пятьдесят восемь часов в океане, вычерпывая воду из порванной резиновой лодки. Брэдли обнаружил их в четырехстах милях западнее Мидуэя. Но заметить человека в океане очень трудно, и многие уже теряли надежду на спасение.

Летчики-истребители с «Хорнета» Пит Митчелл, Стен Райлоу и Джим Грэй, связав свои плотки, плавали вместе. Вокруг все время летали самолеты, и летчики были уверены, что их скоро спасут. Они ждали этого всю ночь и весь следующий день, но помощь не приходила. Когда наступила вторая ночь, появилась акула. Она вспорола плавником днище одного плотика, сбросив Райлоу и Митчелла в воду. Митчелл поранил руку о плавник акулы, в воду пролилась кровь, и казалось, что все кончено. Однако, акула, испугавшись чего-то, ушла. Утром летчики с помощью тубика с цементным клеем кое-как залатали плотик, вернув ему сносные мореходные качества, и снова стали ждать. Неприкосновенный запас продовольствия кончился. Оставалась одна фляга воды. Прошло 6 июня, наступило 7-е. Над ними пролетали случайные самолеты, а однажды на большом расстоянии летчики увидели эсминец, великолепно различимый на фоне дождевого шквала. Они отчаянно сигналили ему зеркалом, но с корабля их не заметили. Наступило 8 июня. Утром прямо над ними появилась летающая лодка. Пилоты дико замахали

руками, и их сердца почти остановились, когда показалось, что «Каталина» пролетит мимо. Но в последний момент летающая лодка развернулась, и ее командир лейтенант Фрэнк Файслер великолепно сел на воду, подрулив к самым плотикам.

За десять дней летающие лодки подобрали из воды двадцать семь летчиков, а 9 июня подводная лодка «Тройт» добавила к этой коллекции еще двух человек, на этот раз — японцев с крейсера «Микума». Двое матросов-радиостов — Есида и кочегар Исикава — были единственными уцелевшими на плоту, где первоначально находились девятнадцать человек.

А через Тихий океан шел на веслах баркас, набитый чудом спасшимися механиками с авианосца «Хирю». Капитан 2 ранга Айзо, отчаявшись дожидаться подхода линкоров адмирала Ямамото, решил попытаться на веслах и под импровизированным парусом из одеяла добраться до Уэйка. У них не было ни карт, ни компаса — только солнце, звезды и шесть весел. Беда заключалась в том, что было очень мало продовольствия и еще меньше жидкости — пятьдесят восемь бутылок пива на тридцать девять человек. Проходил день за днем, но они ничего не видели, кроме пустынного океана. Неожиданно налетел шторм, и в борьбе с разбушевавшейся стихией пришлось сажать по четыре человека на весло, чтобы держать баркас носом к волне. Затем погода снова успокоилась, и все разговоры шли только о еде. Младший лейтенант Мандаи вспоминал чудесные плоды молочного

дерева у себя на родине, обещая угостить ими всех, когда они вернутся домой.

На десятый день, 14 июня, один из матросов умер от истощения. Над ним прочли молитву и осторожно опустили тело за борт. Затем умерли еще четыре человека. На двенадцатый день они заметили летающую лодку, а на тринадцатый день — еще одну. Они были уверены, что самолет японский, и взвыли от злости, увидев на его борту огромную белую звезду. На пятнадцатый день на горизонте появился корабль. Он был четырехпалубный, и стало ясно, что это корабль противника. На баркасе разгорелся спор, принимать от американцев помощь, или нет. В конце концов решили сделать это, а потом попытаться захватить корабль и привести его с триумфом в Японию. Конечно, это была совершенно дикая фантазия, но она облегчила их решение остаться в живых. Корабль, оказавшийся американским гидроавиатранспортом «Бэллэрд», подошел к баркасу. Матросы бросили японцам конец, и война для механиков с «Хирю» закончилась. Позднее на допросах они твердо заявили, что считают себя опозоренными попаданием в плен, что дорога на родину им закрыта, что они не хотят, чтобы Япония была информирована об их судьбе — пусть дома думают, что они погибли вместе с авианосцем «Хирю».

* * *

Возвращение японского флота домой было тяжелым. На рассвете 7 июня адмирал Ямамото махнул рукой на все планы и, уйдя в свою каюту, лег на койку и уже не вставал до следующего утра.

Старший вестовой принес главкому тарелку с рисовой кашей, но адмирал даже не притронулся к ней.

9 июня на «Ямато» прибыл катер с адмиралом Кусака. Кусака, еще одетый в свою испачканную и обгоревшую форму, тяжело хромя, с трудом поднялся на мостик в сопровождении капитана 1 ранга Оиси и капитана 2 ранга Генда. На мостике их встретил Ямамото. Он обнял адмирала Кусака за плечи, поблагодарив за все, что тот сделал и перенес. Ямамото пытался сделать все, чтобы поднять настроение своих подчиненных. Для уцелевших с авианосцев были приготовлены пирожные, пакеты с деньгами и даже свежее белье.

Кусака попросил разрешения поговорить с Ямамото с глазу на глаз. В маленьком помещении под мостиком он рассказал главкому, как подавлены случившимся офицеры, все еще ведя разговоры о самоубийстве. Кусака попросил Ямамото реорганизовать авианосный флот и дать шанс отомстить за поражение. Глаза Ямамото наполнились слезами, и он ответил: «Я понимаю вас, Кусака, и все сделаю».

На крейсере «Нагара» адмирал Нагумо снова впал в протрацию. Было приказано не спускать с него глаз, чтобы он не наделал каких-нибудь глупостей. Ошеломленные поражением офицеры, осознав катастрофу, пытались понять, как это могло произойти. Если бы гидросамолет № 4 с тяжелого крейсера «Тонэ» вылетел вовремя, то американский флот мог быть обнаруженным до перевооружения второй ударной волны... если бы пикирующие бомбардировщики противника атаковали их всего на несколько минут позже, то само-

леты с авианосцев были бы уже подняты в воздух... если бы они атаковали американские авианосцы сразу же, как предлагал Ямагути, не дожидаясь, пока будут готовы все самолеты... Неожиданно стали очевидны грубейшие ошибки всего оперативного плана боя, который полностью зависел от того, что американский флот отреагирует на удар по Мидуэю именно так, как ожидали японцы. Это распылило огромные силы адмирала Ямамото по всему Тихому океану вместо сосредоточения их в направлении главного удара. От всего плана веяло сверхсамоуверенностью и опасным пренебрежением к противнику. А ведь было совсем несложно обеспечить воздушную разведку на авианосцах, участвовавших в бою.

Все это было так, но сейчас самым главным становилось ослабление эффекта в стране от столь ошеломляющего поражения. Еще находясь в море, Ямамото полностью сообщил о результатах боя начальнику Главного Морского штаба адмиралу Нагано. Нагано позвонил в генштаб, и 8 июня представители высшего командования собрались на совещание, на котором эти ужасные новости были доложены премьер-министру Тодзио. Выслушав доклад, генерал Тодзио принял следующие решения:

1. Факты катастрофы не должны выйти за пределы этой комнаты.

2. Все имеющиеся в распоряжении средства должны быть выделены для восполнения потерь.

3. Никакой публичной критики в отношении флота.

10 июня звуки фанфар и знакомая мелодия

военно-морского марша возвестили слушателям Токийского радио, что сейчас будет передано сообщение о новой крупной победе на море. И действительно, сообщение выглядело внушительным: два американских авианосца потоплено... сбито сто двадцать самолетов противника... высажен десант на Алеутские острова... стерта с лица земли военно-воздушная база противника на Мидуэе. Японские потери: один авианосец потоплен, еще один авианосец и крейсер повреждены. Потеряно тридцать пять самолетов.

На следующий день ведущий военный радиокорментатор Японии Масанори Ито, выступая по столичному радио, заявил, что «результаты войны настолько блестящи, что превосходят всякое воображение». Ему вторил начальник отдела прессы ВМС при императорской ставке капитан 1 ранга Хидео Хирайде, который договорился до того, что «отвлекающий диверсионный удар по Мидуэю дал возможность без помех высадить десант на Алеутские острова».

Кинооператор Макисима, прибыв на военноморскую базу в Куре, был предупрежден, что если он появится в Токио, то будет немедленно арестован. Несколько недель Макисима находился в Куре, не имея возможности даже связаться с семьей, а затем снова был послан в море. Уцелевшие из экипажей погибших авианосцев были изолированы в казармах на базах Сахеки и Капоя, а экипажи надводных кораблей, вставших на рейде Хасирадзима, были лишены увольнений на берег. Еще тяжелее пришлось раненым. Капитан 2 ранга Охара

десять недель пробыл в госпитале, залечивая ожоги, полученные на авианосце «Сорю», и в течение всего этого времени ему не разрешалось принимать никаких посетителей или видеть кого-нибудь из других пациентов госпиталя.

Когда капитана 2 ранга Футида несли на берег, с ним обращались подобно тому, как в середине века обращались с жертвами чумы. Его сняли с корабля ночью, неся в закрытых носилках, и тайно доставили в госпиталь через черный ход.

* * *

На залитых слепополуденным солнцем пирсах Перл-Харбора ровными рядами стояли санитарные автомашины. Среди многих людей, высыпавших на пирс, были адмирал Нимиц с несколькими офицерами своего штаба. Подходил эскадренный миноносец «Бэнхем» — первый корабль, вернувшийся в Перл-Харбор после боя, имея на борту раненых с эсминца «Хэммен». Когда эсминец подходил к своему месту у стенки, все корабли, находящиеся в гавани, приспустили флаги, салютуя ему. Матросы «Бэнхема» были очень сконфужены такими почестями, но они безмерно гордились осколочными пробоинами в корпусе своего корабля и перебитой антенной на мачте. Когда «Бэнхем» встал на швартовы, на борт эсминца поднялся адмирал Нимиц. Командующий флотом пожал руку командиру корабля капитану 3 ранга Джозефу Вортингтону, а затем, повернувшись к построеному экипажу, поблагодарил моряков за все, что они сделали. После того, как командующий флотом покинул эсминец, началась выгрузка раненых —

пятьдесят носилок были погружены в санитарные автомобили.

Через четыре дня, утром 13 июня, развевая на ветру огромные боевые флаги, в Перл-Харбор прибыли «Энтерпрайз» и «Хорнет» вместе со всеми остальными кораблями 16-го и 17-го оперативных соединений. Пирсы и палубы кораблей были заполнены народом. Моряки, рабочие заводов, жители города — все стояли молча — не было ни оркестров, ни салютов, ни оваций...

Несколько позже в штаб Нимица прибыл капитан 1 ранга Симард, направляющийся с Мидуэя к новому месту службы. Командующий флотом поблагодарил Симарда и поздравил его с присвоенным накануне боя очередным воинским званием. Указав на новые серебряные орлы капитана 1 ранга на погонах Симарда, адмирал Нимиц, который присвоил ему это звание, с усмешкой заметил: «Откровенно говоря, я просто направил вам цветы перед похоронами».

Затем к Нимицу явился генерал Иммонс с бутылкой шампанского, украшенной бело-голубой лентой, символизирующей цвета флота. Иммонс поздравил командующего флотом и признал свою неправоту при оценке намерений противника.

Тут кто-то вспомнил о Джо Рочфорте, из подвала которого поступила та блестящая развединформация, что и позволила выиграть сражение. Нимиц приказал вызвать Рочфорта, но тот, как всегда погруженный в работу, снова опоздал на полчаса. Но на этот раз адмирал не рассердился на него. Собрав свой штаб, командующий объявил,

что одержанной победой они все обязаны блестящей работе возглавляемого Рочфортом подразделения военно-морской разведки. Рочфорт ответил, что он очень рад перемене в отношении к его подразделению со стороны командования.

Летчики отдыхали. Пилоты «Энтерпрайза» и «Йорктауна» оспаривали друг у друга почести первого дня сражения. В Королевском Гавайском отеле произошел яростный спор между летчиками армейской и морской авиаций, чуть не закончившийся дракой. (Только после войны стало известно, что «летающие крепости» сбросили в бою у Мидуэя триста двадцать две бомбы на корабли противника, но не добились ни одного попадания).

Первоначальное напряжение спадало, и вскоре все больше и больше стали говорить о недостатках, выявленных в ходе боя. Были сделаны, пожалуй, правильные выводы, что развертывание подводных лодок было проведено плохо, что воздушная разведка была организована убого, что связь была медленной и громоздкой, что не было достаточной координации действий между оперативными соединениями, что «Йорктаун» можно было спасти, что 16-е оперативное соединение не сумело как следует развить достигнутый успех. В длинном перечне выявленных недостатков легко даже можно было забыть о том, какое громадное дело был сделано, несмотря на все недостатки!

Ведь, в сущности, совсем небольшое количество решительных людей, вступив в бой с подавляюще-превосходящими силами противника, ценой

величайшего самопожертвования, полностью изменили ход войны на Тихом океане. После этого поражения японцы так больше и не сумели перехватить инициативу и перейти в наступление. Однако, судьба сражения висела на таком тонком волоске, что американцы были ошеломлены своей победой не меньше, чем противник поражением. И насколько этот волосок был тонким, может быть, никто не понял лучше, чем командир подводной лодки «Наутилус» капитан 3 ранга Брокман.

Подойдя 5 июня к Мидуэю, он понятия не имел о том, как кончилось сражение и в чьих руках находится сам атолл. Мидуэй выглядел как обычно, — проносящиеся над морем альбатросы, белая полоса прибоя, разбивающаяся об ослепительный коралловый песок, тусклая голубизна лагуны. Брокман повел своим перископом вдоль атолла и наконец увидел то, что искал. Высоко над командным пунктом Сэнд-Айленда гордо развевался в воздухе звездно-полосатый американский флаг.

Последовательная политика президента Рузвельта, сумевшего вовлечь “больную изоляционизмом” Америку во Вторую мировую войну, привела к тому, что единственным реальным победителем в войне, единственным “плюсом” в сегодняшнем мире стали Соединенные штаты.

ISBN 5-85976-210-0

9 785859 762101

